

АНАЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ГЕОПОЛИТИКА
И
БЕЗОПАСНОСТЬ
GEOPOLITICS AND SECURITY

№ 4 (40) 2017

Санкт-Петербург

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Международный редакционный совет:

- Ивашов Л. Г. (председатель)* – д. истор. н., профессор Московского государственного лингвистического университета, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем (Москва);
- Васильев Ю. С. (заместитель председателя совета)* – академик РАН, д. техн. н., профессор, научный руководитель Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург);
- Акаев А. А.* – иностранный член РАН, д. техн. н., профессор, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им. И. Р. Пригожина Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва);
- Ван Сяоцюань* – д. юрид. н., генеральный секретарь Исследовательского центра «Один пояс и Один путь» Китайской академии общественных наук (Пекин, КНР);
- Вертлиб Е. А.* – профессор политологии академик РАЕН (Париж, Франция);
- Ганчев Петко Димитров* – д. филос., д.полит.н., профессор, председатель Геополитического центра «Евразия» (София, Болгария);
- Ильин И. В.* – д. полит. н., профессор, декан факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва);
- Ипатов О. С.* – д. техн. н., помощник ректора по работе с промышленностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург);
- Каталинич Бранко* – д. техн. н., профессор Венского технического университета, Президент of DAAAM International Vienna Univ. Prof. Dipl.-Ing. Dr. techn. Dr. mult.h.c. (Вена, Австрия);
- Каюмов Н. К.* – академик Академии наук Республики Таджикистан, д.экон.н., профессор заведующий отделом макроэкономических и региональных исследований института экономики и демографии АН РТ (Душанбе, Таджикистан);
- Кирвель Ч. С.* – д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь);
- Ковалев А. П.* – д. техн. н., профессор, председатель Совета директоров, Конструкторское бюро «Арсенал» (Санкт-Петербург);
- Кхатри Джагдиш* – адъюнкт-профессор Университета Shoolini биотехнологии и управления (Солана, Индия);
- Самбалхундэвийн Хаш-Эрдэнэ* – канд. соц. н., проректор по науке и международным связям университета «Маргад», председатель общества «Знание» Монголии (Улан-Батор, Монголия);
- Саямов Ю. Н.* – канд. истор. н., заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва);
- Чумаков А. Н.* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансовой академии при Правительстве РФ, первый вице-президент Российского философского общества (Москва);
- Ян Цзиньхай* – доктор философских наук, генеральный секретарь Бюро переводов при ЦК КПК (Пекин, КНР).

Редакционная коллегия:

- Главный редактор – Кефели И. Ф.* – д. филос. н., профессор, директор Центра геополитической экспертизы и издательских проектов Северо-Западного института управления РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого Петра Великого, первый вице-президент Академии геополитических проблем (Санкт-Петербург);
- Ковалев С. Н.* – д. истор. н., ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург);
- Козьменко С. Ю.* – д. экон. н., профессор Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты);
- Комлева Н. А.* – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета (Екатеринбург);
- Кузнецов Д. И.* – д. филос. н., проректор, пресс-секретарь, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург);
- Нурьшев Г. Н.* – д. полит. н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);
- Погодин С. Н.* – д. истор. н., профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург);
- Сильников М. В.* – член-корреспондент РАН, академик РАН, д. техн. н., профессор, Генеральный директор ЗАО «НПО Спецматериалы» (Санкт-Петербург);
- Чистобаев А. И.* – д. географ. н., профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);
- Шамахов В. А.* – д. экон. н., профессор, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС, действительный государственный советник Российской Федерации I класса.

ISSN 2071-2332

9 772071 233007

© Геополитика и безопасность, 2017

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

2017 год завершился выходом 40-го номера журнала, которому в декабре исполнилось 10 лет. «Геополитика и безопасность», – пожалуй, один из первых появившихся в Российской Федерации журналов аналитического и научно-практического характера. С 2011 года стали выходить «Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика» журнал «Геополитика» на Социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского выходит периодическое издание сугубо географического характера «Геополитика и экогеодинамика регионов». Разумеется, статьи российских авторов по геополитике публикуются во многих других журналах, за которыми порой бывает трудно уследить и составить общее представление о тенденциях развития отечественной геополитической мысли. Но в большинстве своем они следуют одному из пунктов программы геополитики, опубликованной К. Хаусхофером и его коллегами в 1928 году в работе «Bausteine zur Geopolitik»: «Геополитика стремится и должна стать географической совестью государства». Миссия нашего журнала остается прежней – распространение результатов российских и зарубежных исследований в области истории и теории геополитики, глобальной и национальной безопасности, региональных конфликтов и связанных с ними проблем, анализа существующих тенденций и прогнозов в этих сферах, публикация исследований молодых ученых, архивных, исторических и официальных документов, освещение работы научных конференций.

Вот и данный номер журнала является наглядным тому подтверждением. Открывается он интервью Чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Китае Андрея Ивановича Денисова на тему «Россия и Китай: перспективы взаимодействия». Публикуются статьи и выступления участников межпарламентских слушаний по вопросам эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях, которые прошли 30 сентября 2017 г. в Ереване по инициативе Парламентской ассамблеи ОДКБ и Национального Собрания Республики Армения. (The effective countering of the collective security system of hybrid wars under modern conditions (Interparliamentary hearing. 30.09. 2017, Yerevan). Особый интерес для читателей представит публикация написанного в 1972 году одним из пионеров ракетной техники Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым полного варианта статьи о создании, подготовке, пуске и итогах полёта по орбите Первого искусственного спутника Земли. Полет Первого ИСЗ положил начало расширению масштабов геополитической деятельности человека за пределы географического пространства – в околоземное космическое пространство.

С уважением,

Главный редактор Игорь Кефели

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	3
--------------------------------	----------

РОССИЯ И КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.

Интервью Чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Китае Андрея Ивановича Денисова	9
---	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

КЕФЕЛИ И. Ф., КОЛБАНЕВ М. О.

К вопросу о формировании теории глобальной безопасности	15
---	----

АРЧАКОВ В.Ю., МАКАРОВ О. С.

Информационные технологии гибридных войн	22
--	----

МАРДЖАНЯН А. А.

Научно-информационная политика и гибридные войны	26
--	----

ПЕРЕВАЛОВ Д. В.

Правовое обеспечение противодействия гибридным войнам	35
---	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

ЛЕВКИН И.М., БОРЩЕНКО В. В.

Информационные свойства геополитического пространства	39
---	----

ЦЗУ ЧУНЬМИН

«Азиатская идея» в евразийстве: от становления к современной стратегии	46
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

БАХТУРИДЗЕ З. З.

Региональный потенциал обеспечения безопасности Южного Кавказа	54
--	----

ПОГОДИН С. Н., ТАРАКАНОВА Т. С.

Стратегическое партнерство России и Китая на площадке ШОС	62
---	----

ГЕОЭКОНОМИКА**БОНДУРОВСКИЙ В. В., СУХАРЕНКО А. Н.**

Обеспечение экономической безопасности как стратегическая задача государства 67

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**МУЗА Д. Е.**

Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации..... 79

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ**САЕТГАЛЕЕВА Я. Я.**

Энергетический потенциал стран Ближнего Востока 85

ПУБЛИКАЦИИ**ТИХОНРАВОВ М. К.**Заметки по истории создания первого искусственного спутника Земли
(Публикация подготовлена Л. П. Вершининой) ..... 91**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ****ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ
РАЗВИТИЕМ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

(14–16 сентября 2017 г., Северодвинск) 101

**ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ.**

30 сентября 2017 года, Ереван) 107

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

(8 декабря 2017 года) 131

НАШИ АВТОРЫ ..... 135**АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** ..... 137**СВОДНАЯ ТАБЛИЦА СТАТЕЙ** 143

EDITOR'S COLUMN	8
------------------------------	---

RUSSIA AND CHINA: PROSPECTS OF COOPERATION.

Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in China Andrei I. Denisov	9
---	---

GENERAL ISSUES OF GEOPOLITICS AND SECURITY

IGOR F. KEFELI, MICHAEL O. KOLBANEV

To the question of the formation of the theory of global security	15
---	----

VLADIMIR Y. ARCHAKOV, OLEG S. MAKAROV

Information technology of hybrid wars	22
---	----

ARA H. MARJANYAN

Scientific information policy and hybrid war	26
--	----

DMITRY V. PEREVALOV

Legal provision of counter hybrid wars	35
--	----

THEORY AND HISTORY OF GEOPOLITICS

IGOR M. LEVKIN, VICTOR V. BORSHCHENKO

Information properties geopolitical space	39
---	----

ZU CHUNMIN

«Asian idea» in the Eurasianism: from becoming to modern strategy	46
---	----

REGIONAL GEOPOLITICS

ZEINAB Z. BAKHTURIDZE

Regional security potential of the South Caucasus.....	54
--	----

SERGEY N. POGODIN, TAMARA S. TARAKANOVA

Strategic partnership of Russia and China on the SCO framework	62
--	----

GEOECONOMICS

- VLADIMIR V. BONDUROVSKIJ, ALEXANDER N. SUKHARENKO**
Ensuring economic security as a strategic task of the state 67

GLOBAL SECURITY

- DMITRI Y. MUSA**
Ideology as a basis for the strategic security of the Russian civilization 79

WORD OF THE YOUNG RESEARCHERS

- JANA A. SAITGALIEVA**
The energy potential of the countries of the Middle East 85

PUBLICATIONS

- MICHAEL K. TIKHONRAVOV**
Notes on history of creation of the first artificial Earth satellite. (The publication was prepared by Lyubov P. Vershinina) 91

SCIENTIFIC LIFE

- ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «MANAGEMENT OF INNOVATION
DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION**
(14-16 September 2017, Severodvinsk) 101

- THE EFFECTIVE COUNTERING OF THE COLLECTIVE SECURITY SYSTEM OF HYBRID WARS
UNDER MODERN CONDITIONS**
(Interparliamentary hearing. 30 September 2017, Yerevan) 107

- EUROASIAN SCIENTIFIC FORUM IN ST.-PETERSBURG**
(December 8, 2017) 131

- OUR AUTHORS** 136

- ABSTRACTS AND KEYWORDS** 140

- COMBINED TABLE OF ARTICLES** 146

EDITOR'S COLUMN

Dear readers!

2017 year ended with the release of 40-th issue of the magazine, which in December reached the age of 10 years. «Geopolitics and security» – perhaps one of the first appeared in the Russian Federation journals of analytical and scientific and practical nature. With the 2011 year published «Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series XXVII. Globalistics and geopolitics» magazine «Geopolitics» (Sociological Faculty of Lomonosov Moscow State University). In

V. I. Vernadsky Crimean Federal University publishes purely geographical periodical magazine «Geopolitics and environmental Geodynamics of regions».

Of course, articles on geopolitics of Russian authors are published in many other magazines, for whom it was sometimes difficult to follow, and an overview of the trends in development of national geopolitical thoughts. But for the most part they follow one of the paragraphs of the programme of geopolitics, published by K. Haushofer and his colleagues in the year 1928 «Bausteine zur Geopolitik»: « Geopolitics seeks and should become a geographic conscience of the State». Our mission remains the same – to disseminate the results of Russian and foreign research in the field of history and theory of geopolitics, global and national security, regional conflicts and their associated problems, analysis trends and projections in those areas,

publication of studies of young scientists, archival, historical and official documents, coverage of scientific conferences. Here the issue is a clear proof of this He opens an interview Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in China Andrei I. Denisov on the theme «Russia and China: prospects of cooperation». Articles and presentations parliamentary hearings on effective collective security system, hybrid wars under modern conditions at the meeting, which was held from September 30, 2017 in Yerevan on the initiative of the CSTO Parliamentary Assembly and the National Assembly of the Republic of Armenia (The effective countering of the collective security system of hybrid wars under modern conditions (Interparliamentary hearing. 30.09. 2017, Yerevan). Of particular interest to readers submit publication written in 1972 by one of the pioneers of missile technology Michael K. Tihonravov the full version of the article on creating, preparing, starting and the outcome of the flight of the first artificial satellite to orbit The Earth. This event marked the beginning of the expansion of geopolitical human activity beyond geographical space-in near-Earth space.

With best regards!

Chief Editor Igor Kefeli

РОССИЯ И КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ИНТЕРВЬЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО
ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КИТАЕ
АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ДЕНИСОВА

От редактора. Ниже мы публикуем интервью с Чрезвычайным и полномочным послом Российской Федерации в Китае Андреем Ивановичем Денисовым, которое он любезно согласился дать для юбилейного номера нашего журнала. Тема интервью – перспективы взаимодействия двух великих держав-партнеров – актуальна. Она порождает как надежды на плодотворное будущее, так и вопросы, порой даже сомнения... Поэтому надо надеяться, что для читателей журнала будет важно знать авторитетное мнение видного российского дипломата и специалиста в области международных отношений (Игорь Кефели).

И. К. Уважаемый Андрей Иванович, спасибо за Ваше согласие дать интервью нашему журналу. Я знаком с Вашими предыдущими выступлениями и публикациями, которые произвели на меня сильное впечатление своей содержательностью и концептуальностью, четкостью формулировок и, естественно, дипломатическим тактом. Если Вы, уважаемый Андрей Иванович, не возражаете, проведем интервью в сугубо геополитическом ракурсе. В первую очередь хотелось бы спросить, какую, на Ваш взгляд, роль играют отношения России с Китаем в формировании более демократичного мирового порядка?

А. И. Современный мир продолжает переживать непростое время. Это в немалой степени обусловлено не только процессами глобализации и информатизации общества, но и становлением многополярной или, как ее иногда называют,

полицентричной системы международных отношений. В мире есть определенные силы, как, например, военно-политическое руководство США, которое хотели бы не только сохранить

за собой доминирующие позиции в мировой политике и экономике, но и укрепить их с целью обеспечения своего глобального лидерства в XXI веке. Понятно, что применительно к таким тенденциям говорить о демократичном миропорядке не приходится.

В этой связи роль России и Китая очень важна. Мы выступаем с общих или близких позиций по широкому кругу вопросов глобальной и региональной повестки дня. Наши голоса создают условия для дискуссии в многосторонних форматах, выработки более выверенных, взвешенных, сбалансированных решений по той или иной проблеме. Тем самым порой удается избежать грубейших политических ошибок, попрания международного права, спасти от катастрофы целые народы, а также страны и регионы, в которых они проживают.

Основой для российско-китайского взаимодействия на международной арене служит глубокое взаимное доверие и высокий уровень политических отношений. В каждодневном режиме китайские дипломаты в Москве, а мы здесь, в Пекине, решаем поставленные руководством наших стран задачи. В тесной координации российские и китайские представители трудятся на многосторонних площадках в Нью-Йорке, Вене, Женеве, Гааге и т. д. Это полностью отражает характер сложившихся между Россией и Китаем отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, которые мы ценим, бережем и намерены укреплять дальше во имя построения более демократичного мирового порядка.

И. К. Процессы глобализации и информатизации общества, как Вы отметили выше, действительно, порождают непредсказуемые порой трудности на пути создания демократичного мироустройства. Это, в частности, проявляется в превращении цифровой среды, глобального информационного пространства в зону повышенного риска, присущего системе международных отношений, что становится предметом анализа информационной геополитики. Как, в таком случае, должны строиться наши отношения с Китаем в сфере информационной безопасности?

А. И. Многолетняя профессиональная дискуссия с участием профильных экспертов наших стран ведется в рамках Международного союза

электросвязи, в частности, по вопросам управления глобальной сетью Интернет, распределения доменов, а также контроля над ее национальными сегментами. Благодаря этому складывается широкое взаимопонимание в том, что управление Интернетом больше не может осуществляться кем-то одним; пора избавляться от изначально сложившейся монополии США в этой сфере. Большинство стран исходят из того, что национальные сегменты глобальной сети должны оставаться под суверенным контролем, в том числе с точки зрения обеспечения безопасности сети и порядка ее функционирования. Здесь у нас с Китаем очень близкие, практически единые позиции.

Проблематика информационной безопасности уже давно вышла за рамки узкопрофильной специализации и окончательно закрепились в повестке дня многих других международных организаций, в первую очередь Организации Объединенных Наций. Россия и Китай являются активными участниками Группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по международной информационной безопасности (МИБ). В рамках ГПЭ мы совместно продвигаем принципы, выработанные на таких площадках, как ШОС и БРИКС. В Шанхайской организации сотрудничества работает Группа экспертов по МИБ. Ожидается, что ее очередное заседание под традиционным российским председательством пройдет в Пекине в январе 2018 г. В формате БРИКС создана Рабочая группа по сотрудничеству в области информационно-коммуникационных технологий, крайнее заседание которой состоялось под китайским председательством в июле 2017 г. в Ханчжоу.

Взаимодействие в шосовской «шестерке», которая в этом году, как известно, превратилась в «восьмерку», позволило экспертам разработать не имеющий аналогов в мире «кодекс поведения», как его называют наши китайские партнеры, или по-нашему – «правила» ответственного поведения государств в информационном пространстве, которые от имени ШОС официально были представлены в ООН в 2015 г. В целях популяризации и расширения международного признания этих «правил» вместе с китайскими единомышленниками работаем над принятием соответствующих ооновских резолюций. В настоящее время нашими партнерами по БРИКС изучается разработанный

российской стороной проект концепции Конвенции ООН по безопасному функционированию и развитию сети Интернет. Намерены запустить аналогичную работу и в рамках ШОС с подключением других заинтересованных сторон.

Конечно же, успехи в ООН, ШОС и БРИКС на треке информационной безопасности были бы, наверное, невозможны без плотного взаимодействия, в первую очередь между Россией и Китаем, на двусторонней основе. Не один год регулярно проводятся российско-китайские межведомственные консультации по международной информационной безопасности. Благодаря работе данного механизма в 2015 г. мы вышли в Москве на подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве в области обеспечения МИБ, а в 2016 г. в Пекине главы наших государств приняли совместное заявление о взаимодействии в области развития информационного пространства.

И. К. Одним из глобальных проектов, нацеленного на построение полицентричного мира, является предложенный президентом России В. Путиным проект большого Евразийского партнерства – «Большая Евразия» Расскажите, как идет работа в этом направлении по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП и выстраивается евразийский вектор российской и китайской геополитики.

А. И. С 1990-х годов шаг за шагом заинтересованные стороны продвигались по пути евразийской интеграции. Этот процесс был непростым и предполагал «обкатку» самых разных вариантов и моделей, в результате чего впоследствии и было создано Евразийское экономическое сообщество, а несколько позднее – Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, который с 2015 г. трансформировался в Евразийский экономический союз – ЕАЭС (ЕврАзЭС – так его в последнее время опять стали называть). К нему также подключились Армения и Киргизия. Это один из наших важнейших и безусловных приоритетов.

В 2013 г. в Астане и Джакарте Председатель КНР Си Цзиньпин анонсировал намерение построить «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП). Позднее обе эти инициативы были объединены под общим названием «Один пояс, Один путь» (ОПОП). Важнейшим политическим

решением лидеров России и Китая стало объявление ими в Совместном заявлении от 8 мая 2015 г. о сопряжении строительства ЕАЭС и ЭПШП. Мы впервые заявили о поддержке ЭПШП, наши китайские партнеры – о поддержке ЕАЭС. В июле этого года договоренность трансформировалась в сопряжение ЕАЭС и ОПОП, в том числе при том понимании, что мы готовы рассматривать в контексте сопряжения наших усилий конкретные аспекты развития Северного морского пути, который наши китайские партнеры вместе с маршрутами вдоль канадского побережья и напрямую через Северный полюс стали поэтично, но не вполне корректно называть «Ледовым шелковым путем».

Вскоре после принятия упомянутого Совместного заявления на его основе был создан межведомственный механизм в формате рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел, в рамках которого с 2015 г. в Москве и Пекине состоялось уже несколько заседаний. Дан старт предметному разговору по всему комплексу вопросов сопряжения, включая согласование «дорожной карты» проектов в формате ЕАЭС-КНР.

В результате динамичных переговоров выработан текст соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. 1 октября 2017 г. в Ханчжоу об этом было официально объявлено Членом Коллегии (Министром) по торговле ЕЭК В. О. Никишиной и Министром коммерции КНР Чжун Шанем. Достигнута договоренность об ускорении работы по соответствующему соглашению касательно обмена таможенными данными.

Еще одним вектором проводимой нашими сторонами работы является реализация долгосрочной цели формирования большого Евразийского партнерства. Впервые об этом в 2015 г. сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию. Дальнейшее развитие данная идея получила в 2016 г. в выступлении лидера Российского государства на очередном Петербургском международном экономическом форуме. Во время Международного форума сотрудничества «Один пояс, Один путь», который прошел в мае 2017 г. в Пекине, Владимир Владимирович

пригласил широкую иностранную аудиторию к активному участию в формировании единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана. В нашем с китайскими коллегами представлении такое партнерское пространство должно базироваться на объединении интеграционных усилий в рамках ЕАЭС, ШОС и АСЕАН.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. По линии торгово-экономических министерств наших двух стран продолжается разработка технико-экономического обоснования всеобъемлющего евразийского экономического партнерства в качестве первого шага к Большой Евразии. Россия и Китай приветствуют готовность других заинтересованных сторон присоединиться к данному процессу. Хорошие перспективы для этого создает стремление ряда крупных международных игроков к налаживанию партнерских отношений с названными интеграционными центрами. По сути, вокруг них закручиваются еще более мощные потоки торгово-инвестиционной либерализации. Заключено соглашение ЕАЭС о свободной торговле с Вьетнамом. Обсуждаются аналогичные документы с Сингапуром, Индией, Ираном, Израилем и другими кандидатами.

В этом году Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС. Не сходит с повестки дня Организации вопрос о вступлении в нее Ирана. Благодаря нашим казахстанским партнерам запущена работа группы экспертов по упрощению торговли. Китайские друзья в рамках своего председательства в ШОС в 2017-2018 годах выступили с инициативой подписания соглашения о процедурах упрощения торговли. В качестве долгосрочной цели Пекин не первый год продвигает еще более амбициозную цель – создание зоны свободной торговли ШОС.

Форсируются переговоры о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) между АСЕАН и ее ведущими партнерами. Соответствующие договоренности достигнуты на встрече лидеров государств-участников переговоров по ВРЭП в Маниле в ноябре с. г. Генеральный секретарь ШОС Р. К. Алимов впервые участвовал сначала в министерских мероприятиях АСЕАН, а затем – в саммитах АСЕАН и ВАС под филиппинским председательством. Есть все основания полагать, что эта позитивная практика продол-

жится и далее, в период председательства Сингапура и при поддержке нового Генсекретаря «десятки» от Брунея. В свою очередь, лидеры стран Ассоциации еще на юбилейном саммите Россия-АСЕАН в Сочи в 2016 г. выразили заинтересованность в сближении с ЕАЭС.

И. К. В КНР недавно завершился 19-й съезд Компартии Китая. Какие итоги съезда Вы как китаевед считаете наиболее значимыми?

А. И. Наиболее значимым считаю появление в Уставе КПК постулата об идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху и анонсирование «дорожной карты» развития страны на тридцатилетнюю перспективу. В Китае придали новый импульс партийно-государственному строительству, обозначили основные принципы и методы реализации амбициозных, в хорошем смысле этого слова, задач. Доклад Генерального секретаря КПК, Председателя КНР Си Цзиньпина на съезде – основа, на которой будет выстраиваться работа китайской государственной власти во всех без исключения сферах.

Провозглашение наступления «новой эпохи» говорит об успехах в реализации стратегии развития страны, позволивших выйти на принципиально иной уровень. То, что это уже сделано, укрепляет уверенность китайского руководства и всего народа в своих силах.

Для мирового сообщества важна заявленная Китаем активная позиция по международной повестке дня. Даже неспециалистам понятно, что значение подходов Пекина ко всем основным внешнеполитическим проблемам еще больше возрастет. Очевидно, что роли второго плана для страны остались в прошлом.

Претворять «китайскую мечту» о возрождении нации и вхождении КНР к середине столетия в число наиболее развитых стран мира будет обновленная команда китайского руководства. Ее планомерное последовательное формирование также является важным итогом съезда, свидетельствующим об устойчивости политической власти в стране.

И. К. Уважаемый Андрей Иванович, напоследок расскажите, какие перспективы Вы видите в россий-

ско-китайском взаимодействии в многосторонних форматах, прежде всего в ШОС и БРИКС.

А. И. Отвечая на вопрос, касающийся российско-китайского взаимодействия в сфере информационной безопасности, я уже затронул один из аспектов координации позиций и подходов наших двух стран в форматах ШОС и БРИКС. Очевидно, что он далеко не единственный. Взаимодействие наших стран в шосовском и бриксовском форматах являются много- или широкопрофильным. Начну с ШОС.

В этом году, повторюсь, состоялось историческое расширение Организации за счет вступления в нее Индии и Пакистана. Этого момента ждали давно, готовились к нему долго, на протяжении всех последних лет. Не обошлось и без сомнений. Однако возобладала точка зрения, что с приемом новых членов потенциал ШОС только укрепится, позволит ей выйти на качественно новый уровень.

Другим немаловажным итогом стало подписание Конвенции ШОС о противодействии экстремизму. В текст документа не только заложен передовой опыт наших стран в этой сфере. По сути, в нем определены ключевые ориентиры для противодействия экстремизму в глобальном масштабе, базирующиеся на более универсальных ценностях, нежели пресловутая, но весьма популярная на Западе концепция противодействия «насильственному экстремизму», не учитывающая многих региональных и страновых реалий.

Удалось возобновить работу Контактной группы ШОС-Афганистан, чье первое после долгого перерыва заседание прошло в октябре в Москве.

В практическом плане важным прорывом стало вступление в силу межправительственного соглашения ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. Соглашение открыто для присоединения не только новых членов, как в случае с Индией и Пакистаном, но и других заинтересованных сторон, как, например, Белоруссии, Монголии или Туркменистана. В мае 2017 г. в Пекине стороны провели «пристрелочное» заседание предусмотренной соглашением Совместной

комиссии на уровне заместителей министров транспорта и в настоящее время готовятся к проведению первого формального заседания.

Хотел бы отметить, что китайская сторона оказала неоценимую помощь нам как председателям в Совете глав правительств государств-членов ШОС в 2016-2017 годах, очередное заседание которого прошло совсем недавно в Сочи. Уникальность состоявшегося мероприятия в том, что это первое мероприятие такого уровня с участием новых членов – Индии и Пакистана. Все стороны в дружественном и, подчеркну, конструктивном ключе прошли вместе с нами весь путь российского председательства, что позволило выйти на солидный пакет сочинских договоренностей. Не меньшую поддержку мы намерены оказать нашим китайским партнерам в рамках их председательства в Совете глав государств-членов ШОС в 2017-2018 годах. Фактически сразу после Сочи стороны приступили к активной подготовке к саммиту ШОС, который пройдет в 2018 г. в Китае.

В российско-китайских отношениях всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия сотрудничество в формате БРИКС занимает особое место. В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики, принятом по итогам визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в июле 2017 г., указывается, что общими усилиями укрепляется влияние данного объединения на международную политическую и экономическую повестку дня, отмечается весомый вклад государств БРИКС в стимулирование роста мировой экономики, совершенствование глобального управления и демократизацию международных отношений. Также подчеркивается, что страны БРИКС должны в присущем этому объединению духе открытости, терпимости, взаимодействия и взаимной выгоды, равноправия и взаимоуважения продолжать развитие стратегического партнерства и практического сотрудничества в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах. Мы поддержали приоритеты работы китайского председательства в БРИКС в 2017 г. В Пекине созвучно нашей линии уделяли повышенное внимание реализации Стратегии экономического партнерства.

Страны едины в необходимости дальнейшего становления Нового банка развития и Пула условных валютных резервов. Постпредства наших стран в Вене, Женеве и Нью-Йорке стали плотнее координировать свою работу.

Кульминацией китайского председательства стал саммит БРИКС в сентябре в Сямэне, по итогам которого были приняты Сямэньская декларация и План действий, подписано несколько пятисторонних документов. Состоялся Деловой форум БРИКС, проведено открытие Фестиваля культуры стран БРИКС, что, безусловно, способствовало наращиванию «мягкой силы» Объединения. Состоялась пятая встреча в формате «аутрич» (*от англ. outreach – переходить предел, «активная работа с клиентами» – Ред.*) – Диалог со странами с формирующимися рынками и развивающейся экономикой, в которой, помимо стран БРИКС, приняли участие лидеры Гвинеи, Египта, Мексики, Таджикистана и Таиланда.

В целом саммит наглядно продемонстрировал единство «пятерки», скрепленное российско-китайским взаимодействием.

Не могу не упомянуть еще об одном важном механизме практического взаимодействия. Уже на протяжении многих лет действует трехсторонний формат сотрудничества между Россией, Индией и Китаем (РИК), в свое время предложенный академиком Е. М. Примаковым – выдающимся российским дипломатом и государственным деятелем. С обоими партнерами связи носят стратегический характер: с Китаем это отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, с Индией – особые привилегированные стратегические отношения. Несмотря на известные чувствительные моменты между Китаем и Индией, как в Пекине, так и в Нью-Дели заинтересованы в сохранении и укреплении данного, на мой взгляд, уникального формата.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. Монография. М.: ЮРАЙТ, 2018. – 274 с. – (Серия : Университеты России)

Серия «Университеты России» позволит высшим учебным заведениям нашей страны использовать в образовательном процессе издания (в том числе учебники и учебные пособия по различным дисциплинам), подготовленные преподавателями лучших университетов России и впервые опубликованные в издательствах университетов. Все представленные в этой серии работы прошли экспертную оценку учебно-методического

отдела издательства и публикуются в оригинальной редакции.

Книга посвящена исследованию процесса смены геополитических эпох – от традиционной Большой Европы к Большой Евразии. Авторы особое внимание уделили анализу истоков, содержания евразийской геополитики и геополитических контуров Евразийского экономического союза, а также перспективам осуществления проекта «Большая Евразия».

Книга рекомендуется работникам органов государственного управления, сферы науки и образования, студентам, обучающимся по направлениям и специальностям «География», «Международные отношения», «Политология», «Регионоведение», «Социология», «Философия», и аспирантам, изучающим дисциплину «История и философия науки и техники».

КЕФЕЛИ И. Ф., КОЛБАНЕВ М. О.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НАУКИ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В процессе развертывания четвертой промышленной революции научная картина мира обретает черты научно-технологической картины мира, поскольку на современном этапе научного познания мира открывается необъятный простор для реализации нанотехнологических возможностей его преобразования в интересах человека. Правда, некоторые специалисты предостерегают, что недалек тот час, когда подобного рода преобразования станут осуществляться в интересах самих систем искусственного интеллекта. С одной стороны, эти представления формировались в процессе становления теоретико-методологического аппарата кибернетики (в том числе, биологической кибернетики) в середине прошлого века. Как прозорливо предупредил Н. Винер, «если машины станут более и более квалифицированными и станут действовать на более и более высоком психологическом уровне, катастрофа... как господство машин, все ближе и ближе» [1]. С другой, – представления на эту тему инициируются новой (четвертой) промышленной революцией, в ходе которой раскрываются возможности нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. В таком случае научно-технологическая картина мира, рационализирующая представления о фундаментальной принадлежности любым сложноорганизованным

системам функций и структур, обеспечивающих их саморазвитие, устойчивость и надежность, неизбежно должна включать и представления о безопасности их существования, развития и функционирования. Трансляция этих представлений в русло сугубо научных рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности – безопасности существования, развития и функционирования биологических (биосферных), социальных и больших технических систем.

Единая наука глобальной безопасности

Пожалуй, первое конструктивное заявление о науке безопасности, направленной на изучение природы и социального характера безопасности в контексте системы «человек – машина – окружающая среда» было сделано на 1-м Международном конгрессе «Наука безопасности» в Кёльне (сентябрь 1990 г.). В центре внимания участников конференции оказались риски различной природы и возможности их минимизации с целью создания устойчивого функционирования социоприродной системы. Вилли Гейзен, выступая основным докладчиком, достаточно четко определил направление решения проблемы безопасности: «Наука безопасности

может быть представлена посредством базовой модели, а именно МТЕ-модели (объединяющей человека (Man), технологии (Technology) и окружающую среду (Environment). – *Авт.*)... Эта модель позволяет нам сформулировать работающее определение науки безопасности: «Наука безопасности изучает взаимодействие между человеком, технологией и окружающей средой и нацелена на создание уравновешенного симбиоза этих трех элементов» [2]. Более того, как подчеркивает далее Гейзен, «наука безопасности имеет мультидисциплинарную природу. Она берет свои нравственные основы из философии и этики, а свое происхождение из медицины, психологии, социологии и всех позитивных и инженерных наук. В отношении общества выводы науки безопасности воплощаются через правила и законы. Мы можем сделать вывод, что наука безопасности является, вероятно, одним из наиболее ярких примеров синергетики (нелинейного взаимного усиления влияний при наложении) в науке. К тому же, наука безопасности, вероятно, наиболее интернациональная из всех дисциплин... Земля является системой, в которой все элементы взаимосвязаны. Поэтому национальные интересы являются неприемлемыми в безопасности. Безопасность является правом всех наций, и она может быть реализована только посредством унификации норм безопасности поверх национальных границ» [3]. Следуя такому ходу рассуждений, вполне уместно утверждать, что проблему глобальной безопасности необходимо разрешать не в узком плане – как безопасность исключительно международную, а гораздо шире: в онтологическом плане глобальной безопасности присущи закономерности развития, структуры и функционирования, общие для биосферы, человеческого сообщества и техносферы. Общность этих закономерностей может быть выявлена в связи с возможностью проникновения естественных и инженерных наук на наноуровень.

В настоящее время в отечественной научной литературе безопасность обычно определяется как состояние защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей и как возможность продолжения существова-

ния системы в условиях опасных воздействий с учетом ее способности противодействовать опасности. Но это определение в большей степени функционального порядка, характеризующее необходимость решения определенных задач, а не субстратного, нацеленного на поиск онтологических оснований процессов, структур и механизмов обеспечения безопасности. С другой стороны, глобальная безопасность предстает как состояние защищенности системы международных отношений и экологической ситуации от угроз, способных дестабилизировать обстановку в мире, вызвать кризис общепланетарного масштаба [4]. Предпринимаются усилия в части создания основ теории безопасности, исходя из указанного выше понимания безопасности как состояния защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности. Так, к примеру, В. И. Ярочкин в предисловии к своей работе «Секьюритология: Наука о безопасности жизнедеятельности» еще в 2000 г. вполне правомерно отмечал, что система знаний о защищенности людей и окружающей среды (ноосферы) от опасностей, обусловленных деятельностью человечества, должна стать самостоятельной научной дисциплиной. «Возникла настоятельная, жизненно важная необходимость расширения проблемы безопасности, – как утверждает он, – до глобального ноосферного уровня и объединения разрозненных научных направлений в единую науку, ориентированную на обеспечение безопасности жизнедеятельности человека и человечества как единого целого». При этом ключевое значение имеет формирование понятийно-категориального аппарата и постановка общих проблем онтологического характера, хотя варианты построения моделей безопасности в их конкретном выражении традиционно базируются на эмпирических данных. Автор, призывая к необходимости разработки системы наиболее общих представлений о безопасности и методологию ее анализа – своего рода «философию безопасности», или науку о безопасности, предложил называть ее секьюритологией (*лат.* *securitas* – безопасность, *греч.* *logos* – слово), предметом которой он определил безопасность человека, общества, государства, планеты, цивилизации во всем многообразии

опасностей и угроз, в различных условиях, ситуациях, в развитии, в пространстве и времени.

Секьюритология – это наука о безопасности жизнедеятельности человечества и человека, – таков ключевой тезис Ярочкина [5]. Однако в данной интерпретации наука безопасности не может претендовать на указанную автором выше онтологическую полноту «философии безопасности», поскольку не охватывает техносферу как своего рода α и ω человеческой деятельности, включающей в себя все возможные и невозможные опасности различных видов – от физических до когнитивных.

В случае признания становления новой научной картины мира как научно-технологической мы невольно должны заняться поиском пути к целостному знанию о безопасности как атрибуте живых, социальных и технических систем, которое предлагается определить как **асфацефатроника** (от греч. ασφάλεια – безопасность, τό κεφάλι – голова, ο εγκεφάλος – головной мозг, ηλεκτρόνιο – электрон). Асфацефатроника – научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энерго-информационные процессы в биологических (биосферных), социальных и больших технических системах. Объектом асфацефатроники выступает безопасность, определяемая в предельном плане как отсутствие опасности, недопустимого риска, а предметом – энерго-информационные процессы обеспечения безопасности, охватывающие все уровни организации биологических, социальных и технических систем управления (от нано- до макроуровня). Областью исследований асфацефатроники оказываются, в таком случае, безопасность жизнедеятельности, информационно-психологическая, когнитивная, техногенная, экономическая, социальная, геополитическая и другие виды безопасности. Глобальную безопасность следует рассматривать, не ограничиваясь только экологической проблематикой и международными отношениями. Она охватывает все многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы.

Ген безопасности

Теоретический статус асфацефатроники может быть признан лишь при условии, что она обретет способность выявлять закономерности становления, функционирования и развития указанных выше функций и структур, обеспечивающих безопасность (назовем их «генами безопасности»). В биосфере «генами безопасности» служат регуляторные механизмы живых существ, способные восстанавливать свою нормальную жизнедеятельность, которая относится «не только к взрослому организму, но и в не меньшей, а обычно и в еще большей мере к развивающемуся зародышу, личинке, молодому животному или растению. Во всех этих случаях говорят о способности живых существ к регуляции своей морфологической структуры и соотношений с внешней средой. Несмотря на разнообразные выражения явлений регуляции, все они имеют общую основу, сходное происхождение и некоторые общие способы их осуществления. Способы осуществления регуляции оказываются сходными с механизмами, применяемыми в технике» [6]. Следует отметить, что Шмальгаузен первым в мировой науке перенес методы кибернетики на изучение биологической эволюции как закономерного и регулируемого процесса. Главной задачей кибернетики в применении к биологии ученый считал «построение общей теории регуляции, т.е. самодвижения и саморазвития биологических систем». Все биологические системы, по Шмальгаузену, способны к саморегуляции, они не замкнуты, то есть взаимодействуют с внешней средой, и поэтому подвергаются циклическим и историческим изменениям внешней среды. Специфика биологических явлений при этом сохраняется, т. к. обобщение касается только общих принципов организации регуляторных систем. Основное назначение кибернетических методов Шмальгаузен усматривал в возможности познать механизмы регулирования основных биологических процессов. Так была сформулирована фундаментальная задача биологической кибернетики: «построение общей теории регуляции, т. е. самодвижения и саморазвития биологических систем» [7]. Шмальгаузен выделил

пять уровней организации живого: молекулярный, клеточный, организменный, популяционный, биоценотический. Само возникновение жизни обусловлено интеграцией на молекулярном уровне. Самовоспроизведение осуществляется в устойчивой системе, состоящей из нуклеиновых кислот и белков, с помощью обратимых химических реакций, скорость которых определяется относительной концентрацией реагирующих субстанций. Молекулярному уровню организации жизни соответствует регуляторный механизм, включающий поддержание устойчивости химических реакций. Интеграция на этом уровне выражается в объединении элементов, способных только совместно выполнить определенную функцию. Наибольшей степени дифференциация и интеграция частей системы достигают в многоклеточном организме. Регуляторные механизмы, построенные по типу замкнутого цикла с обратной связью, присутствуют в физиологических регуляциях и в морфологических процессах. Устойчивость популяций также поддерживается отбором. Но помимо отбора особей и в качестве механизма, ответственного за интеграцию популяций, выступает отбор группы. В результате межгруппового соревнования создается возможность оптимизации самого процесса эволюции, которая приобретает черты устойчивости, превращающиеся в гомеорезис как целостный процесс обеспечения безопасности существования и развития биологических видов. «Ген безопасности», в соответствии с учением Шмальгаузена, зарождается в процессе перехода от «движущей формы отбора к стабилизирующей (от мозаичного развития к регуляторному с обратной связью) и повышения роли последней». Эволюция, благодаря такому переходу, приобретает в целом характер направленного устойчивого движения (филогенетический гомеорезис) [8]. Следовательно, «гены безопасности», ответственные за устойчивость развития, формируются на каждом из пяти уровней организации живого, т. е. биосферы в целом, и таким образом «обеспечивают глобальную безопасность» (берем в кавычки, поскольку «обеспечение» в данном случае – естественный, а не рукотворный процесс) биосферы.

Аналого-цифровой дуализм

Мир переживает глобальную цифровую трансформацию, протекающую в условиях четвертой промышленной революции. Цифровая экономика, цифровое общество, цифровая безопасность, цифровая жизнедеятельность – это не только выдумки фантастов и журналистов, но предмет социальной практики и философских раздумий, научного исследования и программ реструктуризации материального и духовного производства. Цифровая трансформация в экономической сфере кардинально меняет технологии, организационные структуры, компетенции персонала, отношения с поставщиками, модели деятельности, целевые рынки, портфели продуктов и услуг, механизмы оплаты труда, права на интеллектуальную собственность, правовые договоры, налогообложение, бухгалтерский учет, отношения с клиентами и все другие области, где бизнес взаимодействует с людьми, обществом и государством. Вместе с тем появляется возможность массовой безработицы, возникает риск уменьшения доходов широких слоев населения, изменяются многие устойчивости, исчезают целые отрасли экономики и специальности, на первый план выходят проблемы безопасности и выживаемости человечества. Э. Дрекслер, в частности, отмечал, что «Вопреки своему потенциалу как машины разрушения, нанотехнология и системы ИИ будут годиться для более тонких способов использования, чем ядерное оружие. Бомба может только взрывать, но наномашин и системы ИИ могли бы проникать, захватывать, изменять и управлять территорией или миром» [9].

С другой стороны, мир развивается в соответствии с естественными законами, а природные процессы по-прежнему протекают в аналоговой среде. Изучение законов природы, в том числе, при помощи цифровых технологий, дало новые результаты как в макрообластях (космос), так и на наноуровне. Эти новые открытия, в свою очередь, трансформируют мир и дают толчок для новых достижений в цифровых технологиях. Однако проникновение исследований и технологий на наноуровень приводят исследователей к необходимости осмысления и математического описания **аналого-цифрового дуализма** в процессах и структурах органического мира, технике

и социуме. Нечто подобное происходило при зарождении квантовой физики в начале XX-го века. Можно предположить, что цифровое и аналоговое – это разные стороны одних и тех же процессов, как волновые и корпускулярные процессы в физике. Соответственно выделению цифрового и аналогового мира можно выделить две базовые методологии науки.

Первая лежит в основе естественных наук или физики в широком смысле. В основе природных процессов находится энергия, «приводящая все в порядок» (Лейбниц). Цель этой методологии – открытие законов природы.

Вторая – кибернетика – выделяет процессы управления среди других процессов, протекающих в природе. Цель – создание автоматов, осуществляющих оптимальное управление в той или иной предметной области и, возможно, замещающие человека в его предметной и интеллектуальной деятельности. Развитие как одной, так и другой методологии, их взаимопроникновение, конвергенция аналогового и цифрового достигли такого уровня, что возможности их изолированного развития затруднены и недостаточны для получения важных результатов во многих областях.

Одновременно с этим меняются задачи науки. Главным становится не только познание законов природы и построение эффективных (в смысле расходования энергетических и информационных ресурсов для достижения цели) автоматов, но и безопасность, которая в живой природе обеспечивается механизмами адаптации, естественного отбора, в социуме – методами теории игр и коалиционного взаимодействия государств и цивилизаций [10]. В широком смысле безопасность означает не сокрытие информации (как в инфобезопасности), ненадежность той или иной технической конструкции (промышленная безопасность), недоступность важных экономических ресурсов (как в экономике) и т.п. Главная цель глобальной безопасности, – это обеспечение выживаемости и устойчивого развития человечества. Опасности различной природы присутствуют во всех видах и формах жизнедеятельности человечества – от воздействия на функциональные системы живого организма до глобальных природных катаклизмов. Предметом асфацефатроники являются механизмы, структура и формы безопасности,

имманентно присущие как естественно развивающимся объектам живой природы (аналоговый мир), так и искусственно создаваемым объектам (цифровой мир), в конструкции которых закладываются элементы обеспечения безопасности их функционирования. Асфацефатроника исходит из того, что любой аналого-цифровой объект характеризуется триединством вещества, энергии и информации, как, например:

- клетка живого организма,
- предприятие в экономике (экономический ресурс – в т. ч. информация),
- этнос как часть человечества,
- минимальная единица хранения данных (транзистор) вещественна, требует энергии и несет информацию,
- «большие данные» – эти занимают много пространства, много энергии, много информации и т. д.

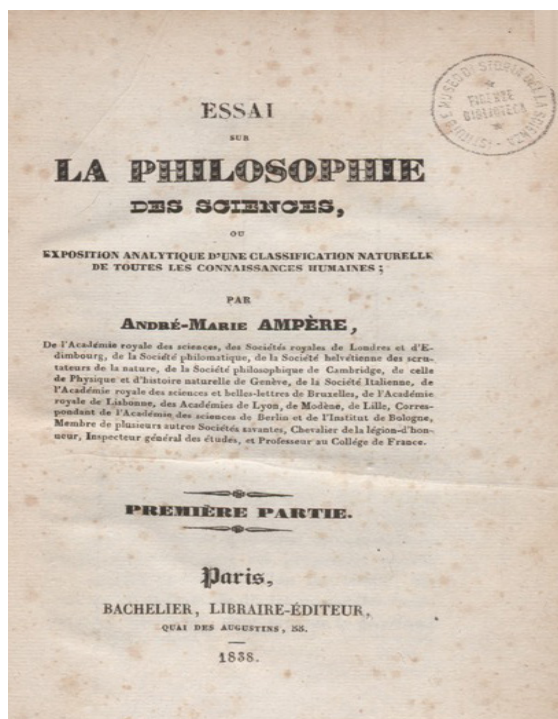
Основу безопасности объекта составляют гены безопасности – это такие части объекта, нарушение целостности которых неизбежно ведет к разрушению самого объекта. Общее свойство генов безопасности – это зависимость от комплексных вещественно-энерго-информационных процессов, происходящих в самом гене безопасности и его внешнем окружении. Использование методов асфацефатроники для задач синтеза предполагает комплексный учет вещественно-энерго-информационных процессов: то же цифровое производство предполагает информатизацию не только процессов управления, но и автоматизированные процессы материального производства, распределения, обмена и потребления. В связи с этим стоит обратить внимание на весьма интересные соображения, высказанные недавно Е. П. Попечителевым. Справедливо отмечая, что в концепции биотехнических систем, первым разработчиком которой был В. М. Ахутин, не заостряется внимание только на человека, но предполагается включение в их структуру любых биологических объектов, не только включенных в системы управления техническими комплексами, но и являющихся внешними объектами изучения или исследования, проводимых с помощью технических систем (к этому классу были отнесены все системы медицинского и биологического назначения, в которых в качестве внешнего объекта, на состояние кото-

рого влияет БТС, выступают человек-пациент и другие виды организмов). Десятилетия исследований и конструкторских разработок в этом направлении вполне обоснованно, на наш взгляд, дали ему основание утверждать о формировании в технических науках нового научно-технического и прикладного направления исследований – биотехники, которое объединяет в себе бионику и технику. Предметом изучения биотехники выступает оптимизация взаимосвязи живого с неживым с учетом характеристик и параметров взаимодействующих элементов, а результатом – синтез оптимизированных биотехнических систем целенаправленного поведения [11]. Надо полагать, что и биотехника обретет свое теоретический статус именно в условиях синтеза нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий и методологического обоснования этого синтеза.

Страницы истории

В заключение вспомним еще одно напутствие Н. Винера из упомянутой выше его статьи «Моральные последствия автоматизации»: «Мы, должны всегда прилагать всю силу нашего воображения для проверки того, куда полное использование новых условий может нас привести». Этим же был обеспокоен предшественник Винера в теоретическом обосновании кибернетики – Анри Ампер. В 1834 г. в работе «Опыт о философии наук, или Аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний» Ампер подразделил все науки на две основные группы – науки *космологические*, изучающие все материальные предметы, из коих состоит Вселенная, и *ноологические*, касающиеся человеческой мысли и человеческих обществ. В предложенной им классификации наук кибернетика была помещена в разряд политических наук, поскольку «политика в собственном смысле есть само искусство управлять и избирать в каждом случае то, что можно и что должно сделать, наука государственных людей». Одним из подцарств ноологических наук Ампер определяет общественные науки, ответвлением которых выступают как раз политические науки (наряду с этнологическими). Далее, в составе политических наук он выделяет науки первого порядка: общественная экономия, военное искусство, номология (правоведение), политика.

В последней из них, политике, Ампер в качестве науки второго порядка называет политику в собственном смысле, которая охватывает кибернетику и теорию власти (науки третьего порядка). В более обобщенном виде Ампер определил кибернетику как искусство управления вообще, точнее, управления отношениями между народами [12].

Выводы

1. Четвертая промышленная революция уже на начальном этапе привела к коренным изменениям, суть которых проявляется в конвергенции технологий, стирающих барьеры между материально-вещественным, цифровым и биологическим мирами на наноуровне. Как заявил К. Шваб, отличительной особенностью этой революции является постепенное стирание граней между физической, цифровой и биологической сферами [13]. Цифровые технологии вышли за пределы информационных процессов, проникли в материально-вещественные технологии и... вступают во взаимодействие с «аналоговыми технологиями» органического мира.
2. Цифровизация многих сторон человеческой деятельности ведет к необходимости осмысления природы новых опасностей и

рисков, которые выходят за пределы восприятия человеческими органами чувств (то, что находится в компетенции науки безопасности жизнедеятельности) и таят свои секреты на наноуровне. Это ведет к необходимости смены парадигмы безопасности, онтологические основания которой следует выявлять в структурах, процессах и механизмах наноуровня.

3. Поскольку в сфере безопасности жизнедеятельности ключевой проблемой становится информационно-психологическая и когнитивная безопасность, вполне обоснованно звучат слова Гейзена о том, что наука безопасности, мультидисциплинарная по своей природе, заимствует нравственные основы из философии и этики. Впрочем, проблема морального измерения в целом науки и техники была достаточно глубоко и подробно рассмотрена Э. Агацци, который особое внимание обратил на необходимость оценки степени риска, которая «становится основной проблемой в моральной оценке научного исследования и его применений» [14]. А применения научного исследования – это «технонауки», т. е. неразделимая смесь науки и технологии, «которая уже не позволяет игнорировать конкретные цели при этическом рассмотрении научной деятельности» [15].
4. Будем надеяться, что асфацефатроника, подобно кибернетике, найдет свое достойное место в системе наук об управлении процессами глобальной безопасности.

Примечания

1. *Норберт Винер*. Моральные последствия автоматизации // <http://www.nyu.edu/projects/nissenbaum/papers/Wiener.pdf>
2. *Geysen W. J.* The Structure of Safety Science: Definitions, Goals and Instruments // 1st World Congress on Safety Science: Living in Safety. Teil 1. Koln, Verlag TUV Rheinland GmbH, 1990. P. 58.
3. Ibid. P. 75-76.
4. См., например: Педагогика безопасности: понятийно-терминологический словарь (основы безопасности жизнедеятельности) / автор-сост. В. В. Гафнер. – Екатеринбург, 2015. – 254 с. – С. 38-39.
5. *Ярочкин В. И.* Секьюритология: Наука о безопасности жизнедеятельности. – М.: Ось-89, 2000. – 400 с.
6. *Шмальгаузен И. И.* Регуляция формообразования в индивидуальном развитии // Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. Избранные труды. М.: Наука, 1982. 383 с. С. 230.
7. *Шмальгаузен И. И.* Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, «Наука», 1968. С. 217.
8. *Шмальгаузен И. И.* Эволюция факторов эволюции и ее движущие силы. План // История и теория эволюционного учения. Вып. 2. Л., ЛО ИИЕТ АН СССР, 1974. С. 8; Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. Л.: «Наука», 1969. С. 462.
9. *Drexler K. Eric.* Engines of Creation 2.0. The Coming Era of Nanotechnology. 2006. 646 p. P. 359. (Источник: http://e-drexler.com/p/06/00/EOC_Cover.html).
10. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Математические начала глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 204 с.
11. *Попечителев Е. П.* Проблемы синтеза биотехнических систем // Научное обозрение. Технические науки. – 2016. – № 2. – С. 54-62.
12. *Andre-Marie Ampere.* Essais sur la philosophie des Sciences. 1834-43; См. также: Поваров Г. Н. Ампер и кибернетика. М.: Сов. радио, 1977. С. 21, 32-34, 41.
13. *Шваб. К.* Четвертая промышленная революция: Что она собой представляет и как на нее реагировать // Геополитика и безопасность. 2016. №1. С. 122.
14. *Агацци Э.* Моральное измерение науки и техники. – М.: Моск. филос. фонд, 1998. – 343 с. С. 183.
15. *Агацци Э.* Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 97; см. также: Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Колл. моногр. / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. – СПб: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с. С. 196-264.

АРЧАКОВ В.Ю., МАКАРОВ О. С.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Сегодня тема гибридной войны – это тема, набившая оскомину у профессионалов и ставшая предметом спекуляций псевдоаналитиков. Само понятие превратилось в ярлык с явно отрицательной коннотацией, размытой сущностью и многообразием трактовок. Такая неопределенность является политической находкой для центров силы, позволяющей им своевольно относить любые действия оппонентов к классу «гибридных», квалифицировать их как заведомо неприемлемые, требовать международной реакции и оправдывать собственную агрессию.

Однако гибридная война, как синтез тактик военного и невоенного воздействия, является объективной реальностью. Замена крупномасштабных вооруженных столкновений на согласованное применение военных, политических, экономических, информационных и иных средств обусловлена, во-первых, силой международного права, позволяющей даже слабым государствам в случае военной агрессии против них быть услышанными и защищенными [1], и одновременно его слабостью, запрещающей только классические методы нападения [2]; во-вторых, доминированием в мировых элитах так называемого «рационального экономического мышления», не предполагающего полного разрушения высо-

кодоходных кластеров экономики и массовой гибели людей; в-третьих, кардинальным повышением роли информатизации, которая многократно усиливает возможность воздействия на широкие массы населения и позволяет трансформировать военно-политические конфликты в общественно-политическую и социальную плоскость. Очевидно, что употребление понятия «война» по отношению к данному феномену весьма условно. Однако, помимо эмоциональной окраски, милитаризация понятия показывает исключительный деструктивный потенциал данной политической технологии [3]. Сегодня позитивное политическое мышление уже преодолело период бессознательного страха перед гибридными войнами. Пришло время предметной идентификации самой угрозы, определения источников ее возникновения и выработки мер противодействия. Характерно, что большинство тактических приемов гибридных войн представляет собой взаимосвязанное информационное воздействие, например:

- политическое давление в международных отношениях, активная информационная, финансовая и организационная поддержка оппозиции, националистов, сепаратистов, содействие формированию альтернативных лидеров и органов «самоуправления»;

- целенаправленное массированное информационно-психологическое воздействие на все слои населения, соорганизация больших масс людей, деморализация национальных элит, дискредитация действующей власти;
- выведение из строя объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- устрашение общественного мнения демонстрацией военной силы непосредственно у границ государства [4].

Так, в результате целенаправленного информационного воздействия в рамках операции «Союзная сила» в 1999 г. американцам и их союзникам удалось создать иллюзорную среду вокруг войны в Югославии, демонизировать власти страны, а также добиться дезорганизации систем управления войсками и оружием посредством воздействия на радиосвязь, радиотелеуправление, оптико-электронную технику [5]. Для морального оправдания военной операции в **Ираке** в 2003 г. был использован ставший «притчей во языцех» дезинформационный прием заявлений о разработке в стране химического оружия. В ходе так называемой «арабской весны» был применен синтез новейших информационных технологий. Социальные медиа позволяли протестующим оперативно координировать свои действия, формировать общественное мнение внутри страны и влиять на оценки международного сообщества. Об исключительной роли Интернета свидетельствует название массовых протестов: Twitter-революция, или Facebook-революция [6]. В Ливии и Сирии основную роль в эскалации событий сыграли электронные СМИ, распространившие массу фейковых сюжетов о внутривосточной ситуации и протестной активности.

Сегодня информационный фактор в гибридной войне представляет собой основное ударное средство воздействия. Примеры использования свидетельствует о его исключительной эффективности, способности парализовать или перформативировать общественное сознание, а также о соизмеримом с оружием массового уничтожения деструктивном информационном потенциале, позволяющем разрушать целые государства, устойчиво социума. Осознание государством новых

вызовов и угроз национальной безопасности предполагает адекватную защитную реакцию и служит залогом ее своевременности и успеха. Полагаем, что внутривосточная обстановка, уровень доверия к государственной власти и достижения области информатизации государств – участников СНГ позволяют выстроить эффективные системы безопасности и от всякого вида гибридных угроз.

Очевидно, что и Республика Беларусь не застрахована от целенаправленного гибридного, в первую очередь информационного, воздействия. На сегодняшний день защищенность нашей страны от разного рода гибридных угроз формируется главным образом за счет сильной государственной власти, многовекторности внешней политики, боеспособных Вооруженных Сил, эффективной военной организации государства и стратегического военно-политического партнерства с Российской Федерацией. В целом сформирована правовая и организационная основа системы мер по защите национальных интересов. Именно на комплексном понимании рисков, вызовов и угроз основана Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [7]. Формы и методы реагирования на гибридные угрозы, учтены в новой Военной доктрине Республики Беларусь, принятой в 2016 г. [8]. В ходе стратегических, межведомственных и иных учений и тренировок регулярно отрабатываются практические приемы противодействия современным внешним вызовам и угрозам. При построении системы безопасности от гибридных угроз считаем важным понимать, что информационное воздействие в гибридной войне существенно отличается от любой политической, даже конфликтной, риторики, и тем более от естественного для человечества информационного обмена. Это та информационно-психологическая технология, которая в силу синтетической природы обладает хотя и скрытыми, но поддающимися идентификации признаками. Она скоординирована по времени, цели и объекту воздействия, распределена по каналам доведения информации. Скорость распространения, охват аудитории и жизненный цикл такого информационного явления в силу модерации заметно выделяет его в естественном информационном потоке.

Более того, достижение целей деструктивного информационного воздействия предполагает использование агрессором пока весьма скудного технологического инструментария. Помимо традиционных ангажированных СМИ это лидеры мнений (блогеры), распространяющие информацию роботы (бот-сети) и внедренные в сетевое сообщество наемники (тролли). При наличии необходимых технологий все субъекты и их деятельность успешно идентифицируются.

Подобная информационная технология является неотъемлемой частью любого «гибридного» замысла и маркером начала его реализации. Если анализ состояния информационного пространства обнаруживает признаки целенаправленного воздействия, то это должно восприниматься как серьезный сигнал о появлении более масштабных проблем в информационной и иных сферах. Таким образом, действенной мерой противостояния деструктивному информационному воздействию и гибридной угрозе в целом является **мониторинг информационного пространства** в целях раннего обнаружения скоординированной информационной атаки и предупреждения ее деструктивного воздействия на общественное сознание.

Очевидно, что информационное воздействие в первую очередь направлено на бреши в самоидентификации человека, пробелы общественного сознания, конфликты идей и отношений. В целях воспрепятствования данному влиянию необходимо повышать идеологическую резистентность граждан и общества, в том числе наполнять пустоты исторической памяти, повышать профессиональную культуру и веротерпимость, развивать национальное самосознание. Государству необходимо расширять и преумножать каналы взаимодействия с обществом, повышать качество контента средств массовой информации. Для снижения эффективности деструктивного информационного воздействия необходимо развивать в обществе критическое отношение к непроверенной информации, разного рода фейкам и сенсациям. Пример подобного иммунитета наглядно демонстрирует повышающаяся устойчивость потребителей к навязчивой рекламе товаров и услуг.

На уровне регионального взаимодействия

целесообразно продолжить развитие системы международной информационной безопасности. В том числе:

- завершить процедуры принятия проекта Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников СНГ;
- обеспечить практическое наполнение и реализацию положений Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности;
- стремиться к унификации понимания угроз информационной безопасности и сближению законодательства, регулирующего информационные отношения;
- определить наиболее уязвимые объекты информационной и иной инфраструктуры, требующие принятия дополнительных совместных мер защиты.

Также целесообразно обеспечить обмен информацией о выявленных информационных угрозах по аналогии с системой реагирования на компьютерные инциденты.

Примечания

1. Современное международное право предусматривает правила войны и защиты мирного (гражданского) населения с целью максимально возможной гуманизации применяемых методов и средств (см. <http://www.be5.biz/pravo/m008/119.htm>).
2. В международном праве действует принцип, согласно которому «право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным» (преамбула Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1981 г.).
3. В 2015 г. в итоговой декларации военного комитета НАТО «гибридными операциями» названы согласованные по целям, задачам, месту и времени мероприятия и акции, направленные на оказание требуемого воздействия на страну, осуществля-

емые без прямого и явного использования силовых структур государства-агрессора. Термин «гибридные угрозы» появился в официальной терминологии Евросоюза как совокупность мер принуждения, действий по подрыву стабильности и конституционного строя, методов традиционного и нетрадиционного воздействия (в том числе дипломатических, военных, экономических, технологических, информационных), которые могут быть использованы под общей координацией государства либо негосударственного образования без официального объявления войны (См., например, ст. 72 Заявления НАТО по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве 8-9.07.2016 https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru 09.07.2016).

4. *Матрашило И. Ф.* Роль и место demonstra-

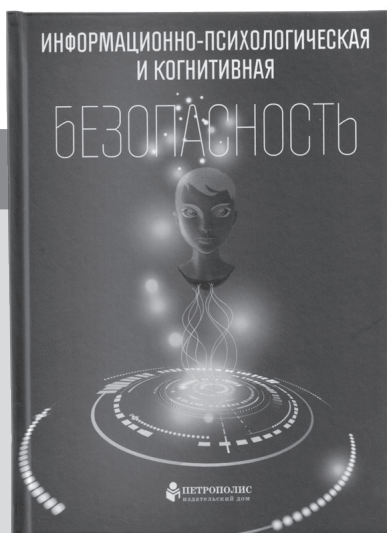
ции военной силы в системе обеспечения военной безопасности государства // Наука и военная безопасность. – 2007. № 4. С. 2-5.

5. *Воробьев И. Н.* Информационно-ударная операция // Военная мысль. 2007. № 6. С. 14-21.

6. *Федяшин А.* Twitter и Facebook как враги государства. Египет, Саудовская Аравия // РИА Новости. URL: http://ria.ru/arab_analytics/20110127/327057820.html

7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 09.11.2010 г., № 575 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010 г. – № 276, – 1/12080

8. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20.07.2016 г. № 412-3 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016 г. № 2/2410.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. – 300 с. 32 рис., 8 табл.

В коллективной монографии «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность» рассмотрен широкий круг вопросов, охватывающий исторические предпосылки и социально-политические реалии информационно-психологических угроз и безопасности в глобальном измерении, а также социально-психологические и когнитивные аспекты обеспечения национальной безопасности.

Книга предназначена для специалистов, занимающихся разработкой методов и средств ведения информационно-психологических операций и обеспечивающих информационно-психологическую безопасность, студентов и аспирантов, а также для широкого круга читателей.

МАРДЖАНЯН А. А.

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

Наиболее характерными тенденциями современности являются, с одной стороны, замедление темпов глобализации, «новая регионалистика» и установление многополярного мира. Эти процессы и вытекающие из них проблемы глобальной повестки дня были четко обозначены еще 10 лет назад, в Мюнхенской речи президента РФ [1]. А с другой – это стирание граней между состояниями войны и мира, размывание пространственных и временных границ между ними, ведение опосредованных (*proxy*) и гибридных (*hybrid*) войн, на фоне ужесточения борьбы за ресурсы и технологии, протекающей в условиях неопределенности идеологий, двойственности в интерпретации фактов, размывания самого понятия факта в эпоху «пост-истины» (*post-truth*). Эти тревожные тенденции достаточно полно освещались в коллективном труде «Глобальные тенденции 2025: трансформирующийся мир» Совета по разведке США в 2008 г. [2].

Основными положениями нашего доклада являются следующие два утверждения:

- *Лемма 1.* Во времена Клаузевица «война была продолжением политики другими средствами». Сегодня политика является продолжением информационно-технологических войн другими средствами [4];

- *Лемма 2.* Сегодня происходит небывалое расширение доступа к информации. Одновременно происходит обратный процесс – «сакрализация» ключевых знаний, умений и технологий. Их отчуждение от «профанного» большинства людей, стран и групп стран [3].

Исходя из вышесказанного и некоторых других соображений [5], мы формулируем теорему «Ономастики Будущего»: будущему будут давать имена те страны (группы стран), которые с помощью геополитической консолидации сумеют трансформировать свой геоэкономический и цивилизационный потенциал в потенциал научно-технологический и информационный. При этом достигается кумулятивный эффект «прорывного развития» [6].

Анализируя данные о затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИиОКР) за 2012-2016 гг. в сорока ведущих странах мира [Источники: базы данных журнала *R&D Magazine* за 2012-16 гг., *WB*, *IMF*, *CIA*, *OECD*] и используя (не строго) некоторые понятия математической теории групп (представление группы, централизатор и нормализатор группы и т.д.), в [5] были рассмотрены шесть групп стран (т.н. «Миры мира»): «Мир иероглифов», «Континентальная Европа», «Англосак-

сонский мир», «Мир полумесяца», «Славянский мир» и *BRICS*, объединенных по культурно-языковому и историко-цивилизационному принципу. Был предложен метод представления групп стран в общем «научно-технологическом ландшафте», в координатах: удельные ВВП (в ппс, тыс. \$/чел., далее индекс ппс везде опущен) и удельные затраты на НИиОКР (тыс. \$/чел.) группы стран. Централизатором будем называть страну (страны), определяющую экономический и демографический «центр тяжести» данной группы. А нормализатором группы будем называть страну (страны), определяющую ее научно-технологический «центр тяжести».

Диаграмма расположения рассмотренных в [5] групп стран приведена на Рис. 1, вверху. Диаметр меток соответствует групповым затратам на НИиОКР, выраженных в проценте от ВВП данной группы (%). Как видим, лидирующее положение тут занимает «Мир иероглифов» с удельными затратами на НИиОКР в \$1.28 тыс. и удельным ВВП \$44.4 тыс. на душу населения (диаметр 2.89%). Далее следуют «Континентальная Европа» и «Англосаксонский мир». «Мир полумесяца» находится на догоняющей траектории к этой группе. Замыкают диаграмму «Славянский мир» и «*BRICS*».

Следует отметить, что Великобритания нами рассматривалась в «Англосаксонском мире» задолго до того, как состоялся «Брексит». А вывод о неизбежном геополитическом трении между Катаром – нормализатором группы «Мир полумесяца» с его уникальными удельными показателями по ВВП и НИиОКР, и остальными членами этой группы был сформулирован до блокады Катара.

Ограниченность объема не позволяет нам привести здесь страновые диаграммы для каждой из рассмотренных групп. Приведем ее лишь для «Славянского мира» и группы *BRICS* (см. Рис. 1, внизу). Как следует из этой диаграммы, Россия, Чехия и Словения являются нормализаторами «Славянского мира», т.к. они находятся строго справа от «научно-технологического центра тяжести» этой группы с координатами: \$0.28 тыс. затрат на НИиОКР и \$21.6 тыс. ВВП на душу населения (диаметр метки 1.31%). Примечательно, что *BRICS* (удельные затраты

на НИиОКР всего в \$0.20 тыс. на душу населения, удельный ВВП в \$14.5 тыс. на душу населения, диаметр метки 1.38%) располагается слева и внизу не только от РФ и Китая, рассмотренных отдельно, но и от «Славянского мира» в целом. Таким образом, РФ является нормализатором не только «Славянского мира», но и группы стран *BRICS*. При этом, с научно-технологической точки зрения *BRICS* ощутимо уступает «Славянскому миру».

Интересным является анализ многообразных отношений между странами данной группы, а также изучение отношений между странами-централизаторами («стержневыми странами» отдельных цивилизаций – в терминах Хантингтона) и странами-нормализаторами. Например, в свете изучения неокOLONиальной политики «Англосаксонского мира» по недопущению превращения централизаторов других групп стран (например, РФ или Китая) в нормализатора данной группы. Отдельного рассмотрения заслуживает история и логика формирования уникальных для всего мира удельных показателей Катара – нормализатора группы «Мира полумесяца» (см. [5], рис. 4) и Сингапура – нормализатора группы «Мира иероглифов» (см. [5], рис. 2).

Другим важным аспектом является изучение «силы притяжения» между отдельными странами в данной группе, и вне ее. Особенно, между странами-централизаторами отдельных групп. В этом плане весьма показательны результаты глобального опроса, проведенного компанией *Gallup International* в ноябре-декабре 2016 г. [7, 8]. Здесь нас будет интересовать ответы на следующий вопрос: «В мире насчитывается 6 стран с наибольшим военным потенциалом – США, Китай, Россия, Франция, Великобритания и Индия. Какую из этих стран Вы бы предпочли выбрать своим союзником в случае военного вторжения в Вашу страну?». Всего было опрошено более 66 тысяч человек в 68 странах мира. В каждой стране опрос проводился по национальной репрезентативной выборке. В России полевые работы проводился исследовательским холдингом *Romir* по городской репрезентативной выборке среди 1000 респондентов [7]. В Армении – компанией *Marketing Professional Group LLC*, путем личного опроса городской репрезента-

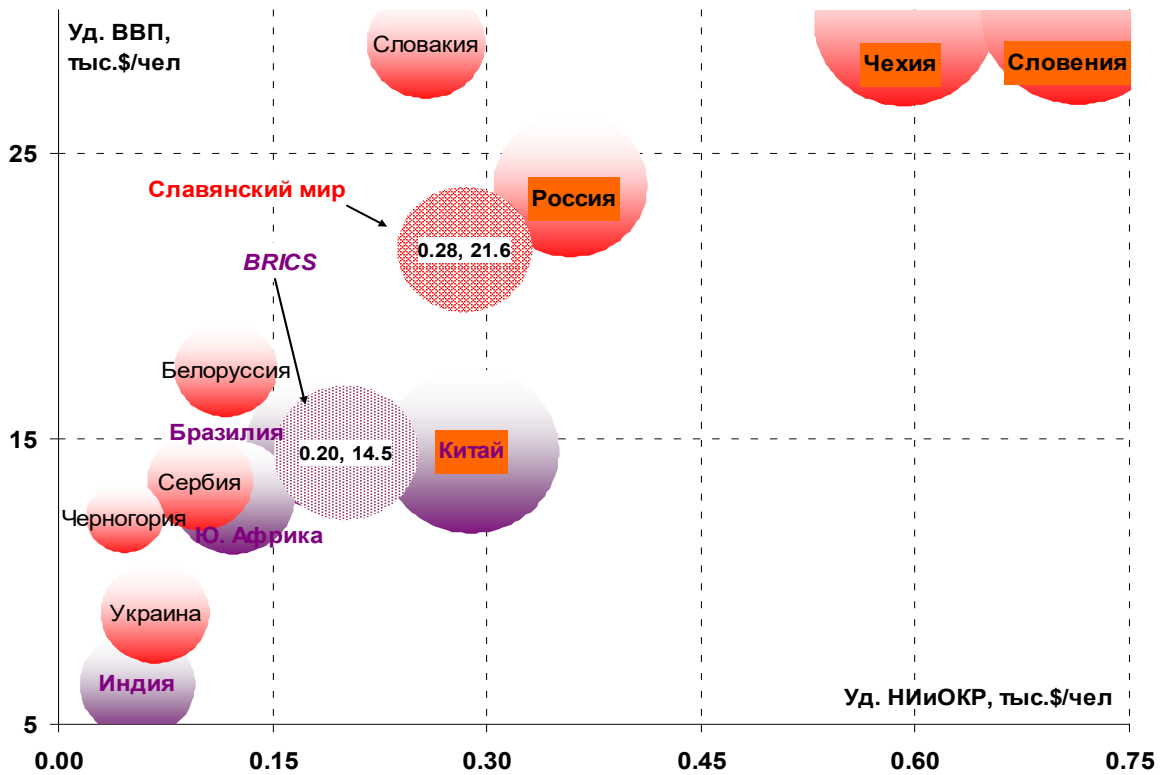
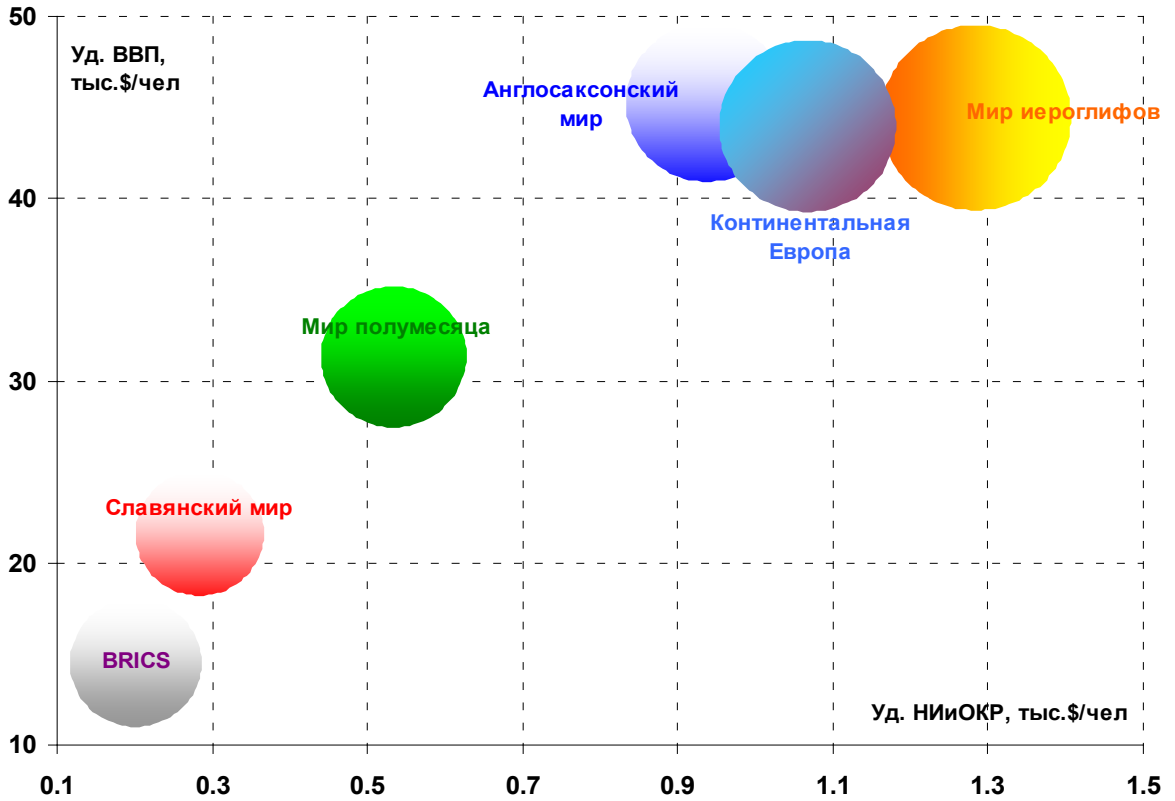

Рис. 1. «Миры мира»: научно-технологический групповой портрет, 2016 г. (вверху).

Конфигурация групп «Славянский мир» и BRICS, 2016 г. (внизу)

тивной выборки 1104 респондентов [8]. Заметим в скобках, что из указанных 6 стран только США и РФ являются одновременно и централизаторами, и нормализаторами своих групп. Результаты опроса мы обобщили на рис. 2.

Согласно результатам, 41% всех респондентов в 68 странах мира предпочли бы видеть своим союзником США. 15% выбрали в союзники Россию, 10% – Китай, 8% – Великобританию, 5% – Францию, и 3% – Индию. 9% респондентов заявили, что не хотели бы видеть в союзниках ни одну из этих стран (см. врезку на Рис. 2). На Рис. 2 мы приводим также «кривые распределения» стран, выбравших США, РФ или Китай. Очередность стран (ось X) приведена по мере уменьшения степени предпочтения. Характерной является форма этих кривых – «кривых отклика», как сказали бы техники: их крутизна («затухание») и «шлейф» распределения. Как видим, США

в качестве союзника выбрали 44 страны (65% рассмотренных стран), и кривая отклика для США имеет длинный «шлейф», при относительно пологой крутизне. По 22 страны выбрали РФ и Китай (21 страны – Великобританию, 19 – Францию и 7 – Индию). Усредненная степень предпочтения США тут составляет 50%, для РФ она составляет 30%, 19% - для Китая.

Данные опроса позволяют сделать ряд любопытных заключений. Так, по степени предпочтения вторыми странами, выбравшими США, РФ или Китай, являются Юж. Корея (81%, нормализатор «Мира иероглифов», наряду с Сингапуром), Армения (67%) и РФ (44%, централизатор «Славянского мира» и его нормализатор) соответственно. Причем 47% респондентов в Китае выбрали в качестве союзника Россию, а остальные 5 ведущих военных держав мира в Китае получили менее 3%. Характерным представля-

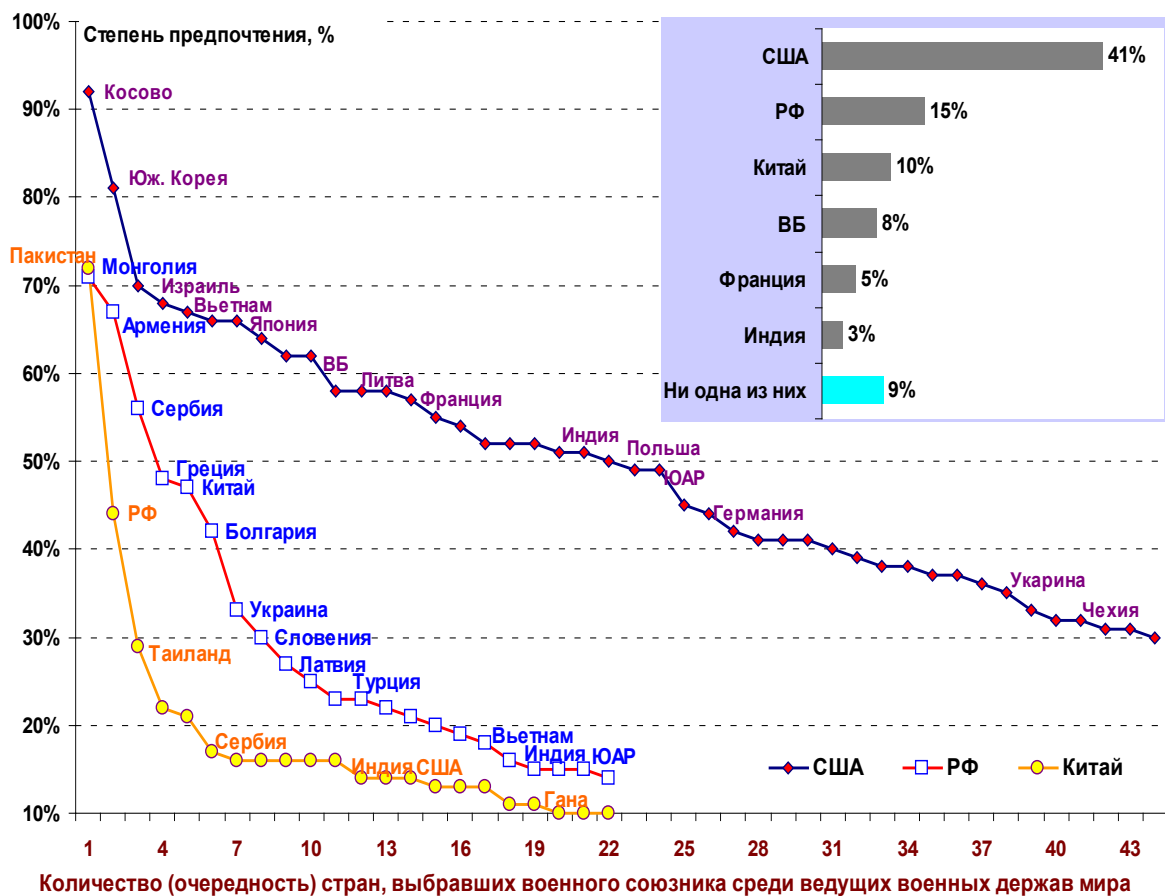

Рис. 2. Выбор военного союзника среди ведущих военных держав мира. Согласно опросу [7], ноябрь-декабрь 2016 г.

ется и то, что степень предпочтения респондентов в Украине по выбору США или России почти одинакова – 35% и 33% соответственно. И это – несмотря на тяжелый фон взаимоотношений между Украиной и Россией за последние 3-5 лет. Аналогичны этому и данные опросов в Латвии. Россию выбрали и 4 страны, члены НАТО – Греция (48%), Болгария (42%), Словения (30%) и Турция (23%), см. Рис. 2. Любопытно, что 66% респондентов во Вьетнаме отдали свои предпочтения США, и лишь 18% – РФ. 41% респондентов в Германии выбрали США, и лишь 19% – Францию. Наконец, в группу стран, в которых респонденты выбрали вариант «ни одна из 6 ведущих военных держав», входят Иран (30%), Турция (31%), Ирак (27%) и Ливан (23%).

Однако наиболее важным в результатах опроса [7] нам представляется возможность количественно оценить взаимное «притяжение» между 6-ю ведущими военными державами мира. Для этого нами была построена матрица «стратегического притяжения» между этими державами (см. Табл. 1), выраженная в степени взаимного предпочтения респондентов. Пустые клетки в Таблице означают величину предпочтения менее 3%. Как видим, 43% респондентов в США в качестве союзника выбрали Англию. И наоборот, 58% респондентов в ВБ выбрали США. 44% респондентов в РФ в качестве союзника выбрали Китай, и 47% респондентов в Китае выбрали Россию. Индию в качестве стратегического союзника выбрали лишь по 4% респондентов в США и РФ. Между тем 50% респондентов в Индии отдали свое предпочтение США, и лишь 16% – России. 54% респондентов во Франции выбрали США,

а Францию выбрали лишь 7% респондентов США, т.е. среднее взаимное притяжение тут составляет около 31%. Аналогично, среднее взаимное притяжение между Францией и Англией составляет 11%, а среднее взаимное притяжение между Китаем и Индией составило менее 3%. Хотя Германия не фигурировала в списке ведущих военных держав опросника, интересно отметить, что 41% респондентов там выбрали США и 19% – Францию. Остальные страны набрали менее 3%.

Из приведенных данных нетрудно заметить, что пары США-Англия и Китай-Россия имеют наибольшую «силу взаимного притяжения», чем все остальные возможные пары Таблицы 1. Так, взаимное «притяжение» пары США-Англия составляет 51%, а пары Китай-Россия – 46%, а в приведенных результатах отчетливо проглядывается тенденция к формированию двуполярной конфигурации мира в вопросе о военном союзнестве. Более того, в геополитическом смысле пары США/Индия и США/Китай во многом взаимоисключающие, а стратегическое «притяжение» пары Англия/Франция во многом под угрозой после «Брексита» (напомним, что опрос [7] проводился в конце 2016 г.). Следовательно, в оппозиционной к паре Китай-Россия группе стран (назовем их несколько условно «западным блоком») подсчет результирующей величины взаимного «притяжения» необходимо основывать на процедуре усреднения (см. Табл. 2). Таким образом, данные опроса подтверждают наличие тенденции в формировании двухполярной конфигурации мира. Причем, сила среднего стратегического «притяжения» в «западном блоке» (27%), много меньше силы «притяжения» в «восточном» блоке (46%).

Таблица 1.

Взаимное «притяжение» ведущих военных держав мира, 2016 г.

Страны	США	РФ	Англия	Франция	Китай	Индия
США			43%	7%	14%	4%
РФ					44%	4%
Англия	58%			8%		
Франция	54%		13%			
Китай		47%				
Индия	50%	16%				

Таблица 2.

Формирование двуполярной конфигурации мира, 2016 г.

«Западный блок»		«Восточный блок»	
США/Англия	51%	РФ/Китай	46%
США/Франция	31%		
США/Индия	27%		
США/Китай	14%		
Англия /Франция	11%		
Среднее значение	27%		46%

Начиная со второй половины XX века формирование различных групп стран проходило под воздействием геополитических событий, наложенных на культурно-языковой и историко-цивилизационный субстрат. На этом этапе укрепилась политическая, экономическая и научно-технологическая консолидация внутри «Англосаксонского мира». Предельным (и символическим) выражением подобной консолидации является наличие т.н. «Договора пяти глаз» между разведсообществами стран «Англосаксонского мира». Это позволяет применить аддитивный закон к удельным показателям ВВП и затрат на НИиОКР стран этой группы. При этом местоположение «Англосаксонского мира» сместится далеко вверх и вправо, в координаты: \$4.7 тыс. удельных затрат на НИиОКР и \$227.0 тыс. ВВП на душу населения (диаметр метки 2.1%, см. Рис. 3). Подобной степени геополитической консолидации к настоящему времени достиг только «Англосаксонский мир».

Геополитическая, экономическая и, возможно, климатическая, ситуация, приведшая к миграции из Субсахары и Ближнего Востока в Западную Европу, обусловила здесь цивилизационные и демографические изменения. Некоторые, если не большинство, исследователей склонны видеть первопричину результатов референдума по выходу ВБ из Европейского союза и «правого уклона» во внутривосточной

ском поле европейских стран именно в этом. Однако рассматривать эти два обстоятельства в едином контексте, на наш взгляд, неверно. «Брексит» лишь подчеркнул фундаментальную принадлежность Великобритании к «Англосаксонскому миру», а кризис мигрантов в Европе, возможно, лишь подтолкнул события. В любом случае, «Брексит» не только материализовал геополитический «кошмар» Франции – одиночество на континенте перед лицом Германии, но и запустил тенденции к формированию новых континентальных блоков. В любом случае, конфигурация стран-нормализаторов, способных конкурировать с консолидированным «Англосаксонским миром», должна включать в себя РФ, Китай Германию и Иран. По данным 2016 г., подобный «Континентальный блок» обладал бы параметрами в \$2.1 тыс. затрат на НИиОКР и \$99.8 тыс. ВВП на душу населения (диаметр метки 2.1%, см. Рис. 3).

После окончания Холодной войны и развала СССР в формировании геополитического и научно-технологического мирового ландшафта на первый план вышли императивы региональной геополитики и политики «научно-технологического» неокOLONиализма. Так, региональная геополитика Ближнего Востока конца 80-х – начала 90-х годов XX века, а также реалии «Арабской весны» существенно перекроили научно-технологическую конфигурацию «Мира полумесяца» (см. [5], Рис. 4). Возможно, навсегда выбив из нее Ливию, Сирию и Ирак, существенно замедлив научно-технологическое развитие Египта. И наоборот, обеспечив уникальное положение Катара в этой группе стран.

Мы живем в эпоху новой регионалистики, где фундаментальное значение имеют различия цивилизаций суши и моря, а также диалектика борьбы между странами-централизователями и нормализаторами групп. Регионализация мира во многом является следствием воздействия информационно-технологического поля (Цивилизация, Идеология, СМИ) на население стран. Т.е. эти процессы связаны с языковыми традициями, которые всегда имели существенное, если не решающее, значение в деле формирования «Миров мира». Там, где доминируют языки европейских колониальных империй, там

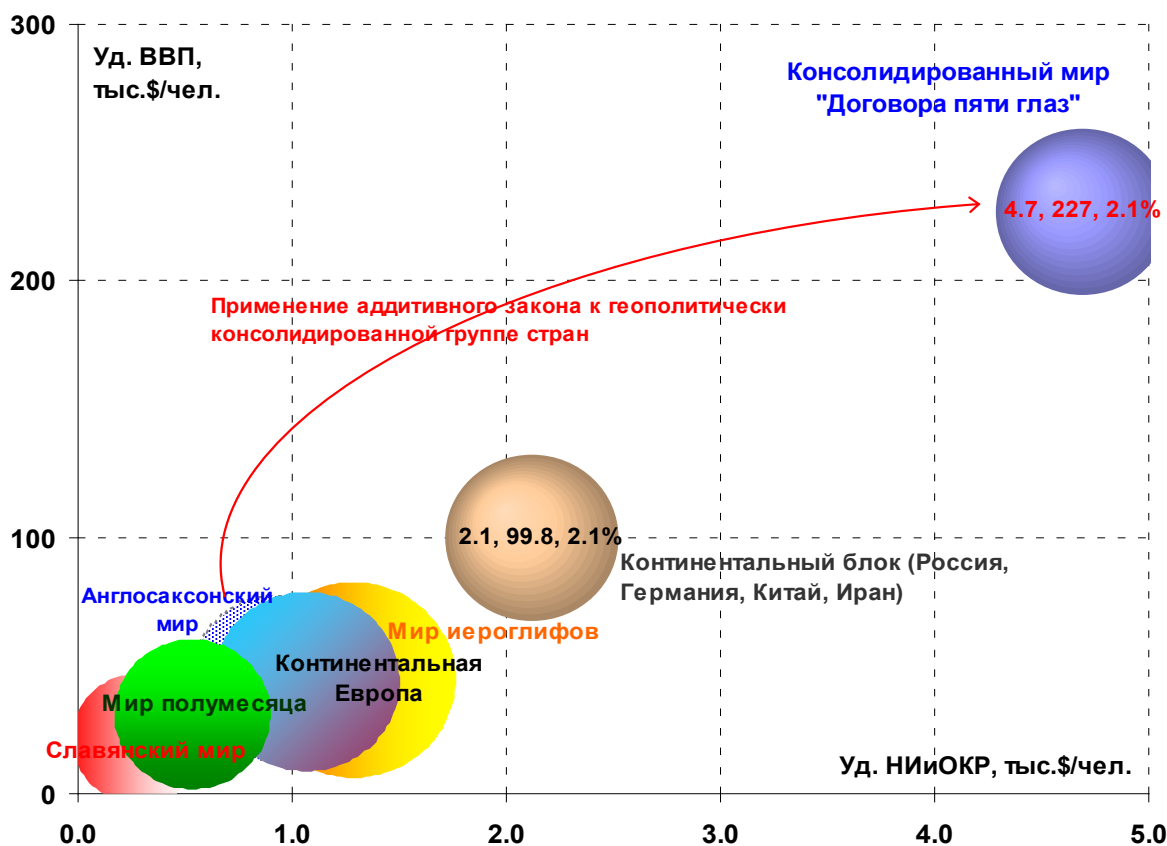

Рис. 3. Консолидированный мир договора «пяти глаз». Гипотетический «Континентальный блок»

идет поддержка западных ценностей и проектов. Где сохраняются исторические ценности и локальные языки – там естественно отторжение внешнего доминантного воздействия [6, 7]. Показателен тот факт, что сторонниками России по-прежнему остаются близкие славянские и православные народы, даже из числа стран, входящих в НАТО [9]. И это – несмотря на масштабную антироссийскую пропаганду в мировых СМИ и масмедиа. К России тяготеют также крупнейшие азиатские государства, имеющие имперскую историческую традицию и избежавшие колониального прошлого (Турция, Иран, Китай). И что характерно, так и не ставшие нормализаторами своих «миров». Напротив, страны-нормализаторы практически всех групп стран (Катар, Сингапур, и др.) находятся в «бассейне притяжения» к «Англосаксонскому миру» вообще, и к США в частности [6].

Вторым фактором новейшего времени является то обстоятельство, что практически по всем «тектоническим» разломам и фронтам образования «Миров мира», геополитическое противостояние все чаще принимает формы т.н. гибридной войны. Много спорят о том или ином определении этого понятия, а ее истоки возводят к тактике Хезболы образца 2006г., к опыту партизанской войны в Великую Отечественную, или даже к истории осады Трои. И на наших слушаниях уже были предложены многие полезные определения и характеристики. В дополнение к ним хочется подчеркнуть еще два аспекта.

В современных учебниках армии США предпочитают говорить о гибридных угрозах (*hybrid threats*) и гибридном способе ведения боевых действий (*hybrid warfare*), рассматривая их в рамках ведения объединенных специальных операций (*Joint Special Operations*) [10].

И в НАТО под «гибридной войной» понимают в первую очередь использование пропаганды, дезинформации, методов экономического давления, а также сил специального назначения. В сопутствующих материалах к принятой в 2015г. стратегии НАТО по противодействию гибридным угрозам вообще предлагается «держаться вдали от проблемы точного и исчерпывающего определения понятия «гибридная война» и рассматривать этот способ ведения войны также, как и ранее. Т.е., как *сложное множество взаимосвязанных угроз и силовых мер, имеющих в первую очередь политическую цель*» [11]. Наконец, еще в 60-х годах прошлого века анализируя опыт локальных войн Е. Месснер отмечал, что «Создалась новая форма вооруженных конфликтов – Мятажевойна [читай – гибридная война, А.М.]... Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения и в первую очередь с *психологической*. ... Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, а в четырехмерном, где *психика* воюющих народов является четвертым измерением» [12].

Эти примеры мы привели чтобы вычленивать два наиболее характерных, на наш взгляд, аспекта гибридной войны: ее структурную *сложность*, и крайнюю насыщенность ее *информационной* (следовательно – языковой, национальной и психологической) компоненты. Причем, структурная сложность – результат не только многообразия широкого спектра применяемых (невоенных) методов воздействия (собственно «гибридность»), но и размытость этих воздействий во времени и пространстве, их скрытность и нацеленность на критические инфраструктуры, не обязательно - материальные и физические [13].

Вместо заключения: взгляд из Армении

- В сложных условиях полицентричного мира и новой регионалистики отставание стран ОДКБ и ЕАЭС по НИиОКР, технологиям и информационно-психологическим средствам воздействия неизбежно даст о себе знать. Нет никакой уверенности, что «плохие сценарии» 1991 года остались позади и гарантированно исключены.

Тем более в ситуации известных внутрицивилизационных противоречий в «Славянском мире», а также проблем между постсоветскими республиками.

- Перед лицом современных вызовов информационное, научно-технологическое и аналитическое взаимодействие в ОДКБ находится на неудовлетворительном уровне. В условиях «новой регионалистики» и без российского содействия, возрождение комплекса НИиОКР, сложного системного труда с длительным циклом планирования и выполнения, в Армении, скорее всего, не состоится.
- Надеемся, что данное слушание МПС ОДКБ послужит началу системного сотрудничества в сфере анализа, прогнозности и противодействию современным гибридным угрозам.

Примечания

1. Речь президента Российской Федерации В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.
2. Global Trends 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, November 2008.
3. *Марджанян А. А.* Наше будущее – глазами NIC // НОФ «Нораванк», «21-й Век», № 2 (24), 2009, http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=5895.
4. *Арутюнян Г. А.* Информационные и деиндустриализованные общества // НОФ «Нораванк», «21-й Век», №4(41), с. 5, 2016, http://noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=14933.
5. *Арутюнян Г. А., Марджанян А. А.* Научный ландшафт в полицентричном мире // НОФ «Нораванк», «21-й Век», №1(42), 2017, http://www.noravank.am/upload/pdf/21VEK_01_2017.pdf.
6. *Марджанян, А. А., Арутюнян, Г. А.* Союзнки на фоне научно-технологического пейзажа. Материалы Третьей международной конференции «Экспорт демократии» и сетевые технологии. Фонд исторической

- перспективы. РГГУ. Москва, 18 мая 2017.
7. Gallup International. End of year 2016. Двухполярный мир: Евразия против Евроамерики – новые военные альянсы. Gallup International / Ромир. 02.05.2017. http://romir.ru/studies/904_1493672400/.
  8. Gallup International. End of year 2016 – Armenia, <http://www.gallup.at/fileadmin/documents/PDF/GallupInternationalEndjahresbericht2016GlobalerGluecks-undHoffnungsbarometer.pdf>.
  9. Four NATO Nations Would Pick Russia to Defend Them If Threatened: WIN/ Gallup Int. Poll. Bloomberg, February 17, 2017. <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-02-17/melania-trump-s-slovenia-would-pick-russian-over-u-s-protection>
  10. McCulloh, T., Johnson, R., Hybrid Warfare. Joint Special Operations University. JSOU, Report 13-4. August 2013.
  11. Блок НАТО принял стратегию противодействия «гибридным войнам». «ФАКТЫ». 02.12.2015. <http://fakty.ua/209520-blok-nato-prinyal-strategiyu-protivodejstviya-gibridnym-vojnjam>
  12. Месснер Е. Э. Мятёж – имя третьей всемирной. Буэнос-Айрес, 1960 г.
  13. Марджанян А. А. Материальная и нематериальная критическая инфраструктура: проблемы сравнительного анализа «Азербайджан – Армения». НОФ «Нораванк», 23.12.2016.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. В двух томах. Т. I. – СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2017. – 376 с.; Т. II. – СПб.: Университет при

МПА ЕвразЭС, 2017. – 392 с. (Серия «Евро-Азиатские исследования»).

В монографию включены научные статьи участников Евразийского научного форума, ежегодно проходящего в Санкт-Петербурге. Они отражают широкий спектр научных исследований реального состояния дел и перспектив развития интеграционных процессов на евразийском пространстве в сфере экономики, юриспруденции, психологии, образования, культуры, искусства. Их авторами являются работники научно-исследовательских и образовательных учреждений, различных организаций стран Большой Евразии.

Книга будет представлять интерес для исследователей сопредельных отраслей научного знания, а также практических работников и студентов.

ПЕРЕВАЛОВ Д. В.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ

Большое внимание руководства многих государств, их профильных министерств и ведомств, экспертов и средств массовой информации к проблеме гибридных войн обусловлено увеличением числа вооружённых и иных конфликтов в различных регионах мира, изменением их характера, а также тяжестью последствий для политической, экономической и социальной сфер тех государств, которые вовлечены в эти конфликты.

В настоящее время согласованного и нормативно закреплённого понятия гибридной войны не имеется. Большинство экспертов в качестве наиболее полного определения такой войны рассматривают формулировку, предложенную Лондонским Международным институтом стратегических исследований (IISS), в соответствии с которой **гибридная война** – это использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением [1].

Одной из актуальных проблем при изучении и осмыслении феномена гибридных войн, разработки мер по отражению вооружённого, экономического, информационного и иного воздействия видится проблема правового обеспечения противодействия таким войнам. В рассматриваемом контексте **правовое обеспечение** целесообразно рассматривать как совокупность нормативно-организационного воздействия с помощью юридических средств и способов на общественные отношения, складывающиеся в области противодействия гибридным войнам, а также организационно-правовых мероприятий по противодействию таким войнам. Исходя из этого в **систему правового обеспечения противодействия гибридным войнам** целесообразно включать:

- 1) подсистему правовых норм, регулирующих отношения в области противодействия гибридным войнам;
- 2) подсистему организационно-правовых мероприятий, направленных на предотвращение, обнаружение, ликвидацию или локализацию угроз, связанных с гибридными войнами.

Формирование системы правовых норм, регулирующих отношения в области противодействия гибридным войнам, является одним из

важнейших направлений в данной сфере. При этом на современном этапе представляется целесообразным выделять:

- 1) наиболее важные сегменты противодействия гибридным войнам, которые требуют правового обеспечения:
  - государственная безопасность;
  - военная безопасность;
- 2) направления противодействия гибридным войнам, требующие правового обеспечения:
  - предотвращение угроз, связанных с гибридными войнами;
  - обнаружение таких угроз;
  - ликвидация или локализация таких угроз.

Правовое обеспечение государственной и военной безопасности в современных условиях обусловлено тем, что в рамках гибридных войн применяются «гибридные методы». Как справедливо отмечает начальник Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, генерал армии В. В. Герасимов, такие методы представляют собой комплекс «политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу... Их содержание заключается в достижении политических целей с минимальным вооруженным воздействием на противника. Преимущественно за счёт подрыва его военного и экономического потенциала, информационно-психологического давления, активной поддержки внутренней оппозиции, партизанских и диверсионных методов» [2]. Реализация таких методов традиционно рассматривается как разведывательно-подрывная деятельность или деятельность, направленная на причинение ущерба национальной безопасности государства. В частности, термин «разведывательно-подрывная деятельность» используется в законодательстве Республики Казахстан (ст.ст. 1, 3 Закона Республики Казахстан «О контрразведывательной деятельности») и Кыргызской Республики (ст. 15 Закона Кыргызской Республики «Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики»). В нормативных правовых актах Республики Таджикистан используется термин «разведывательная, подрывная и иная враждебная деятельность, направленная на причинение ущерба национальной безопас-

ности» (ст. 14 Закона Республики Таджикистан «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан»). В нормативных правовых актах других государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) используется термин «разведывательная и иная деятельность, направленная на причинения (нанесения) ущерба национальной безопасности». К разведывательно-подрывной деятельности (разведывательной и иной деятельности, направленной на причинение (нанесение) ущерба национальной безопасности) относят любые действия или их совокупность, осуществляемые иностранными государствами, специальными службами иностранных государств, иностранными организациями или их представителями либо отдельными лицами из числа иностранных граждан или лиц без гражданства, которые включают в себя, как правило, действия невоенного характера:

- 1) вмешательство во внутренние или внешние дела государства;
- 2) воздействие на политические и социально-экономические процессы, происходящие в государстве, на государственные органы страны, а также на физических и юридических лиц страны в целях:
  - ослабления обороноспособности, общественной безопасности государства;
  - принятия заведомо невыгодных для государства решений, заключения кабальных или заведомо невыгодных для государства или её хозяйственных обществ международных договоров;
  - ухудшения международных отношений государства с другими странами;
  - создания социально-политической напряженности внутри государства;
  - формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций;
  - создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов;
- 1) ведение разведывательной деятельности;
- 2) осуществление экстремистской или террористической деятельности в отношении государства и его граждан;
- 3) деструктивное информационное воздействие;

- 4) дискредитацию государства или иные явно недружественные политические акции в отношении государства, создающие напряженность, кризисную ситуацию, другие подобные обстоятельства.

Фактически все указанные действия входят в состав методов ведения гибридных войн. При этом необходимо обратить внимание на «иностранный компонент» таких действий – иностранные государства, специальные службы иностранных государств, иностранные организации или их представители либо отдельные лица из числа иностранных граждан или лиц без гражданства.

В ряде стран ОДКБ, помимо уже сложившихся элементов правового обеспечения государственной безопасности (установление правовых основ деятельности органов безопасности, уголовно-правовой ответственности за шпионаж и т.п.), реализуются и иные правовые меры для адекватного реагирования на современные угрозы. Например, в 2015 г. в Российской Федерации в Уголовный кодекс введена статья 284.1, которая устанавливает ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности. В 2005 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь введена статья 369¹, которая устанавливает ответственность за дискредитацию Республики Беларусь, а в 2011 г. – статья 358¹, устанавливающая ответственность за агентурную деятельность. В 2016 г. в Республике Казахстан принят закон «О контрразведывательной деятельности».

Вместе с тем правовое обеспечение государственной безопасности, особенно в контексте противодействия гибридным войнам, требует более системного подхода. Как представляется, такой подход должен предусматривать элементы:

- 1) принятие соответствующих профильных законов:
  - закона «Об обеспечении национальной безопасности»;
  - закона «О контрразведывательной деятельности», который бы предусма-

тривал, помимо установления основ противодействия разведывательно-подрывной деятельности, полномочия органов безопасности адекватно реагировать на соответствующие угрозы (например, вносить в министерство иностранных дел государства представления об объявлении дипломатического агента и консульского должностного лица «*persona non grata*» или в органы внутренних дел предписания об отказе в выдаче иностранцам разрешения на временное или постоянное проживание на территории государства);

- закона «Об информационной безопасности»;
- 2) установление уголовной ответственности за деяния, составляющие разведывательно-подрывную деятельность (разведывательную и иную деятельность, направленную на причинение (нанесение) ущерба национальной безопасности);
- 3) формирование организационно-правовых механизмов, направленных на предотвращение в дальнейшем совершения такой деятельности (например, признание организации террористической или экстремистской).

Представляется, что формирование такой системы на пространстве ОДКБ возможно в рамках принятия соответствующих Рекомендаций, а также разработки и принятия модельного закона «О контрразведывательной деятельности».

Правовое обеспечение военной безопасности в государствах – членах ОДКБ традиционно носит системный характер и является достаточно полным. В частности, данная сфера регулируется законами об обороне, вооружённых силах, военном положении. В качестве основных военных угроз в контексте противодействия гибридным войнам можно рассматривать следующие действия военного характера:

- 1) создание и подготовка незаконных вооружённых формирований, их деятельность на территории государства или на территориях его союзников;
- 2) использование иностранными государствами или организациями военно-политического давления, новейших технологий

информационно-психологической борьбы для вмешательства во внутренние дела государства с целью обеспечения собственных интересов;

- 3) деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, в том числе кибертерроризм, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах.

Вместе с тем данные законодательные акты и иные связанные с ними акты законодательства ориентированы, в первую очередь, на традиционные методы ведения военных действий и не всегда учитывают методы гибридных войн. В связи с этим в государствах – членах ОДКБ формируются различные организационно-правовые механизмы, использование которых позволяет адекватно реагировать на соответствующие угрозы. В качестве мер правового обеспечения военной безопасности в контексте противодействия гибридным войнам целесообразно рассматривать:

- 1) формирование необходимых сил противодействия соответствующим угрозам;
- 2) установление правовых основания задействования таких сил;

Например, в Российской Федерации в 2016 г. был принят Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», который предусматривает, в частности, участие таких войск в борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также в территориальной обороне. При этом руководство войсками национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации. В Республике Беларусь в 2015 г. была принята новая редакция Закона Республики Беларусь «О военном положении», которая в числе иных оснований для введения военного положения предусмотрены такие угрозы как:

- возникновение очагов вооруженных конфликтов, направленных против независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь;
- иная деятельность другого государства (других государств), экстремистских, в том

числе террористических, организаций, расположенных на территории другого государства (других государств), включая заявления и демонстрацию силы, осуществляемые в нарушение Устава ООН и указывающие на подготовку к нападению.

В июне 2017 г. в Беларуси в первом чтении принят законопроект о внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам обороны. В частности, законопроект предусматривает внесение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О Вооружённых Силах Республики Беларусь», в соответствии с которыми Вооружённые Силы могут быть применены не только для обеспечения военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, её суверенитета, независимости и территориальной целостности, но и для защиты конституционного строя. Кроме того, в качестве основных задач предусматривается участие Вооружённых Сил в разрешении внутреннего вооруженного конфликта.

Учитывая современное состояние действующего законодательства государств – членов ОДКБ, которые могут рассматриваться как элемент правового обеспечения противодействия гибридным войнам в области военной безопасности, планирующееся внесение в него изменений и дополнений, представляется обоснованным его сближение и гармонизация на пространстве ОДКБ. Данная проблема может быть решена посредством принятия соответствующих Рекомендаций в рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ и модельных законов.

Примечания

1. The Military Balance 2015. By the International Institute for Strategic Studies // <https://www.iiss.org/-/media/silos/the%20military%20balance/the-military-balance-2015/mb2015-00b-foreword/mb2015%2000b%20foreword.pdf>. – P. 5.
2. Герасимов В. В. По опыту Сирии / В. В. Герасимов // Военно-промышленный курьер. – 2016. – № 9 (624). С. 1, 4.

ЛЕВКИН И.М., БОРЩЕНКО В. В.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Стремительные темпы информатизации современного общества резко актуализировало роль информации, информационных и инфокоммуникационных технологий во всех сферах его жизнедеятельности и обусловили начало перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу. Главной особенностью этого общества является насыщение общественного ареала средствами производства, распространения, обработки и использования информации для решения не только общественных, но и личных задач. В зависимости от уровня оснащения населения, государственных, промышленных и общественных структур страны средствами информатизации возникает спектр новых возможностей по формированию, развитию или изменению взглядов на общественно-политическое устройство страны, направления ее международной деятельности, роль и место в истории отдельных значимых исторических и действующих личностей и другие вопросы.

Важной особенностью многих информационных процессов является их экстерриториальность, которая связана с использованием космических информационных систем связи, навигации, дистанционного зондирования Земли, на которых основано использование глобальных телекоммуникационных систем: Internet, NASA

Science Internet (NSI), EVnet, Fidonet и другие [1]. Экстерриториальность информационных процессов обусловила возможность формирования *глобального антропогенного информационного поля*, под которым предлагается понимать совокупность сигналов различной физической природы, формирующихся при помощи технических средств, созданных человеком для передачи информации. Таким образом, это поле может быть представлено двумя компонентами:

- уровнем (пространством) сигналов, представляющем собой совокупность излучений в различных диапазонах электромагнитного спектра и являющихся носителями текстовой, тексто-графической, иконографической, видео и других видов информации;
- уровнем (пространством) материально-технических средств, представляющем собой совокупность предметно-материальных носителей информации: аппаратно-программных средств сбора, обработки и распространения информации; телекоммуникационных систем; средств массовой информации (печатных и электронных), средств хранения информации (фотографических, магнитных и т.п. пленок, дисков, флеш-карт и других материалов с определенными физическими свойствами, кото-

рый может быть использован для записи и хранения информации).

Глобальное антропогенное информационное поле обеспечивает возможность доступа к его отдельным элементам из любой точки географического пространства так, как представлено на рисунке 1.

Из этого рисунка видно, что пространство сигналов значительно превышает пространство предметно-материальных средств, которое ограничено концентрацией населения в различных регионах страны (мира). При этом доступ к пространству сигналов обеспечивается наличием у населения соответствующих технических средств и возможности посещения мест хранения и/или распространения информации (библиотек, учебных заведений, дискуссионных клубов и т.п.).

Наличие антропогенного информационного поля в представленном виде создает предпосылки развития пространства приема (восприятия), в том числе для управляемого информационно-психологического воздействия на население в рамках геополитической борьбы.

Таким образом, антропогенное информационное пространство можно рассматривать как один из специфических элементов геополитического пространства, обладающего определенными информационными свойствами.

Оценка информационных свойств геополитического пространства может быть осуществлена следующим образом.

Географическое пространство страны (региона) разбивается на прямоугольные участки размером

$\Delta l_i \times \Delta h_j$, $i = \overline{1, I}$; $j = \overline{1, J}$; I – число участков по широте; J – число участков по долготе (рисунок 2).

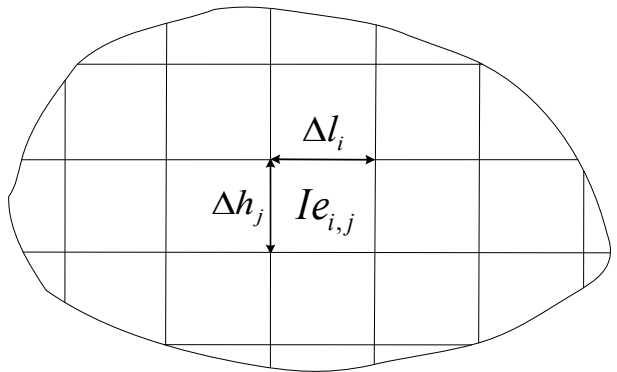

Рисунок 2 – Фрагмент геополитического пространства с оценкой информационных свойств i, j -го географического участка

Каждый участок может оцениваться рядом параметров, к основным из которых можно отнести:

- $n_{i,j}$ – численность населения;
- $a_{i,j}$ – численность точек распространения печатных и электронных СМИ (киосков, отделов в магазинах, интернет-кафе, передвижных лотков и т.п.);
- $b_{i,j}$ – численность книжных магазинов (в том числе специализированных), библиотек, архивов и т.п.;
- $c_{i,j}$ – численность учебных заведений (средних, высших, дополнительного образования) формирующих патриотическое (нейтральное) мировоззрение;

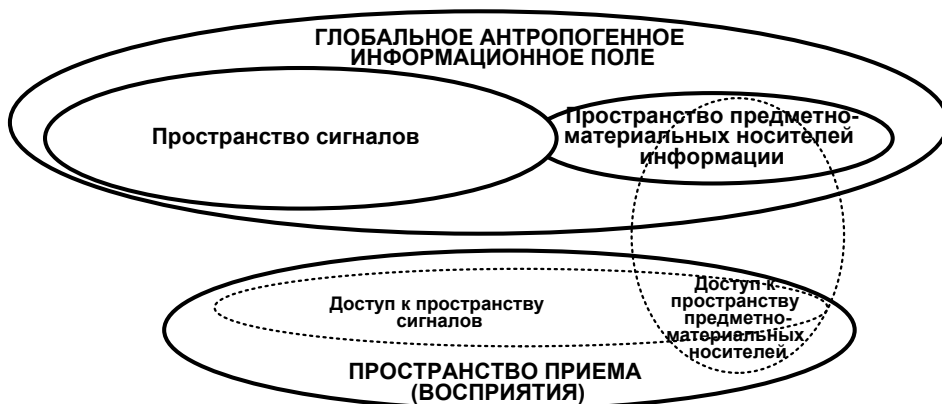

Рисунок 1 – Схема функционирования глобального антропогенного информационного пространства

$u_{i,j}$ – численность учебных заведений (средних, высших, дополнительного образования) формирующих оппозиционное (либеральное) мировоззрение;

$d_{i,j}$ – численность центров дислокации (штаб-квартир, офисов, мест дискуссий и т.п.) государственно ориентированных общественных организаций (партий, движений и т.п.);

$f_{i,j}$ – численность центров дислокации (штаб-квартир, стационарных мест собраний, дискуссий, мест проведения протестных мероприятий и т.п.) неправительственных организаций, аффилированных с геополитическими конкурентами России типа «иностранный агент»;

$g_{i,j}$ – наличие у населения современных средств информатизации иностранного производства (спутникового телевидения, станций спутниковой связи, персональных компьютеров, планшетов, мобильных телефонов, смартфонов и других девайсов);

$h_{i,j}$ – наличие у населения современных средств информатизации отечественного производства;

$r_{i,j}$ – численность организаций, распространяющих средства информатизации иностранного производства;

$k_{i,j}$ – численность организаций, распространяющих средства информатизации отечественного производства;

$p_{i,j}$ – численность иных средств внешнего положительного информационного воздействия;

$l_{i,j}$ – численность иных средств внешнего отрицательного информационного воздействия;

$q_{i,j}$ – численность иных средств внутреннего положительного информационного воздействия;

$s_{i,j}$ – численность иных средств внутреннего отрицательного информационного воздействия;

$w_{i,j}$ – численность электронных иностранных информационных источников, к которым имеется доступ;

$v_{i,j}$ – численность электронных отечественных информационных источников, к которым имеется доступ.

Свертка перечисленных показателей представляет собой плотность интегральной оценки информационных свойств i, j – го географического участка:

$$Ie_{i,j} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_a a_{i,j} + \mathcal{G}_b b_{i,j} + \mathcal{G}_c c_{i,j} + \mathcal{G}_u u_{i,j} + \mathcal{G}_d d_{i,j} + \mathcal{G}_f f_{i,j} + \mathcal{G}_g g_{i,j} + \mathcal{G}_h h_{i,j} + \mathcal{G}_r r_{i,j} + \mathcal{G}_k k_{i,j} + \mathcal{G}_p p_{i,j} + \mathcal{G}_l l_{i,j} + \mathcal{G}_q q_{i,j} + \mathcal{G}_s s_{i,j} + \mathcal{G}_w w_{i,j} + \mathcal{G}_v v_{i,j}) = Ie_{i,j}^{mm(0)} + Ie_{i,j}^{mm} + Ie_{i,j}^{un}, \quad (1)$$

где

$Ie_{i,j}^{mm(0)} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_a a_{i,j} + \mathcal{G}_b b_{i,j} + \mathcal{G}_v v_{i,j} + \mathcal{G}_w w_{i,j})$ – интегральный показатель общих технико-технологических свойств;

$Ie_{i,j}^{mm} = Ie_{i,j}^{mm(+)} + Ie_{i,j}^{mm(-)}$; $Ie_{i,j}^{mm(+)} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_h h_{i,j} + \mathcal{G}_k k_{i,j})$ – показатель положительных для страны технико-технологических информационных свойств;

$Ie_{i,j}^{mm(-)} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_g g_{i,j} + \mathcal{G}_r r_{i,j})$ – интегральный показатель отрицательных для страны технико-технологических информационных свойств;

$$Ie_{i,j}^{un} = Ie_{i,j}^{un(+)} + Ie_{i,j}^{un(-)}$$

$Ie_{i,j}^{un(+)} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_c c_{i,j} + \mathcal{G}_d d_{i,j} + \mathcal{G}_p p_{i,j} + \mathcal{G}_q q_{i,j})$ – интегральный показатель информационно-психологических возможностей положительного воздействия на общественно-политическую обстановку в стране;

$Ie_{i,j}^{un(-)} = \frac{1}{n_{i,j}} (\mathcal{G}_u u_{i,j} + \mathcal{G}_f f_{i,j} + \mathcal{G}_l l_{i,j} + \mathcal{G}_s s_{i,j})$ – интегральный показатель информационно-психологических возможностей отрицательного воздействия на общественно-политическую обстановку в стране;

$\mathcal{G}_a, \mathcal{G}_b, \dots, \mathcal{G}_v$ – коэффициенты, учитывающие важность соответствующего показателя. В зависимости от роли в воздействии на общественно-политическую обстановку в стране рассмотренные показатели могут быть нейтральными, положительными или отрицательными (коэффициенты $\mathcal{G}_a, \mathcal{G}_b, \dots, \mathcal{G}_v \in [-1, 1]$ могут иметь соответствующий знак («+» или «-»)).

Интегральная оценка информационных свойств региона, таким образом, буде иметь вид:

$$Ie^p = \sum_i \sum_j Ie_{i,j}, \quad (2)$$

где $i = \overline{1, I}$; $j = \overline{1, J}$; I – число участков, на которые разбит регион по широте; J – число участков, на которые разбит регион по долготе.

При этом к нейтральному показателю относится интегральный показатель общих технико-технологических свойств геополитического пространства, который свидетельствует о степени распространения общедоступной информации в географическом пространстве. Эта информация аккумулируется может также иметь положительный и отрицательных характер, однако она одинаково доступна любому пользователю в рассмотренных точках (библиотеках, интернет-кафе и т.п.). Поэтому в общей оценке информационных свойств геополитического пространства интегральный показатель общих технико-технологических свойств будет представлять собой постоянную величину (для своего региона). Высокое значение показателя $Ie_{i,j}^{mm(0)}$ свидетельствует о стремлении руководства региона обеспечить населению возможность доступа к базовой информации, имеющей всемирное значение в различных сферах общественной жизни (политической, технической, культурной и т.п.), а также к информации отражающей проблемы развития общества в текущий момент времени. Наличие интегральных показателей, отражающих технико-технологические информационные свойства геополитического пространства $Ie_{i,j}^{un}$ позволяют:

- во-первых, определить уровень оснащения средствами, позволяющими эффективно использовать преимущества информационного общества;
- во-вторых, формировать (корректировать) стратегию по разработке и производству этих средств в рамках научно-технического развития страны.

При этом выделение в этом интегральном показателе иностранной компоненты дает представление о степени зависимости страны от внешних информационно-технических (технологических) достижений, и позволяет определить основные направления развития информационных отраслей, направленных на снижение этой зависимости в рамках импортозамещения. Особенно это касается продукции оборонно-промышленного комплекса в рамках новой Государственной про-

граммы развития электронной компонентной базы и радиоэлектроники [2].

Так, например, в настоящее время на российском рынке компьютеров сформировалась импортоориентированная модель – более 96% рынка составляет продукция зарубежных производителей. В Российскую Федерацию компьютерную технику поставляют производители Китая, США, Чехии, Германии, Тайваня, Таиланда, Венгрии, Японии, Ирландии, Мексики и других стран. При этом объем поставок китайской продукции постоянно увеличивается: его доля в общем российском импорте составляет примерно до 80% от всего объема импорта [3]. Это существенно затрудняет реализацию таких национальных интересов России в информационной сфере, как:

- развитие в Российской Федерации отрасли информационных технологий и электронной промышленности, а также совершенствование деятельности производственных, научных и научно-технических организаций по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности;
- содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве [4].

Наличие показателя положительных для страны технико-технологических свойств $Ie_{i,j}^{mm(+)}$ позволит осуществлять текущий контроль за выполнением основных индикаторов развития отрасли информационных технологий, обозначенных в Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р [5].

Интегральный показатель информационно-психологических возможностей воздействия

на общественно-политическую обстановку в стране $Ie_{i,j}^{un}$ также содержит положительную и отрицательную компоненты.

Одной из особенностей этого показателя является учет в его составе учебных заведений (средних, высших, дополнительного образования) формирующих патриотическое (нейтральное) либо либеральное (оппозиционное) мировоззрение выпускников. К последним, например, может быть отнесена НИУ Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), образованная в 1992 г. при финансовой поддержке Д. Сороса. Среди немногочисленного топ-менеджмента ГУ-ВШЭ – люди, прочно ассоциирующиеся с классическим российским либерализмом ранних 90-х. Президент Школы, завкафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти – Александр Шохин. Научный руководитель Школы – Евгений Ясин. Среди преподавательского состава выделяются Игорь Юргенс, председатель правления Института Современного развития (ИНСОР), Петр Авен, президент «Альфа-банка» и близкий сподвижник Анатолия Чубайса, Евгения Альбац, главный редактор оппозиционного журнала *The New Times*[6]. Филиалы НИУ ВШЭ имеются в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми.

Характерным примером взглядов, навязываемых студентам ВШЭ является высказывание профессора С. Медведева, публично через СМИ предложивший отдать Арктику США, так как американцы — «рачительные хозяева»... За этот совет Владимир Путин назвал Сергея Медведева придурком...[7]. По мнению ряда авторитетных политологов и экономистов, покуда этот центр оккупирован людьми, насаждающими одну и ту же либеральную идеологию (которую они выдают за науку) и процветающими тем более, чем хуже живёт вся остальная страна, никакие перестановки в правительстве экономику не спасут [8, 9].

В перечень аналогичных вузов можно включить Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), учрежденный в 1994 г. Наличие рассмотренных учебных заведений и их структур в городах России способствует росту концентрации выпускников, имеющих альтернативные для российского менталитета взгляды и склонные к протестной (не всегда законной) деятельности. Как пример, можно привести результаты

выборов в мэры Москвы в 2013 г., где политик с весьма сомнительной репутацией А. Навальный получил почти треть голосов москвичей, побывавших на участках [10].

Важным в рассматриваемом случае представляется учет распределения по геополитическому пространству центров дислокации (штаб-квартир, стационарных мест собраний, дискуссий, мест проведения протестных мероприятий и т.п.) неправительственных организаций, аффилированных с геополитическими конкурентами России типа «иностранный агент». В соответствии законом «О некоммерческих организациях» с поправками (ФЗ N 121-ФЗ от 20.07.2012) [11] статус иностранного агента присваивается российские некоммерческие организации (НКО), которые занимаются «политической деятельностью» на территории России (организация «участвует (в том числе путём финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях»; но при этом «к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность» и получают «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства». К наиболее известным организациям, ориентированных на геополитических конкурентов России можно отнести «МХГ», «Мемориал», «Движение за права человека», ассоциации организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС» – «Агентство США по международному развитию» («USAID») и другие [12]. Ярким примером использования информационного геополитического пространства для решения задачи борьбы с существующим общественно-политическим устройством РФ является открытие предвыборных штабов ранее уже упоминавшегося политика

А. Навального. В короткий срок открыто и приступило к активной работе более 70 таких организаций в городах Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград и др. [13]. Именно они, в первую очередь, явились организаторами в большинстве не разрешенных манифестаций 26 марта 2017 г.

Кроме того, для дестабилизации общественно-политической обстановки в стране широко используются глобальные информационные системы, в первую очередь Internet. Не в последнюю очередь протестные акции 26 марта 2017 прошли не только в областных (республиканских) центрах, но и в городах с более низким административным статусом: Волжск, Ижевск, Гатчина, Сочи, Магнитогорск [14]. Одним из последних примеров использования соцсетей в этих целях является появившиеся практически сразу после завершения воскресных несанкционированных «гуляний протеста» в Москве объявления о следующем мероприятии, которое «назначили» на ближайшие дни. Уже 27 марта в интернете объявилась некая группа «Требуем системных изменений в стране!», и именно она, а вернее, ее анонимный организатор» призвал всех «небезразличных граждан» выйти с требованиями [15].

В целом, рост интегрального показателя информационно-психологических возможностей отрицательного воздействия на общественно-политическую обстановку в стране $Ie^{p^{um(-)}} = \sum_i \sum_j Ie_{i,j}^{um(-)}$ препятствует реализации таких как национальных интересов России в информационной сфере, как:

- обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культур-

ных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации;

- обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, в первую очередь критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее – критическая информационная инфраструктура) и единой сети электросвязи Российской Федерации, в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;
- доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире, применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры [4].

Возможность мониторинга характера изменения интегрального показателя информационно-психологических возможностей положительного или отрицательного воздействия на общественно-политическую обстановку в стране позволяет принять соответствующие меры по соблюдению баланса или укреплению положительной направленности развития этого типа обстановки. Таким образом, использование информационных свойств геополитического пространства позволяет:

- во-первых, обеспечить решение важнейших задач социально-экономического развития страны путем реализации основных положений Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 г., предполагающей поддержание среднего темпа роста отрасли информационных технологий на уровне, значительно превышающем средний темп роста валового внутреннего продукта (не менее чем в 3 раза за весь период), увеличение количества высокотехнологичных рабочих мест в российской отрасли информационных технологий до 700 тыс. мест к 2020 г., а также обеспечить рост объема

- производства отечественной продукции и услуг в сфере информационных технологий до 620 млрд рублей [5];
- во-вторых, совершенствовать систему гражданского общества путем использования информационных и телекоммуникационных технологий для повышения качества жизни граждан, обеспечения конкурентоспособности России, развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления;
  - в-третьих, эффективно противодействовать попыткам дестабилизации общественно-политической обстановки со стороны как внутренних, так и внешних деструктивных сил.

Примечания

1. Телекоммуникационные сети: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marketing.spb.ru/read/m9/7.htm>. (Дата обращения: 18.02.2017).
2. Государственная программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы»: [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/programs/249/events/>. (Дата обращения: 18.02.2017).
3. Рынок компьютеров в России - 2016. Показатели и прогнозы: [Электронный ресурс]. URL: <http://marketing.rbc.ru/research/562950001088936.shtml>. (Дата обращения: 17.03.2017).
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>. (Дата обращения: 15.03.2017).
5. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р: [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/4084/>. (Дата обращения: 15.03.2017).
6. ГУ-ВШЭ: история успешного эксперимента: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/GU-VSHE-istoriya-uspeshnogo-eksperimenta>. (Дата обращения: 25.03.2017).
7. ВШЭ (часть 3): чем ещё «прославились» либералы? [Электронный ресурс]. URL: <http://inance.ru/2016/09/vshe-03/>. (Дата обращения: 27.03.2017).
8. Сергей Глазьев: Профессор ВШЭ просит запад избавить его от Путина: [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.info/2015/01/11/sergej-glazev-professor-vshe-prosit-zapad-izbavit-ego-ot-putina/>. (Дата обращения: 25.03.2017).
9. М. Делягин. Гуру либеральной чумы: [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/5769>. (Дата обращения: 27.03.2017).
10. Участие Навального в выборах мэра Москвы: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/itog/2013-12-30/1_navalny.html. (Дата обращения: 29.03.2017).
11. Федеральный закон N 121-ФЗ от 20 июля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // «Российская газета» от 23 июля 2012 г.
12. Иностранцев в России должны знать в лицо: [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/07/06/inostrannyh_agentov_v_rossii_dolzny_znat_v_lico/. (Дата обращения: 29.03.2017).
13. Соратник Навального анонсировал открытие его предвыборного штаба в Йошкар-Оле: [Электронный ресурс]. URL: <http://7x7-journal.ru/anewsitem/91043>. (Дата обращения: 29.03.2017).
14. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Дата обращения: 31.03.2017).
15. Новые Гапоны с украинским акцентом позвали российскую молодёжь на майдан: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/26660/3682052/> (Дата обращения: 31.03.2017).

ЦЗУ ЧУНЬМИН

«АЗИАТСКАЯ ИДЕЯ» В ЕВРАЗИЙСТВЕ: ОТ СТАНОВЛЕНИЯ К СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ

В истории философской мысли России, начиная с «пробуждения самобытной русской мысли по историческому вопросу» [Бердяев. 1996: 32], взор русских мыслителей почти всегда был обращен к Западу или Европе, в поисках схожего или отличного с Западом исторического пути. С тех пор, как в 30-е гг. XIX века развязалась вековая полемика между славянофилами и западниками, рассуждения о проблеме «Россия и Запад» пронизывают почти всю историю русской мысли. В современной России этот вопрос не утратил своей актуальности, но даже стал более насущным, чем раньше.

По мере непрерывного расширения Российской империи, ее азиатская часть давно превысила европейскую часть. Следовательно, в начале XX века, когда евразийцы провозгласили Россию центром Евразии, мы невольно сомневаемся в том, когда же начало пробуждаться «азиатская идея» у русских, или откуда она исходит? В данной статье мы попытаемся провести предварительное изучение той части русской идеи, которая уже давно находится в спячке, в надежде еще больше углубить наши знания и понимание о сущности русской мысли.

«Азия» глазами евразийцев. Считается признанным разделением евразийства на классическое и современное. Под классическим

евразийством подразумевается общественное течение, возникшее в 20-30-х гг. XX века в среде русской эмиграции. Начало, которому положил князь Н. С. Трубецкой, опубликовав сочинение «Европа и человечество» в 1920 г.; затем пережило зрелый период, символом которого явилось издание сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». В 1929 г. подошло к концу по причине спора из-за газеты «Евразия» (В конце 1920-х годов произошёл раскол движения. Вокруг газеты «Евразия» образовались два крыла, – одно, симпатизировавшее советскому строю, и другое, объединившее Н. С. Трубецкого, Н. Н. Алексеяева, П. Н. Савицкого и др. С середины 1930-х годов евразийство как организованное движение прекратило существование. – *Ред.*)

Современное евразийство сформировалось после распада СССР. Ряд российских ученых, стремившихся заполнить идеологический вакуум и обеспечить теоретическую опору при выборе пути развития будущей России, заново раскрыли и переосмыслили идейные ресурсы классического евразийства. Необходимо подчеркнуть, что это идейное движение не ограничивается только научными кругами, а точнее говоря, оно более близко к политическому движению. Это, пожалуй, в значительной степени связано

с тогдашней эпохой и идеологическим состоянием эмиграции. В то время многие считали, что «в те решающие годы, в какие мы живем, формируется и слагается путь будущей России» [Зеньковский. 2016: 25].

Согласно цели написания данной статьи, евразийство, которое здесь упоминается, в основном, относится к классическому течению. В России всегда уделяли пристальное внимание на Европу, редко обращая внимание на Азию. Итак, когда же Азия попала в поле зрения евразийцев? Что, с точки зрения евразийцев, означает Азия? Чтобы ответить на эти вопросы, для начала мы уясним, что называется в конце концов «Азией»? Мы можем рассмотреть ее чисто в географическом аспекте, это та часть, которая относится к востоку от Суэцкого канала и Уральских гор, к Югу от Кавказского хребта, Черного и Каспийского морей. Но такая «модель разделения на континенты является всего лишь географической практикой, а не физической структурой, возникшей на поверхности земли» [Остерхаммель. 2016: 40]. Таким образом, многие часто считают, что «Азия» — это концепция, разработанная Европой, схожая понятию «Европа», оба являются продуктом культурного строительства. С середины XIX века люди начинают воспринимать концепцию «Европа», рассматривают ее как сверхкультурный организм, обладающий единой цивилизационной природой, или общность, образованную различными народами. С. Ф. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций или преобразование мирового порядка» отличительные черты европейской цивилизации обобщил следующим образом: классическое наследие, католицизм и протестантизм, европейские языки, разделение духовной и светской власти, социальный плюрализм, представительные органы, индивидуализм и др. Но это отнюдь не означает, что эти цивилизационные черты характерны только для Европы, они могут быть свойственны и другим цивилизациям. Однако «эти концепции, принятые практики и общественные институты просто были более широко распространены на Западе, чем в других цивилизациях...», другими словами, «они — то, что сделало Запад Западом» [Хантингтон. 2012: 49-51; Проблемы языка 2016].

В смысле культурного строительства «Азия» — это восточная часть, которая не имеет или практически не имеет вышеуказанных цивилизационных особенностей. Следовательно, эти два блока существительных «Европа и Азия» и «Запад и Восток», означающие географические направления, обладают особым цивилизационным или культурным содержанием. Очевидно, что евразийцы склонны к стремлению и желанию разрушить вышеописанную модель деления цивилизаций, поэтому они выдвинули концепции «Евразия» и «евразийская культура». «Евразия» в их понимании не тождественна понятию «континент Евразия», она означает особый и единый мир, образованный тремя Великими равнинами: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестан, а также отделенный и окруженный горными цепями и вершинами. В течение тысячелетий люди, живущие в этом регионе обладают общей культурой, а именно евразийской культурой. Поэтому в целом можно сказать, что евразийство пытается построить культурно-геополитическую идентификационную парадигму, умело переплетая пространственные и временные, геополитические и исторические измерения. Люди разных национальностей по причине проживания в одном регионе, имеют одинаковые или схожие историческую память и жизненный опыт, и даже культурные традиции. Такая культура выражает особый тип цивилизации, отличающийся как от западной, так и восточной цивилизации, а также синтезировавший культурные элементы обеих. В истории древнеримская культура, византийская культура и, позднее, русская культура относятся к данному типу цивилизации. Это разрушило дихотомию Европа-Азия в европоцентризме; было заново построено цивилизационный тип за пределами Европы. Но в течение длительного времени русские путаются или даже ошибаются в определении своей культурной принадлежности. Евразийцы полагают, что это вызвано «курсом на Запад», начатым Петром I, из-за которого были утеряны ранее имевшиеся восточные элементы культуры, и более того, это привело к многовековому расколу в русской культуре.

Смысл выдвижения евразийства заключается в выражении некоего слияния двойственного характера России, что еще более важно, они

говорят об особенном историческом пути России, а также об уникальной миссии, которую должен выполнить русский народ в истории человечества, основываясь на самобытности евразийской культуры. Таким образом, мы можем рассматривать их, как продолжатели наследия славянофилов, но, главным образом, это в подчеркивании национальной независимости [Чунымин 2014]. В целом, несмотря на то, что евразийство привнесло в историю русской мысли четкое понятие «Азия», нельзя отрицать, что построенный ими теоретический каркас по-прежнему основан на концепции «Европа». В особенности в начале XX века, в ключевое время для выбора исторического пути России, проблема «Россия и Запад» неизбежно выходит на первый план. Поэтому ни один тогдашний мыслитель не мог покинуть пределы видимости Запада в своих размышлениях о будущем историческом пути России. Тем не менее, интерес евразийцев к азиатскому фактору по-прежнему имеет важное значение для истории философской и геополитической мысли, в особенности повторное трактование и оценка ими истории правления татаро-монголов оказывают глубокое влияние.

Монголия-Татария: восстановленная история. Монголы жили на «широкой полосе, которая протянулась в центр и север Европы, от границ Маньчжурии до Будапешта, зона степей, которая на северной части является продолжением сибирских лесов» [Груссе. 2014: 4], степная зона, на которой не был пройден эволюционный процесс аграрной цивилизации, следовательно, в древнем мире их всегда считали варварами. Эти кочевые народы, живущие в мире варваров, когда-то, благодаря своему превосходству лучника на коне, господствовали на евразийском континенте. Монголы были не первым кочевым народом, кто создал империю, протянувшуюся через весь евразийский континент. Задолго до них в 4 веке н. э. гунны «по древним и знаменитым степным путям в больших масштабах перебрались из Средней Азии на юг России, ... сотрясая Центральную Европу и даже Южную Европу» [Груссе. 2014: 4]. После того как оседлые народы изобрели огнестрельное оружие, «в первый раз, а также вместе с тем, что военная техника перешла в руки других, цивилизованный мир ока-

зался более могущественным, чем мир варваров» [Груссе. 2014: 8]. Подобные империи часто мимолетно появляются и исчезают с исторической сцены, и даже оставляют мало следов в истории, возможно потому, что «это общая судьба кочевых империй, которые отличаются мобильностью, но неопытны в управлении и слабы в культурном плане» [Рязановский, Стейнберг. 2007: 14]. В историографии России евразийцы были первыми, кто дал положительную оценку периоду правления татаро-монголов. Это, однако, не означает, что они отрицали существование «монгольского ига», они увидели в нем необходимые предпосылки и условия для формирования единого русского государства. Поэтому они говорят вслух: «Если бы не было татаров, то и не было бы будущей России» [Рязановский, Стейнберг. 2007: 14]. Евразийцы не могли смириться с тем, что русские историки полностью игнорировали период правления татаро-монголов, пропуская эти страницы истории, словно этот период истории не оставил никаких следов, и как будто в России сразу после эпохи Киевской Руси органически наступила эпоха Московского княжества. Н. С. Трубецкой в книге «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» яростно отверг эту точку зрения, писал, что: «... не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно... Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [Трубецкой. 2003]. Более того, он писал, что «В исторической преемственности Россия не есть вся монархия Чингисхана, а лишь основное ядро этой монархии. Ядро это определяется особыми географическими признаками, отмежевающими его от остальных частей бывшей монгольской монархии» [Трубецкой. 2003].

Эти географические признаки являются теми признаками «Евразии», которые описал П. Н. Савицкий, а именно: «Восточно-Европейская, «Беломорско-Кавказская», как называют ее евразийцы, равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам Западно-Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к Западной Европе. Названные три равнины, вме-

сте с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый «Арал-Иртышский» водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочить имя «Европы», а ко вторым – имя «Азии», то названному только что миру, как срединному и посредствующему, будет приличествовать имя «Евразии»...» [Савицкий 1992. 68]. Н. С. Трубецкой также отметил, что хотя Евразия с севера на юг разделена четырьмя тянущимися с запада на восток параллельными полосами: тундровой, лесной, степной, горной, между этими полосами также существуют различные природные и экономические особенности, но между ними существуют естественные географические связи, что позволяет нам рассматривать всю Евразию в определенной степени как экономически самостоятельное целое [Трубецкой. 2003]. Таким образом, по мере развития истории живущие на этой территории люди постепенно сформировали общую историческую память и культурные традиции, т.е. евразийскую культуру. Более того, когда Россия ясно поймет, что является центром Евразии, «вновь станет сама собой – Россией-Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана» [Трубецкой 2003], только тогда она сможет по-настоящему творчески идти вперед. Из этих аргументов мы видим, что евразийцы историю монголо-татар вновь поместили на особое место, и даже были рассматриваемы ими как культурные гены, глубоко врезавшиеся в национальную душу. Поэтому в сборнике статей «Исход к Востоку» они пишут, что: «Перед лицом Европы Россия несет существо не только славянской природы; в ней поднимается к новому историческому бытию забытая, казалось, стихия степная, та самая, что в былые времена создавала неслыханные по размаху паназийские державы монголов» [Зеньковский 2016. 138].

Хотя евразийцы всегда подчеркивали, исходя из цели строительства собственной теории, что монгольский элемент имеет важное значение

для формирования российского единого государства, однако, по мнению некоторых западных ученых, описание евразийцами сущности монгольской государственности подлежит сомнению, в особенности они полагают, что именно под влиянием монгольского тоталитарного режима в России установилась абсолютная монархия и осуществлено объединение государства. В действительности, начиная с конца XV-го века, «от Атлантического океана до Уральских гор абсолютная монархия заменила феодальную раздробленность» [Рязановский, Стейнберг. 2007. 69]. Это позволило нам вкратце упомянуть о взаимосвязи между Монгольской империей и ходом мировой истории. Возможно, летописцы тех времен, в особенности летописцы покоренных народов, торопились записывать о чудовищных преступлениях, совершенных монголами на евразийском континенте, не было времени на разумные и объективные суждения о том, что же, в конце концов, дало человеческой истории появление монголов?

Угроза расширения монгольской империи по направлению к Западной Европе не исчезла, а это способствовало тому, что всем западноевропейским странам пришлось прекратить многолетние междусобные войны, и обратить свое внимание на этих гигантов войны, пришедших с восточных степей, а также начать искать способы строительства сильного единого государства. В то время абсолютизм без сомнения была наиболее эффективной моделью для быстрой мобилизации и координации различных сил. Кроме того, монголы построили огромную империю, пересекающую весь евразийский континент. С целью собирания налогов и распространения информации внутри монгольской империи постепенно возникла высокоэффективная транспортная система, которая простиралась от Даду (монгольский хан Хубилай, основатель империи Юань, готовясь к завоеванию всего Китая, в 1260 г. перенес столицу Монгольской империи из Каракорума в местность рядом с бывшей столицей чжурчженей и назвал ее Даду – 大都, «Главная столица», позже переименованную в Пекин. – *Ред.*) до самых отдаленных уголков монгольской империи. Это значительно способствовало развитию международной торговли, а

также позволило Китаю, этой таинственной и далекой стране, стать сильнее.

Другим важным моментом является религия и культура. Один из основателей евразийства П. Н. Савицкий в статье «Степь и оседлость» писал, что: «... в Руси «татарской» – полнота мистического углубления и постигновения и ее лучшее создание, русская религиозная живопись; весь расцвет последней целиком умещается в рамки «татарского ига»» [Савицкий. 2003]. Иными словами, евразийцы всегда подчеркивали, что правление монголов отнюдь не затронуло самобытную культуру и формирование духовности в России, а наоборот: «... само татарское иго, способствовавшее государственной организации России, прививавшее или раскрывавшее дремавшие дотоле навыки, было в то же время горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие. Стержень последнего – *русское благочестие*» [Савицкий. 2003]. Можно утверждать, что в то время монголы вели довольно снисходительную политику в отношении религии и культуры, потому что уровень их собственной культуры не мог сравниться с культурами покоренных народов. Ирония истории заключается в том, что в XVIII веке Петр Великий в поисках выхода к морю расширял границы своей территории именно по тому пути, по которому шел Чингисхан. Разграничительные линии Евразии являются также и линиями военной экспансии, «с одной стороны, противостояла Ирану и Османской империи, и другим мусульманским державам, с другой стороны, кочевым народам казахских и киргизских степей, а еще с другой, сдерживала постоянно отбивающиеся народы Кавказских гор» [Остерхаммель. 2016: 41]. Это возможно было, поскольку, по утверждению Савицкого, «важнейшим историческим фактом послетатарской эпохи стало распространение русской народности на степь, политическое и этнографическое освоение степи. К началу XX в. процесс этот завершился заселением черноморских и азовских, а также части каспийских и среднеазиатских «степных» пространств» [Савицкий. 2003].

В целом, возможно исходя из необходимости построения теории или руководствуясь объективным подходом в изучении истории, евразийцы

восстановили историю татаро-монголов в России, а также придали этому историческому периоду совершенно особый смысл. Посредством переосмысления этого периода евразийцы попытались доказать, что Россия является центральным ядром Евразии, попытались способствовать тому, чтобы люди изменили точку зрения в изучении истории России.

Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» – это важная статья Н. С. Трубецкого, с большим объемом в 60 страниц. В статье разъясняется, почему же нужно рассматривать историю России с точки зрения Востока, а не Запада, а также в чем же заключается смысл изменения этой точки зрения. В статье говорится, когда мы внимательно пересмотрим историю России, то можем заметить, что истинное лицо России является евразийским, тогда мы поймем, что это «путь вперед, к подлинно новому, к небывалому» [Трубецкой. 2003]. Некоторые считают, что «азиатская идея» в России связана с государственным гербом в виде двуглавого орла, унаследованного Иваном III от Византийской империи. Взяв за основу государственный герб Римской империи в виде одноглавого орла, в Византийской империи, чтобы выразить свое особое географическое положение, изменили его на двуглавого орла, одновременного смотрящего на Европу и Азию. В 1472 г. великий князь Московский Иван III по предложению папского престола женился на византийской царевне Софии, последней представительнице императорской семьи. Она принесла с собой в Московское княжество двуглавый орел, государственный символ Византийской империи. Затем великий князь Иван III соединил двуглавого орла и образ Георгия Победоносца, изображаемого на родовом гербе, в качестве символов власти Московского княжества. Тогдашнее Московское княжество еще не было единой Россией, еще не окончательно освободившееся от правления монголов. Использование двуглавого орла в качестве государственного символа Иваном III в значительной степени, возможно, было вызвано желанием утвердиться в том, что он является наследником Византийской империи, и даже Римской империи, и поэтому еще не имело значения «одно-

временно лицом к Европе и Азии». Обретение русскими «азиатской идеи» связано с расширением границ по направлению к Востоку. С 1480 г. между Монголией и Россией поменялось местами господствующее положение. После завоевания и освоения Сибири царской Россией в начале XVII века, ее границы проходили через весь евразийский континент.

В 1719 г. Петр I основал картографическое бюро, что говорит о том, что в России начинает постепенно формироваться территориальное сознание современного национального государства, и даже стало возможным еще более разыграться воображению на карте. В 1721 г., после победоносного завершения Северной войны, Россия получила чрезвычайно важное «окно в Европу». «На торжественной церемонии, устроенной в честь заключения мира, по прошению сенаторов Петра I принял титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого», таким способом Россия официально стала империей» [Рязановский, Стейнберг. 2007. 209]. «Таким образом, вопрос деления династий на азиатские и европейские части впервые стал географическим и политическим вопросом» [Остерхаммель 2016: 41]. Ю. Остерхаммель по отношению к вопросу о разграничении Европы и Азии внутри России сделал следующее объяснение: «Рассматривать Дон и близкое от Черного моря Азовское море как линию границы между Европой и Азией является древнегреческой и римской традицией, которое и в современную эпоху по-прежнему имеет влияние... В 30-е гг XVIII века шведский офицер Филипп фон Страленберг, пробывший военнопленным в России 13 лет, и советник по географическим вопросам императора Петра I и один из теоретиков вестернизации Василий Татищев эту линию границы переместили к востоку от Уральских гор...» [Остерхаммель. 2016. 41]. Западные ученые только в конце XVIII века согласились с этим разграничением – с тех пор Сибирь стала частью Азии, симметричной Европейской части внутри империи, более того запасным пространством для колонизации. В XVIII веке, в особенности во второй его половине, благодаря роли торговли пушной Сибирь или азиатская часть царской России

все еще имеет довольно важное геополитическое значение, конечно, это в значительной степени связано с ее экономическими выгодами.

Начиная с XVII века, русские люди не только постепенно обрели «азиатскую идею», но и придали ей особый смысл и воображение. Однако такое воображение меняется в зависимости от тех различных периодов истории, которые переживает Россия. В конце XIX – начале XX вв. «Азия» в глазах русских по-прежнему являлась символом отсталости, дикости, преступления и наказания. Это, кажется, сформировало основное содержание концепции «Азия». Евразийцы были не первыми мыслителями, кто обратил внимание на Азию. На становление теоретической парадигмы евразийства наибольшее влияние оказал Н. Я. Данилевский, который бросил вызов концепции единой и единственной «общечеловеческой цивилизации».

Цивилизационный подход к истории Данилевского восходит к Иоганну Готфриду Гердеру, его органической теории культуры. Гердер, исходя из «тождественности культуры и истории», на основе объяснения того, что природа наделяет все народы различными характерами, выдвинул идею о многообразии, эквивалентности культур и т. д. Гердер подверг критике идею «центризма западной культуры», тем самым представив важный идейный инструмент и теоретическую основу [Чуньмин. 2012]. Стоит упомянуть о том, что Гердер в своем знаменитом труде «Идеи к философии истории человечества» также обратился к Азии, тщательно изучил и обосновал «татарский регион», а также рассматривал его как «самый оживленный центр органической силы», «где процветание всего сущего, наиболее устойчивый и кропотливый процесс развития», Средняя Азия даже стала высшим источником жизни [Остерхаммель. 2016: 251].

Между Данилевским и евразийцами существует еще одна важная связь – это К. Леонтьев, который соглашался с Данилевским в том, что Россия представляет собой особый культурно-исторический тип, но его видение выходило за рамки славянского мира: в карту собственного мировоззрения он включал азиатскую часть России. Исходя из этого он писал, что «Россия не просто государство, Россия, взятая в целом,

со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности. Поэтому не изгнание только турок из Европы, и не эмансипацию только славян, и не образование даже во что бы то ни стало из всех славян, и только славян, племенной конфедерации должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое» [Зеньковский. 2016: 128]. Здесь мы уже можем видеть идейный прототип евразийства. Евразийцы переосмыслили философию Леонтьева, творчески трансформируя понятия Леонтьева «целостный мир», «своеобразный стиль культурной государственности» в такие как «Евразия», «евразийская культура» и др. Кроме того, евразийцы утверждали, что азиатская часть России естественным образом становится Россией-Евразией. Иными словами, именно это особое географическое сочетание дает России право стать преемницей великой монгольской империи. Это как раз совпадает с «азиатской политикой», в то время провозглашенной советским правительством, из-за чего многие считают евразийство «внебрачным ребенком православия и большевизма».

Возвращаясь к критике Запада, евразийцы посредством анализа существующих элементов западной культуры, в частности романо-германской, указывают на то, что Запад в настоящее время идет к гибели. Исходя из этой предпосылки, если Россия сможет своевременно принять тот факт, что «является центром Евразии и представительницей евразийской культуры», то она заменит собой западную цивилизацию, в полной мере исполнит роль спасительницы мира (проявление в полной мере мессианского сознания). Именно поэтому некоторые исследователи, которые критикуют евразийство, считают, что знания евразийцев о западной культуре ошибочны. «Ибо не потому Европа превозносит свою культуру, что она есть ее создание, а потому, что идеалы, которые одушевляли и одушевляли европейскую историю, имеют не местный, а универсальный характер» [Зеньковский. 2016: 141]. Эти идеалы включают идею о том, что христианский универсализм наделяет европейскую культуру миссией; по этой же причине Зеньковский

осуждает евразийцев за их довольно ограниченное понимание православия).

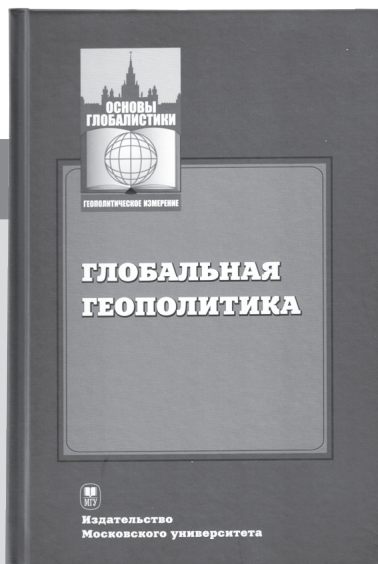
В заключение следует отметить, что формирование евразийства является не только продолжением и развитием независимой духовной традиции русского народа, но и идейной квинт-эссенцией постоянного переосмысления и изучения русской интеллигенцией путей модернизации нации. Более того, его возрождение в современную эпоху говорит о том, что Россия не намерена стать второ- или третьесортной страной, играющей ничтожную роль, а собирается в полной мере использовать свое особое географическое преимущество. Она активно строит новое «евразийское» стратегическое пространство, снова играет на мировой арене важную роль, и даже намерена исполнить роль спасительницы мира. Необходимо подчеркнуть, что евразийцы попытались сформировать парадигму, выходящую за рамки славянофильства и западничества. Но всякая парадигма, в том числе и евразийская, как разумна, так и неизбежно ограничена. Преимуществом евразийства являются комплексность и подвижность, но это может оказать определенное влияние на культурную идентификацию россиян, в особенности переоценка монгольского авторитарного режима евразийством может привести к ненужным недоразумениям [Культурная политика России 2015].

Примечания

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века, пер. Лэй Юншэн, Цю Шоуцзюань, издательство Саньянь, 1996.
2. Груссе Р. Империя степей. Издательство Commercial Press, 2014.
3. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа, пер. Сюй Вэньцин. Издательство Саньянь в Шанхае, 2016.
4. Остерхаммель Ю. Трансформация Азии. Европа 18 века и азиатские империи, пер. Лю Синхуа. Издательство Китайской академии общественных наук, 2016.
5. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

6. Рязановский Н. В., Стейнберг М. История России, пер. Ян Йе, Цин Вэньхуэй. Шанхайское народное издательство, 2007.
7. Савицкий П. Н. Евразийство. Сборник переводов по философии, пер. Цюй Вэйчжай, №6, 1992.
8. Трубецкой Н. С. Мы и другие // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
9. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век: Сб. – М.: Издательство АСТ, 2003.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. – М.: Издательство АСТ, 2003.
11. Чуньмин З. Особенности становления «русской идеи». Вновь о споре славянофилов и западников» // Открытая эпоха. 2012. №10.
12. Чуньмин З. Славянофильство и евразийство. Две парадигмы преобразования российской цивилизации» // Вестник Сучжоуского университета (Философия и социальные науки). 2014. №2.
13. Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. – М.: Проспект, 2016.
14. Культурная политика России: актуальные аспекты. Коллективная монография /под ред. А.Н. Чумакова. – М.: Проспект, 2015.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Глобальная геополитика. Колл. монография / Под редакцией И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 280 с. 32 ил. – (Основы глобалистики. Геополитическое измерение).

Во втором издании монографии, переработанном и дополненном новыми разделами (первое издание вышло в 2010 г.) рассматриваются теоретико-методологические и практические вопросы глобальной геополитики. Особое внимание уделено месту и роли России в глобальной геополитике.

БАХТУРИДЗЕ З. З.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Обеспечение безопасности в системе международных отношений – базовая задача и основа для конструктивного взаимодействия различных акторов мировой политики. Очевидно, что в переходные периоды, в условиях трансформации системы (кризисные явления в разных сферах, попытки национального самоопределения, всплеск сепаратизма, появление новых внесистемных участников, обострение борьбы за влияние среди значимых мировых акторов) данная проблема актуализируется.

Особое внимание следует обратить на региональные и субрегиональные форматы обеспечения безопасности. В этом ключе весьма значимым и интересным для исследования представляется регион Южного Кавказа, который был обозначен Збигневом Бжезинским как часть «Евразийских Балкан», где внешние конфликты могут стать ключевой проблемой для развития и благополучия. Подчеркивая тот факт, что эта территория имеет важное значение для соседей, как с точки зрения реализации экономических интересов, так и с точки зрения безопасности, американский теоретик отмечал, что в данных политических субъектах «не только наблюдается нестабильная ситуация, но они также являются соблазном для вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости

оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа в регионе». События двух последних десятилетий, наряду с усилением значимости Южного Кавказа в мировой политике, со всей очевидностью продемонстрировали повышенную конфликтность региона (в частности, армяно-азербайджанский конфликт по поводу Нагорного Карабаха, аджарский кризис, грузино-абхазский конфликт, грузино-южноосетинский конфликт), ситуация усугублялась в связи с разновекторными целями внешних игроков, реализующих свои интересы в регионе, среди которых – ЕС (Европейский Союз), США, Россия, Турция. Этнотерриториальные конфликты в процессе децентрализации и фрагментации региона привели к появлению самопровозглашенных государств. Признание Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии стало камнем преткновения в отношениях между Грузией и Россией и привело к разрыву дипломатических связей, что не могло не оказать влияния на систему безопасности в регионе. Это определило основную цель данной статьи – обозначить возможные варианты обеспечения безопасности в регионе, учитывая непримиримые позиции России и Грузии относительно статуса территорий Абхазии и Южной Осетии. Основная гипотеза заключается в том, что стратегически правиль-

ный политический сценарий миротворчества на Южном Кавказе может стать серьезным вкладом в обеспечение безопасности данного региона.

Методологической основой исследования стало сочетание сравнительно-исторического, институционального, ситуативного методов. В частности, институциональный метод позволил изучить формы международной легитимации малых государств в современных международных отношениях. Для анализа конфликтных ситуаций было необходимым применение ситуативного метода (*case-study*). Метод сравнительного анализа позволил исследовать документы, выступления политических деятелей, теоретические концепции и аналитические обзоры, результаты эмпирических данных. Факторы, оказывающие влияние на политический процесс в регионе Южного Кавказа, рассмотрены в работах К. С. Гаджиева, В. В. Дегоева, С. М. Маркедонова и многих других авторов, в том числе иностранных экспертов, таких как И. Мурадян, Б. Коппитерс, Т. де Валл и др. Исследования, посвященные этнополитическим конфликтам на Кавказе, оказывающим серьезное влияние на стабилизацию ситуации в регионе, представлены в трудах О. А. Колобова, В. Ф. Пряхина, В. А. Светлова и др. Значительный всплеск публикаций вызвали трагические события августа 2008 г., вошедшие в историю под названием «пятидневной войны».

После признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, одним из наиболее актуальных, значимых и злободневных стал вопрос дальнейшего политического развития этих государств. Данная тема нашла отражение в работах политологов, историков, правоведов, конфликтологов. Процесс государственной трансформации, начавшийся на постсоветском пространстве представляет собой часть масштабного универсального процесса, связанного с распадом прежней системы международных отношений, а также с переходом к новым политико-правовым моделям мироустройства. Центробежные силы, активизировавшиеся в процессе дезинтеграции СССР, спровоцировали целый ряд локальных конфликтов, которые, в свою очередь, привели к появлению на территории

бывших союзных республик непризнанных государственных образований, которые называют по-разному: «квазигосударства», «непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «де-факто государства» и др. Однако, во всех случаях, данная группа государств не получает дипломатического признания со стороны большей части мирового сообщества и рассматривается как часть государств-членов ООН, что впрочем не мешает им «быть вполне реальными участниками «Большой игры» на постсоветском пространстве» [1]. Практика показывает, что процессы формирования и развития новых государств затрагивают неоднозначные вопросы формирования наций, в международном праве существует широкий спектр интерпретаций процесса обретения независимости, и, по сути, оно вполне терпимо к сецессии, если это отвечает интересам акторов мировой политики, обладающих достаточным влиянием для реализации своих целей. Это объясняется тем, что ведущие мировые державы (СССР и США) не желая лишать себя возможности геополитического маневра, так до конца и не пошли на четкое и однозначное включение императивных антисецессионистских оговорок в ключевые международно-правовые документы [2].

По мнению А. Г. Дугина, применение доктрины «постимперской легитимности» при распаде социалистической системы привело к тому, что её внутренние, административные составляющие получили «полноценный правовой статус независимо от того, удовлетворяет ли данное образование критерию полноценного государства или нет» [3]. В основе такого подхода – светская либеральная идея относительно произвольности любого государственного образования как исторической случайности, где этнический, религиозный, культурный и социальный компоненты являются малозначимыми и несущественными, так как население понимается здесь как простая совокупность экономико-статистических единиц [3], в результате, фактически игнорируется право на политическое самоопределение народов, проживавших на территории империи, что с высокой степенью вероятности приводит к межэтническим и территориальным конфликтам, которые могут пребывать в состоянии «замороженных»,

время от времени актуализируясь. Таким образом, возникшие на постсоветском пространстве непризнанные государства оказались за рамками международно-правовой легальности. Очевидно, конструктивный подход к разрешению проблемы непризнанных государств заключается не только в поиске универсальной модели, а в применении целостного интегративного анализа при изучении каждого случая. А. Большаков предлагает выделить ряд основных параметров комплексного рассмотрения феномена непризнанного государства:

- историю возникновения непризнанного государственного образования, описание этнического конфликта и основных этапов его развития;
- эффективность переговорного процесса, посредничества, планов мирного урегулирования;
- формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;
- особенности политического устройства, степень его демократичности;
- наличие или отсутствие реальных возможностей для возвращения непризнанного государственного образования в состав государства, от которого оно отделилось;
- шансы для существования в качестве независимого государства;
- заинтересованность и возможности внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования [4].

Распад Советского Союза сопровождался дезинтеграционными процессами и утратой гражданской идентичности, которую заменила базовая этническая идентичность, или идентичность, связанная с территориальным аспектом. Отсюда и рождение непризнанных государств, олицетворяющих собой бегство к «своей земле» [5]. Смена идентичности, в свою очередь, дает основания говорить об изменении комплекса основополагающих мировоззренческих представлений людей, некогда живших в едином социокультурном пространстве [6]. В рамках геополитического дискурса следует отметить, что «большие многомерные пространства миро-

вых цивилизаций характеризуются устойчивыми культурно-генетическими кодами и архетипами, доминирующей ролью менталитета и нравственных ценностей в противостоянии внешним Вызовам», однако, в технологиях новейшей геополитики, захват «чужих территорий» осуществляется с помощью использования центральных технологий манипулирования сознанием их граждан [7]. Учитывая возможности применения и результаты воздействия данных технологий в условиях информационного общества, становится очевидным, что их роль нельзя недооценивать. Признание или непризнание по отношению к государственным образованиям на постсоветском пространстве может рассматриваться, с одной стороны, как выражение определенной государственной позиции, связанное с наличием или отсутствием подобного рода ситуаций на своей территории, а с другой стороны – как часть политической манипулятивной стратегии, выраженной или в угоду собственных интересов и/или для демонстрации лояльности стратегическим партнерам. Однако, тот факт, что непризнанные государства не отражены на карте мира, не делает их эфемерными, более того, они не просто являются частью реальности, они сами участвуют в формировании новой реальности, воздействуя на все сферы общества.

Абхазия и Южная Осетия представляют собой примеры государств, получивших частичное признание независимости, прежде всего от России – члена Совбеза ООН. Существует убежденность, что они последовательно и решительно демонстрировали способность строить свою государственность и не откажутся «от завоеваний, доставшихся им в тяжелейшей борьбе», в то время как «Грузия не может состояться как полноценное государство, не подчинив себе непокорные автономии» [8]. Следует признать, что в сфере суверенитета дела в Южной Осетии и Абхазии обстоят не лучшим образом, но и в Грузии проблем в данной области не меньше и, в первую очередь, они связаны с территориями Южной Осетии и Абхазии, которые в общественном сознании остаются грузинскими территориями, неподконтрольными Тбилиси. В сознании грузинской элиты – Абхазия и Южная Осетия – это анклав в рамках суверенного государства и их

признание Россией и некоторыми другими государствами ничего не меняет. Однако, «на международном уровне проблема эта концептуально не решена, что и порождает многочисленные конфликты» [9]. Для подавляющего большинства стран-участниц ООН Южная Осетия и Абхазия остаются частью грузинского государства, поэтому признание их независимости Россией считается неправомерным, т.к. является нарушением Устава ООН. При этом следует особо отметить, что «критикуемый мировым сообществом экстремизм властей непризнанных государств опирается на массовую поддержку граждан этих формально несуществующих образований» [10].

Любопытным для рассмотрения является экспертное мнение В. Т. Литвиненко, согласно которому «...если возникновение квазигосударственных образований Абхазии и Нагорного Карабаха имеет свою предысторию, то государственность Приднестровья и Южной Осетии – прямое следствие дезинтеграции Советского Союза и ранее принятых волюнтаристских решений», так как «в конституционном порядке территория образованной в 1922 г. Юго-Осетинской автономной области была, без учета мнения ее населения, включена в состав Грузинской ССР, а Северо-Осетинская автономная область, образованная в 1924 г., а затем, в 1936 г. преобразованная в Северо-Осетинскую АССР, была включена в состав РСФСР» [9]. Таким образом, неопределенность политического статуса Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии – следствие отсутствия модельного международного законодательства, в рамках которого мог бы проводиться процесс легитимации самопровозглашенных государств. Статус Абхазии и Южной Осетии не будет полноценным до тех пор, пока не произойдет полномасштабное мирное урегулирование с Грузией, на данном этапе «Сухум и Цхинвали – с помощью Москвы – добились лишь независимости от Грузии» [11].

Стремление к получению международного признания, позволяющего интегрироваться в систему международных отношений и мировой политики, не мешает непризнанным и частично признанным государствам взаимодействовать между собой в различных сферах общественной жизни. Например, в июне 2006 г.

лидеры Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья подписали договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи и декларацию о создании Сообщества «За демократию и права народов», было объявлено, что целью заключенного союза является «завершение политико-правового оформления распада Союза ССР через признание правосубъектности Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Южная Осетия» [12]. Это объединение непризнанных государств получило название «Содружество непризнанных государств» или СНГ-2, вероятно подчеркивающее его близость к проектам российской интеграции, ведь несомненно, потребность в интеграции в условиях недостаточного адаптационного потенциала и в рамках борьбы за выживание очень высока. Нельзя не согласиться с утверждением К. Затулина о том, что, непризнанные государства, заявив о создании совместных миротворческих сил и о намерении поддерживать друг друга в случае вооруженной агрессии, фактически заключили между собой военно-политический союз [13].

Произошедшие в августе 2008 г. события, названные «пятидневной войны» и вызвавшие глобальный информационный резонанс, подтолкнули Российскую Федерацию нарушить статус-кво и заявить 26 августа 2008 г. о признании Абхазии и Южной Осетии, что изменило статус республик, переведя их в разряд частично признанных государств, что вполне может трактоваться как определенный результативный этап на пути стремления к обретению международного признания. Однако факт того, что при этом ни одно государство, являющееся членом СНГ не последовало примеру России в признании независимости Абхазии и Южной Осетии, очередной раз продемонстрировал «наличие консенсуса между странами Содружества, но консенсуса без России» [14].

Иначе говоря, стало очевидным, что интеграционные стратегии государств-участников СНГ в силу прагматичных установок тяготеют к многовекторности. Кроме России Абхазию и Южную Осетию признали Никарагуа, Венесуэла, Науру, а впоследствии – Тувалу. В январе 2015 г. о признании Южной Осетии и Абхазии заявило непризнанное государство – Луганская Народная Республика.

Задаваясь вопросом, каковы же будут судьбы Абхазии и Южной Осетии, следует особо отметить, что, несмотря на объединяющие факторы (советское прошлое, влияние распада СССР на формирование процесса становления государственности, региональная идентичность), они обладают уникальной совокупностью характеристик. В первую очередь это касается рассмотрения абхазского и югоосетинского конфликтов, которые нельзя трактовать в одной плоскости как симметричные [15]. В частности, «в Южной Осетии в отличие от Абхазии не было масштабных этнических чисток грузинского населения, и до августа 2008 г. грузины проживали совместно с осетинами» [16]. Вариант присоединения к России рассматривался в обеих республиках, но при этом для Южной Осетии он являлся основным, так как развитие республики во многом зависело от российской помощи. В Абхазии, в отличие от Южной Осетии, существовала многоотраслевая экономика, хорошо развитый курортный туризм. Представляется, что это можно возобновить. Более того, в Абхазии существует национальный проект построения независимого государства абхазов; и в целом абхазская политическая система является «более зрелой, самостоятельной и устойчивой, чем юго-осетинская» [17].

В грузинской экспертной среде есть мнение, что «грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликт имеют собственную историю, корни, генезис, и даже если российский фактор вдруг исчезнет, то конфликты эти не урегулируются сами собой, немедленно и автоматически», так как «все предыдущие грузинские руководители в большей или меньшей степени» приложили руку к углублению конфликтов (или оказались несостоятельными в плане их предотвращения и/или урегулирования)» [15]. Российские и грузинские эксперты, участвующие в проекте «Содействие диалогу Россия – Грузия», признают, что проблема Абхазии и Южной Осетии пока остаётся проблемой, решения которой не найдено, что, по мнению грузинского эксперта, представляет собой «серьёзное политическое и важнейшее эмоциональное (с грузинской стороны) препятствие на пути упорядочения грузинско-российских взаимоотношений» [15]. Представляются весьма разумными

и логичными рекомендации российских экспертов относительно необходимости подключения к российско-грузинскому экспертному диалогу представителей как Абхазии, так и Южной Осетии, которые принимают участие в формате международных женеvских переговоров, однако их запросы оказываются безрезультативными. Н. Добронравин называет всю совокупность непризнанных государств одним из компонентов «серой зоны» между суверенными государствами и негосударственными акторами мировой политики. По верному замечанию исследователя, большинство политических образований, оказавшихся в «серой зоне», «не имеют шансов выбраться из нее «на свет» без колоссальных собственных усилий и (как правило) внешней помощи», поэтому «чтобы полностью ликвидировать непризнанное государство, также обычно требуются значительные усилия суверенного «владельца» данной территории и помощь извне» [18].

После 26 августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия окончательно перешли в сферу российского влияния, в то время как Грузия пошла по пути усиления контактов с НАТО (в частности, совместные учения) и дальнейшего сближения с Европой (Соглашение об ассоциации с Евросоюзом и право безвизового въезда грузинским гражданам в зону шенгенского соглашения). Таким образом, анализируя взаимоотношения между Грузией и Россией в контексте обеспечения безопасности в регионе Южного Кавказа, следует отметить, что с одной стороны, интенсивность взаимодействия между странами остается на достаточно низком уровне. Отсутствие дипломатических отношений является серьёзной помехой для совместного поиска консенсуса, но вместе с тем, в целом, отношения между Грузией и Россией постепенно меняют тональность (возобновление экспорта грузинских товаров в Россию; встречи спецпредставителя грузинского премьера по урегулированию отношений с Россией З. Абашидзе с зам. главой МИД РФ Г. Карасиным; прямое авиасообщение между странами; экспертное взаимодействие в рамках «стамбульского процесса», женеvские дискуссии, декларации грузинской власти о выстраивании прагматичных отношений с Россией и пр.). Пере-

говоры в упомянутых форматах не могут решить основных вопросов, стороны не могут прийти к согласию даже относительно участников конфликта, не подписано соглашение о неприменении силы, но наряду с этими трудностями, есть и достижения – обсуждаются и разрешаются вопросы гуманитарного характера, связанные, например, с перемещением населения через спорные границы. На современном этапе проблема непризнанных государств многогранна и затрагивает различные сферы: политико-правовую, социокультурную, экономическую, геополитическую, военно-стратегическую. Очевидно, что преобразования, происходящие в условиях трансформирующейся системы миропорядка, обладают высоким конфликтным потенциалом, и могут длиться долгое время, сохраняя напряженность, что свойственно так называемым замороженным конфликтам. Более того частичное признание квазиобразования становится прецедентом, вызывающим масштабный резонанс в мировой политике, в частности, Абхазия и Южная Осетия позиционируются как территории Грузии, оккупированные Россией. Памятуя о том, что «происходящее сегодня на Кавказе и по поводу Кавказа неотъемлемо от глобальных процессов» [19], учитывая общий конфликтный фон современных международных отношений, обострение ситуации в Закавказье вполне ожидаемо. Регион Южного Кавказа представляет собой модель мозаичной фрагментарной картины современного миропорядка, он представлен шестью государственными образованиями с разными признаками государственности и разной степенью включенности в международные отношения и мировую политику. Кроме трех признанных международным сообществом государств (Азербайджан, Армения, Грузия) в регионе на сегодняшний день существуют ещё два частично признанных государства – Южная Осетия и Абхазия и одно непризнанное де-факто государство – Нагорно-Карабахская республика. В условиях непрекращающейся борьбы разных участников мировой политики за влияние в регионе, на фоне нестабильной системы миропорядка, ни в одном из этих территориальных споров авторитет ООН не оказался достаточным для прекращения конфликтного противостояния.

Регион считается одним из самых милитаризованных на постсоветском пространстве, что дает дополнительные основания считать его зоной потенциальных конфликтов. Показательно, что военные расходы государств Южного Кавказа демонстрировали тенденцию к увеличению даже при снижении ВВП [20]. Однако, следует отметить, что в Грузии, которая лидировала в гонке вооружений среди закавказских республик (4,56% от ВВП), после смены власти в 2013 г. в условиях «заявленного отказа от применения вооруженных сил для восстановления территориальной целостности» был пересмотрен размер военного бюджета и принято решение поддерживать военные расходы на уровне 2,1–2,2% ВВП [21]. Нельзя не согласиться с тем, что «самой историей, географией, геополитикой и реалиями современного мира народам Закавказья предначертано жить и существовать вместе», и очевидно, что успеха в урегулировании конфликтов можно добиться путем «создания в регионе атмосферы взаимного доверия и взаимопонимания в рамках переговоров по формированию региональной системы безопасности» [22].

Учитывая, что «тот, кто будет контролировать Южный Кавказ, получит возможность не только извлекать немалую прибыль и обеспечить себе одно из лидирующих мест в трансконтинентальных транспортных перевозках, но и решать в собственных интересах многие политические задачи» [23], странам данного региона необходимо искать оптимальные формы совместного проживания и сотрудничества, дабы не стать объектами провокаций заинтересованных сторон и минимизировать их вмешательство. Существует мнение, что «одним из наиболее эффективных способов разрешения споров является региональная политическая интеграция, которая снижает межэтническую неприязнь, а также помогает преодолеть экономические и социальные трудности» [24]. Но, несмотря на понимание значимости регионального сотрудничества для Южного Кавказа, политическая интеграция вряд ли представляется возможной в обозримом будущем. В этом ключе представляется вполне логичным вывод Н. Чиковани: «... идея достижения единства Кавказа (или хотя бы одной из его частей) существует и, скорее всего, может

существовать как идеал, к которому стремятся кавказские народы. Но достаточно даже беглого взгляда на историю, особенно почти десяти последних столетий, чтобы убедиться в беспочвенности рассуждений о наличии такого единства и гармонии интересов <...> Поэтому представление Кавказа как политической или культурной целостности относится больше к сфере мечты и желания, нежели к исторической или современной реальности [25]. Действительно, несмотря на территориальную общность, эти страны разделяют непримиримые противоречия, здесь в сложный узел сплетены весьма острые и трудноразрешимые социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные проблемы» и Кавказ характеризуются «политической дискретностью, мозаичностью и нестабильностью» [26].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что регион Южного Кавказа стал одним из самых нестабильных и взрывоопасных на постсоветском пространстве. Испытывая сложности экономического и политического характера, трудности во взаимоотношениях друг с другом, бывшие союзные республики искали партнеров в мировой политике и экономике, тем более, что значимые международные акторы (государства, государственные союзы, транснациональные корпорации, неправительственные организации) заявили о своих интересах в этом регионе. Таким образом, данный сегмент стал полем конфронтации и столкновения политических, экономических, этноконфессиональных интересов как субрегиональных акторов, так и глобальных участников мировой политики. Достижение стабильности на Южном Кавказе является важной задачей для всех участников международного политического процесса, реализующих свои интересы в данном регионе, однако, у них разное видение решения данной задачи. Условием достижения стабильности и мирного развития на Южном Кавказе должно стать конструирование новой структуры безопасности. Весомую роль в этом могут сыграть интеграционные процессы, при условии, что они не будут результатом блоковых противостояний, позволяющих говорить об исчезнове-

нии лишь идеологической компоненты холодной войны. Однако, в данном регионе скорее применимы интеграционные модели в рамках экономического, социального, культурного, научного взаимодействия, которые при определенных условиях и через длительный промежуток времени могут привести к осознанию необходимости политической интеграции для решения прагматичных задач, составляющих основу национальных интересов. В отличие от стремления Тбилиси к углублению интеграции с ЕС, которое является скорее политическим приоритетом, связанным с весьма далекими перспективами, региональные связи приносят реальную пользу уже сегодня. Вполне возможно, что сотрудничество и взаимодействие стран Южного Кавказа с учетом интересов друг друга могло бы свести к минимуму влияющий на внешнеполитическую ориентацию «фактор пресловутого противостояния Запада и России» [27] в регионе.

Учитывая, что Грузия находится в сфере влияния, ответственности и интересов Российской Федерации, восстановление и укрепление связей с Россией представляется неизбежным, как потребность, вытекающая из геополитических реалий, географических данных и культурно-исторического наследия грузинского общества. Российская Федерация может поспособствовать консолидации Южного Кавказа, что положительным образом скажется на создании новой архитектуры безопасности. Субрегиональные конфигурации, став частью регионального компонента, несомненно, смогли бы более целесообразно использовать свой потенциал в глобальной структуре международной безопасности. Представляется, что Грузия при поддержке России могла бы сыграть весомую роль в выстраивании стратегии миростроительства в кавказском регионе, что могло бы стать вкладом в структурирование международной системы безопасности.

Примечания

1. *Маркедонов С. М.* СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 118.

2. *Чемурзиева З. И.* Институционально-правовые технологии легитимации непризнанных государств на постсоветском политическом пространстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2007. С. 18.
3. См.: *Дугин А. Г.* URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf>
4. *Большаков А.* Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // *Международные процессы.* 2008. Том 6. № 1(16). Январь–апрель. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm>
5. *Маркедонов С. М.* Земля и воля // *Россия в глобальном мире.* Т. 5.– М., 2012. С. 179.
6. *Гаджиев К. С.* Введение в геополитику. М., 2000. С. 199.
7. *Дергачев В. А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств: социально-экономический аспект. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/66252/08-Dergachev.pdf?sequence=1>
8. *Федулова Н. Г.* «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России // *Россия в глобальном мире.* Т. 5. М., 2012. С. 193.
9. *Литвиненко В. Т.* Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. С. 27.
10. *Маркедонов С. М.* Земля и воля. // *Россия в глобальном мире.* Т. 5.– М., 2012. С. 177.
11. *Тренин Д. В.* Отношения России и стран СНГ: перспектива 2020 // *Внешняя политика России 2000–2020.* Т. 2. М., 2012. С. 248–249.
12. *Шакарянц С.* Признанность непризнанных государств/ URL: <http://www.regnum.ru/news/663614.html>
13. Союз непризнанных республик может обернуться военным союзом. URL: <http://izvestia.ru/news/379849>
14. *Загладин Н. В.* Конфликт вокруг Грузии – симптом кризиса миропорядка // *Россия в глобальном мире.* Т. 5. М., 2012. С. 224.
15. *Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития.* Рабочая тетрадь.– М., 2014. С. 21.
16. *Маркедонов С. М.* Региональные конфликты: перезагрузка // *Россия в глобальном мире.* Т. 5.– М., 2012. С. 205.
17. *Казин Ф. А.* Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования.* 2009. № 1. С. 137.
18. *Добронравин Н. А.* Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-21/11. СПб., 2011. С. 19.
19. *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 424.
20. *Мухин В.* Содружест во милитаризованных государствах. Кризис не ограничил рост военных расходов на постсоветском пространстве. URL: <http://www.memo.ru/d/35233.html>
21. *Андреев А., Улин И.* Военные расходы Грузии в период с 2004 по 2014 год // *Зарубежное военное обозрение.* 2014. № 7. С. 26–32. URL: <http://warfiles.ru/show-70083-voennye-rashody-gruzii-v-period-s-2004-po-2014-god.html>
22. *Гаджиев К. С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010. С. 225.
23. *Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы).* М., 2008. С. 29.
24. *Прокопенко Е.* Кавказ в современном геополитическом измерении // *Кавказ & Глобализация.* 2010. Т. 4. Выпуск 3–4. С. 33.
25. *Чиковани Н.* Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии // *Центральная Азия и Кавказ.* 2005. № 5(41). С. 63.
26. *Гаджиев К. С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010. С. 131.
27. *Пашаева Г.* Южный Кавказ в поисках баланса между Западом и Россией // *Кавказ и глобализация.* 2010. Выпуск 3–4. Т. 4. С. 27.

ПОГОДИН С. Н., ТАРАКАНОВА Т. С.
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
РОССИИ И КИТАЯ НА ПЛОЩАДКЕ ШОС

Постсоветское пространство представляет собой геостратегический интерес для целого ряда стран: как сопредельных с постсоветскими странами, так и за пределами региона. В этом отношении Китай оказался в новой исторической ситуации, на его границах вместо одного большого соседа появилось несколько новых независимых государств. Кроме того, постепенное экономическое усиление позиций КНР на мировой арене побудило руководство страны искать новые рынки сырья и сбыта. В этом контексте интерес КНР к постсоветскому пространству и, в частности, к региону Центральной Азии также был обусловлен экономическими амбициями Пекина, их реализации во многом способствовала до недавнего времени достаточно пассивная экономическая позиция России по отношению к центрально-азиатским соседям [11]. Российско-китайские отношения как важнейших партнеров и союзников имеют большое значение, для внешней политики обоих государств и в военно-политическом, и в экономическом плане. Принципы взаимного уважения являются основой выстраивания двусторонних отношений КНР и РФ. Помимо этого, для Китая взаимоотношения с РФ являются одним из способов достижения своих экономических и политических целей не только в регионе, но и во всем мире [18].

Партнерство России и Китая рассматривается нынешним руководством обеих стран как основополагающий элемент их внешней политики, что отразилось на развитии взаимоотношений России и Китая, которые получили название «стратегическое партнерство», предполагающее определение целей развития на долгую перспективу. Связующим элементом данного стратегического партнерства стала схожесть позиций двух стран в отношении региональных и глобальных систем безопасности и интеграционной стратегии: «В отличие связей Китая с Евросоюзом, в которых важнейшим элементом является экономическая составляющая, китайско-российские отношения в основном формируются в области политики и безопасности» [4]. Это подтверждается показателями объема торговли Китая с Россией в сравнении с товарооборотом Китая и странами Евросоюза: так, товарооборот между КНР и Россией за 2016 г. немного вырос и превысил 69,5 млрд долл [16], тогда как за 2015 г. «объем товарооборота между КНР и Евросоюзом превысил 460 млрд долл» [15].

Кроме вопросов безопасности и взаимной торговли, важным элементом стратегического партнерства двух стран является схожесть взглядов на мировой порядок, который находится в стадии становления: «КНР и Россия считают существующий однополюсный порядок в мире угрозой для

своих интересов и для своей национальной безопасности, и стремятся направить развитие международной системы к многополюсному устройству. Поэтому обе страны начали укреплять региональные механизмы наряду с внутренней консолидацией с целью ослабления порядка, который хотели бы установить США» [3]. В качестве альтернативы американской однополярности, КНР и Россия продвигают идею многополярности мирового порядка, что официально закреплено в их внешнеполитических доктринах. В результате в современной мировой системе существуют два видения перспектив мирового развития в XXI веке: «сейчас постепенно формируются два гигантских трансконтинентальных политико-экономических объединения: американо-центричное «сообщество двух океанов» и континентальное «сообщество Большой Евразии», создаваемое вокруг России, Китая, Ирана, ШОС, ЕАЭС, Экономического пояса Шелкового пути, а в перспективе, возможно, и АСЕАН» [14]. В этом контексте представляется логичным сближение России и Китая в регионе Центральной Азии, где свои геополитические позиции стремятся закрепить как США, так и другие внерегиональные игроки. Так, у Китая после 1991 г. появились расширенные возможности для развития сотрудничества с центрально-азиатскими республиками, наряду с проводимой РФ «политикой ближнего зарубежья» [13].

Что касается участия России и Китая в формировании мирового порядка на глобальном уровне, то здесь важно подчеркнуть, что эти две страны поддерживают ведущую роль ООН в деле решения актуальных мировых проблем [1]. В частности, проблем безопасности: «Общие позиции двух стран по Ираку, по ядерному вопросу Северной Кореи и Исламской Республики Иран и по многим другим вопросам подтверждают этот тезис. Кроме того, Россия является крупнейшим поставщиком оружия в КНР, оружия, которое имеет для Китая чрезвычайную важность, так как, с одной стороны, на поставки оружия в КНР западными странами (США и европейскими странами) наложено эмбарго, а с другой стороны, КНР в качестве своего главного приоритета в сфере национальной безопасности поставила задачу наращивания военной мощи и создания паритета по различным аспектам военного могущества» [5]. Известно,

что в последние годы Россия приложила огромные усилия к модернизации своих вооруженных сил, что значительно повысило ее международный авторитет. Сходную линию поведения в отношении вопросов национальной безопасности занимает и Китай, который в последние годы изменил своей традиционной линии и стал проводить совместные учения с российскими военными, что дает возможность обеим странам выступать единым фронтом в борьбе с тремя основными опасностями региона: экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком [10]. Таким образом, у стратегических партнеров рождается общность национальных интересов, что способствует формированию в регионе системы безопасности, в которой ШОС будет играть ведущую роль [12]. При этом нужно подчеркнуть, как уже отмечалось выше, что никто из участников не мыслит ШОС как военно-стратегический союз по образу и подобию НАТО, а военная составляющая взаимоотношений членов Организации и, в частности, России и Китая является сопутствующим, но не системообразующим элементом этой организации.

Военная составляющая не определяет важнейшее направление развития ШОС, на первый план выходят торгово-экономические и интеграционные факторы. В этом вопросе имеются серьезные конкурентные столкновения интересов России и Китая. В частности, Китай стремится переключить на себя энергетическую и ресурсную базу стран Центральной Азии, вкладывая огромные средства в строительство трубопроводов и железных дорог, связывая, таким образом, инфраструктуру центрально-азиатских стран с китайской экономикой. В качестве примеров можно упомянуть газопровод Туркмения – Китай, который имеет транснациональный характер, так как проходит по территории четырех стран: Туркмении, Узбекистана, Казахстана и Китая [17]. Такого рода действия Китая в Центральной Азии не могут не беспокоить руководство России, так как регион ЦА традиционно рассматривался как зона интересов России еще с XIX века.

По мнению ряда экспертов, сценарий соперничества между РФ и КНР за влияние в регионе весьма вероятен: с учетом непростой истории российско-китайских отношений и того факта, что динамично растущая экономика Китая и

начавшая восстанавливаться после тяжелого кризиса экономика России в перспективе будет еще более остро нуждаться в сырьевых ресурсах Центральной Азии, а сами центрально-азиатские республики нуждаются в серьезных инвестициях. Инвестиционное присутствие КНР в Центрально-азиатском регионе рассматривается правящими субъектами ЦА в качестве важного компонента для улучшения инфраструктуры, развития торговли, осуществление энергетических проектов и т.д. И все чаще это идет в ущерб интересам России. Тем не менее, данный процесс имеет неоднозначный характер и одновременное усиление экономического присутствия России и Китая в регионе ЦА может также привести к плодотворному сотрудничеству в системе «Китай – Россия – Центральная Азия». Как отмечается в ряде документов ШОС, общие интересы Китая и России в Организации являются фундаментом ее укрепления и развития, а поддержание между КНР и Россией отношений стратегического партнерства [9] рассматривается как неперемное условие и гарантия успешного развития ШОС. Тем не менее, несмотря на то, что в настоящее время у Китая и России существуют общие интересы в рамках ШОС, в некоторых вопросах развития региона Евразии и деятельности самой Организации есть вероятность того, что страны могут стать потенциальными конкурентами [6]. В этой связи определение общих и различных стратегических интересов Китая и России в рамках ШОС имеет важное практическое значение.

Создавая систему национальной безопасности, Россия и Китай видят в Центрально-Азиатском регионе плацдарм для обеспечения своих национальных интересов (военных, экономических, культурных и т. д.). КНР и Россия полагают, что Центрально-Азиатский регион имеет большое значение в этом контексте, что создает определенную напряженность между КНР и Россией, так как каждая из сторон стремится перетянуть на свою сторону центральноазиатские республики. Для этого у России помимо ШОС есть еще один внешнеполитический инструмент – Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Таким образом, в сфере безопасности Россия уделяла большое внимание развитию военного сотрудничества со странами Центрально-Азиатского

региона, постепенно повышая роль ОДКБ. Россия построила достаточно стабильные и всесторонние отношения сотрудничества в военной сфере со странами Центральной Азии, тем самым повысив свое влияние и положение в регионе. Долгосрочным ориентиром последних лет для России стало превращение стран региона ЦА в оборонительный рубеж угрозам со стороны экстремистских и террористических сил Ближнего Востока. Россия стремится также к укреплению сотрудничества со странами Центральной Азии в сфере экономики путем развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, что нашло свое отражение в создании ЕАЭС.

В свою очередь, у Китая сильным конкурентным преимуществом в этом вопросе является его эффективная инвестиционная политика в регионе. Заинтересованность Китая в сотрудничестве с центрально-азиатскими странами-членами ШОС определяется рядом факторов:

- во-первых, КНР стремится решить проблему сепаратизма в СУАР [19];
- во-вторых, сохранить ЦА в качестве стабильного в стратегическом плане поставщика энергетических ресурсов [8];
- в-третьих, создать в регионе ЦА региональную систему безопасности.

Таким образом, КНР использует различные средства для привлечения к себе интереса со стороны стран Центральной Азии. Очевидно, что углубление сотрудничества Китая со странами Центральной Азии в различных сферах повлечет за собой усиление его позиций в регионе. Более того, именно экономика может стать «камнем преткновения» в отношениях России и Китая в их политике сближения со странами ЦА, что будет способствовать сдерживанию влияния России, и уменьшению экономической зависимости стран Центральной Азии от России. Конечно, к сожалению, экономический потенциал Китая и РФ несравним на данном этапе, однако у России есть важное преимущество в отношениях со странами ЦА:

- во-первых, в центрально-азиатских странах проживает значительное число русскоязычных граждан;
- во-вторых, многие трудовые мигранты из ЦА работают в России и, таким образом, пополняют бюджеты своих стран;

- в-третьих, нельзя сбрасывать со счетов исторические связи, как времен царской России, так и СССР.

Следующая группа разногласий между КНР и РФ относится к различию в целях сотрудничества и приоритетах развития ШОС. Кроме неоднократно упоминавшихся приоритетов сотрудничества: Россия выступает за военно-политическое сотрудничество, а Китай – за торгово-экономическое, речь идет о разногласиях по поводу расширения состава участников ШОС. Так, например, Китай долгое время препятствовал вступлению в ШОС Индии. Компромиссом стало решение об одновременном принятии в постоянные члены ШОС Индии и Пакистана, последний является важным союзником Китая в Южной Азии [20]. Порядка десяти стран в настоящее время выражают желание вступить в ШОС, однако у всех государств-членов, особенно КНР и России, существует настороженность в вопросе приема новых участников в организацию. Министерства иностранных дел Китая и России заявляют о том, что Хартия ШОС разрешает вступление новых членов, однако, недостаточная правовая база, ввиду отсутствия необходимых юридических документов, не позволяла осуществить фактический прием новых участников. Следовательно, одной из основных задач Организации в этом направлении стала разработка соответствующих документов. Данная ситуация свидетельствует о том, что страны-члены Организации находились в процессе согласования мнений относительно приема новых членов в ШОС вплоть до 2016 г. Расхождения позиций Китая и России проявляются и в такой, казалось бы, согласованной сфере как борьба с «тремя силами зла». Для Китая главной проблемой является борьба с экстремизмом в СУАР, где проживают неханьские народности (уйгуры), исповедующие ислам, что для КНР представляет собой прямую угрозу государственной безопасности и стабильности западных территорий страны [6]. Уйгурская проблема является трансграничной, потому что в центрально-азиатском регионе проживает около 300 тыс. уйгуров, а в Казахстане и Кыргызстане существует большое количество уйгурских организаций, которые поддерживают тесные связи с южно-азиатскими, европейскими и американскими отделениями единой системы

организаций «Восточного Туркестана». Поэтому КНР считает необходимым сконцентрировать внимание стран ШОС именно на этой проблеме. Для России уйгурская проблема не представляет первостепенной важности. Основное внимание российской стороны направлено на сдерживание наркотрафика, международного терроризма и угрозы со стороны так называемого «Исламского государства», запрещенного на территории РФ.

Таким образом, именно в рамках деятельности ШОС сотрудничество России и Китая, получившее название «стратегическое партнерство» может получить дальнейший импульс для развития, что было отмечено в ходе двусторонней встречи лидеров России и Китая в июле 2017 г. В этой связи ШОС стоит рассматривать как на региональном уровне: заинтересованность обеих стран в создании режима безопасности в регионе ЦА для обеспечения стабильного развития своих экономик; так и на глобальном: формирование многополярного мирового порядка посредством расширяющегося влияния ШОС, особенно после вступления в эту организацию Индии и Пакистана в 2017 г. Будущие перспективы Организации находятся в прямой зависимости от согласованных позиций России и Китая. Следовательно, оба государства должны стремиться к сближению своих национальных интересов для нахождения компромиссных подходов в решении военных, экономических, торговых вопросов исключительно дипломатическими средствами.

Примечания

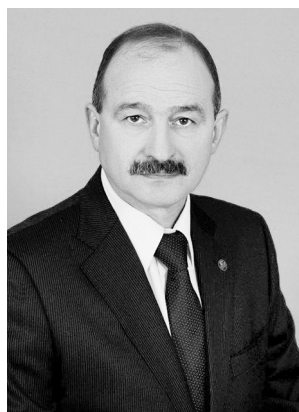
1. *Cohen A.* The Russia-China Friendship and Cooperation Treaty: A Strategic Shift in Eurasia? Washington. 2001. P. 132.
2. *Fairbank J. K.* China. A New History. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. 2001. P. 197-198.
3. *Ta-Chen J.* Thoughts on Issues of Sino-Russian Economic and Trade Cooperation Facing the 21st Century. // *Ta Kung Pao*. July 18 in FBISCHJI-2000-0718. 2000.
4. *Wang J.* China's Changing Role in Asia. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 7.
5. Белая Книга КНР «Национальная оборона в 2004 году». – [Электронный ресурс] –

- Режим доступа: <http://kz.chineseembassy.org/rus/ztdb/guofangbaipishu/t177085.htm> (дата обращения: 17.03.2016)
6. *Боришиполец К.П.* ШОС и НАТО: альтернатива или взаимодополнение? / Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. - М. : МГИМО-Университет, 2007. – С. 432-450.
  7. *Ваэзи М.* Цели и интересы России и Китая в ШОС. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/czeli-i-interesy-kitaya-i-rossii-v-shos-2093> (дата обращения: 20.03.2016)
  8. *Гребенищиков Э.* Россия – Китай. На перекрестках азиатской дипломатии. // Азия и Африка сегодня: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. 2004. №9. С.10.
  9. Декларация десятого заседания Совета глав государств членов Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте от 10-11 июня 2010 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/1-bilaterale-beziehungen/bilaterale-vertraege/0-bilaterale-vertraege.html> (дата обращения: 20.04.2016)
  10. *Ключихин Е. А.* Место межправительственных организаций среди акторов мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия глобальные результаты. М.: Голден-Би. 2008. С. 105.
  11. *Ларин А. Г.* К оценке экономической деятельности Китая на постсоветском пространстве в свете российских интересов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/publications/monograph/591-k-oczenke-ekonomicheskoy-deyatelnosti-kitaya-na-postsovetskom-prostranstve-v-svete-rossijskix-interesov> (дата обращения: 01.03.2016)
  12. *Ма Ф.* Региональная безопасность Центральной Азии и стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией. // Современные международные социалистические вопросы. 2009. № 3. С. 48-58.(马凤书. 中亚地区安全与中俄战略协作. 《当代世界社会主义问题》2009年第3期48-58.共11页.)
  13. *Погодин С. Н., Тараканова Т. С.* Проблемы сотрудничества Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в регионе Центральной Азии. // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 317-319.
  14. После Крыма. Каким будет новый глобальный миропорядок. 01 июня 2016. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/06/01/after_crimea/ (дата обращения: 19.08.2016)
  15. США и Китай остаются крупнейшими торговыми партнерами ЕС. 27 марта 2015. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/03/27/7032337/> (дата обращения: 18.05.2016)
  16. Товарооборот между Россией и Китаем в 2016 году вырос на 2,2%. РИА Новости. 13.01.2017 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20170113/1485621451.html> (дата обращения: 28.09.2017)
  17. Транснациональный газопровод Туркменистан-Китай — успешная реализация международного энергетического партнерства // Центр новостей ООН. 04 января 2010. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=12888> (дата обращения: 20.04.2016)
  18. *Хань К., Ван Ч.* О китайско-российском сотрудничестве и предотвращении рисков на фоне «Экономического пояса шелкового пути». // Русский исследовательский журнал. 2015. № 5. С. 61-67. (韩克敌,王志远.“丝绸之路经济带”视域下中俄合作与风险防范的深入思考.《俄罗斯学刊》2015年第5期61-67.共7页.)
  19. *Хуашиэн Ч.* Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №5(35). С. 132.
  20. *Чжан Н.* Стратегический анализ расширения членства ШОС. // Вестник Ляонинского университета: издание философских и общественных наук. 2016. № 4. С. 147-153.(张宁.关于上海合作组织扩员的战略方向的分析.《辽宁大学学报:哲学社会科学版》2016年第4期147-153.共7页.)

БОНДУРОВСКИЙ В. В., СУХАРЕНКО А. Н.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА

Возрастающее влияние политических факторов на экономические процессы, а также попытки использования отдельными государствами экономических методов для решения своих геополитических задач ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. На фоне структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, растущей суверенной задолженности, волатильности рынка энергоресурсов сохраняется высокий риск повторения масштабных финансово-экономических кризисов.

В настоящее время главными стратегическими угрозами национальной безопасности РФ в сфере экономики являются: ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении передовых технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и исто-

щение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая труднедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения [1]. В условиях нестабильности мировой экономики, усиления недобросовестной конкуренции и экономических санкций, введенных в отношении России рядом западных стран, обеспечение экономической безопасности является определяющим критерием развития страны. Экономическая безопасность является главным компонентом системы национальной безопасности Российской Федерации.

В соответствии со Стратегией экономической безопасности России на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208, под **экономической безопасностью** понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических приоритетов [2]. При

этом **экономический суверенитет** – это объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств.

Важнейшими из 25 ключевых угроз (совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам РФ в экономической сфере), перечисленных в Стратегии, являются **высокий уровень криминализации и коррупции, а также сохранение значительной доли теневой экономики.**

Перечисленные угрозы, безусловно, снижают инвестиционную привлекательность, а следовательно, и конкурентоспособность национальной экономики. Как показал прошлогодний опрос Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), 47% и 35% иностранных бизнесменов назвали высокие административные барьеры и коррупцию в органах власти одними из наиболее острых проблем в развитии деловой среды (в 2014 г. – 27% и 14%, соответственно). На недостаточную защищенность право собственности и контрактных прав, а также недобросовестную конкуренцию указали 29% респондентов [3].

Согласно ежегодному исследованию Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальный индекс конкурентоспособности», среди 137 изученных стран по уровню взяточничества Россия занимает 76-е место, административных барьеров – 79-е, ущерба, причиняемого преступностью и насилием, – 69-е, а организованной преступностью – 86-е, независимости судов – 90-е, надежности полиции – 98-е место [4]. О неудовлетворительном состоянии законности в экономической сфере свидетельствует и отчетность Счетной Палаты (СП) РФ: только за 2013-2015 годы из страны посредством фиктивных экспортно-импортных операций через фирмы-однодневки было выведено 1,2 трлн руб. При этом привлечь к ответственности за незаконный вывоз капитала удается крайне редко [5]. По итогам прошлого года аудиторы СП обнаружили 3,8 тыс. финансовых нарушений (+11,6% к 2015 г.) на общую сумму 965,8 млрд руб. (+87%). Более половины выявленных нарушений приходи-

лось на формирование и исполнение бюджетов, проведение госзакупок, а треть – составление и представление бюджетной и бухгалтерской отчетности. Общая сумма бюджетных средств, потраченная «без достижения социально-экономического результата», выросла в 12,5 раз. Из 443 объектов, предусмотренных федеральной адресной инвестиционной программой, были построены и введены в эксплуатацию лишь 244. В общей сложности 12 тыс. объектов, на которые было выделено 2,2 трлн руб., числятся как «незавершенное строительство». Из 37 госпрограмм 19 показывают низкую эффективность (в денежном выражении речь идет о 3,7 трлн руб., что в 2,3 раза больше, чем в 2015 г.). Провал в реализации заявленных целей сопровождается резким ростом объема недостоверной бюджетной отчетности – 655 млрд руб., что в 5,5 раза превышает показатель 2015 г. [6].

В свою очередь органы прокуратуры в 2016 г. выявили 1,1 млн правонарушений в рассматриваемой сфере, в том числе 123,6 тыс. незаконных нормативно-правовых актов. В целях их устранения в суды было подано 76 тыс. исков на общую сумму 17,5 млрд руб., а по материалам прокурорских проверок возбуждено 8,4 тыс. уголовных дел. Для предупреждения необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность было отклонено почти 42% заявлений контролирующих органов, что позволило предотвратить более 52 тыс. незаконных проверок предпринимателей. В целом было пресечено почти 169,7 тыс. нарушений прав предпринимателей (рис. 1) [7].

Учитывая широкий диапазон угроз экономической безопасности России, остановимся на них подробнее.

Криминализация экономики

За последние 9 лет (2008-2016 годы) число регистрируемых преступлений экономической направленности сократилось в 4 раза (с 448,8 до 108,7 тыс.), в том числе тяжких и особо тяжких – почти вдвое (со 124 до 65,1 тыс.).

Удельный вес таких преступлений в общей структуре преступности сократился с 14% до 5%. Значительно снизилось количество преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах, а также в организованных формах.

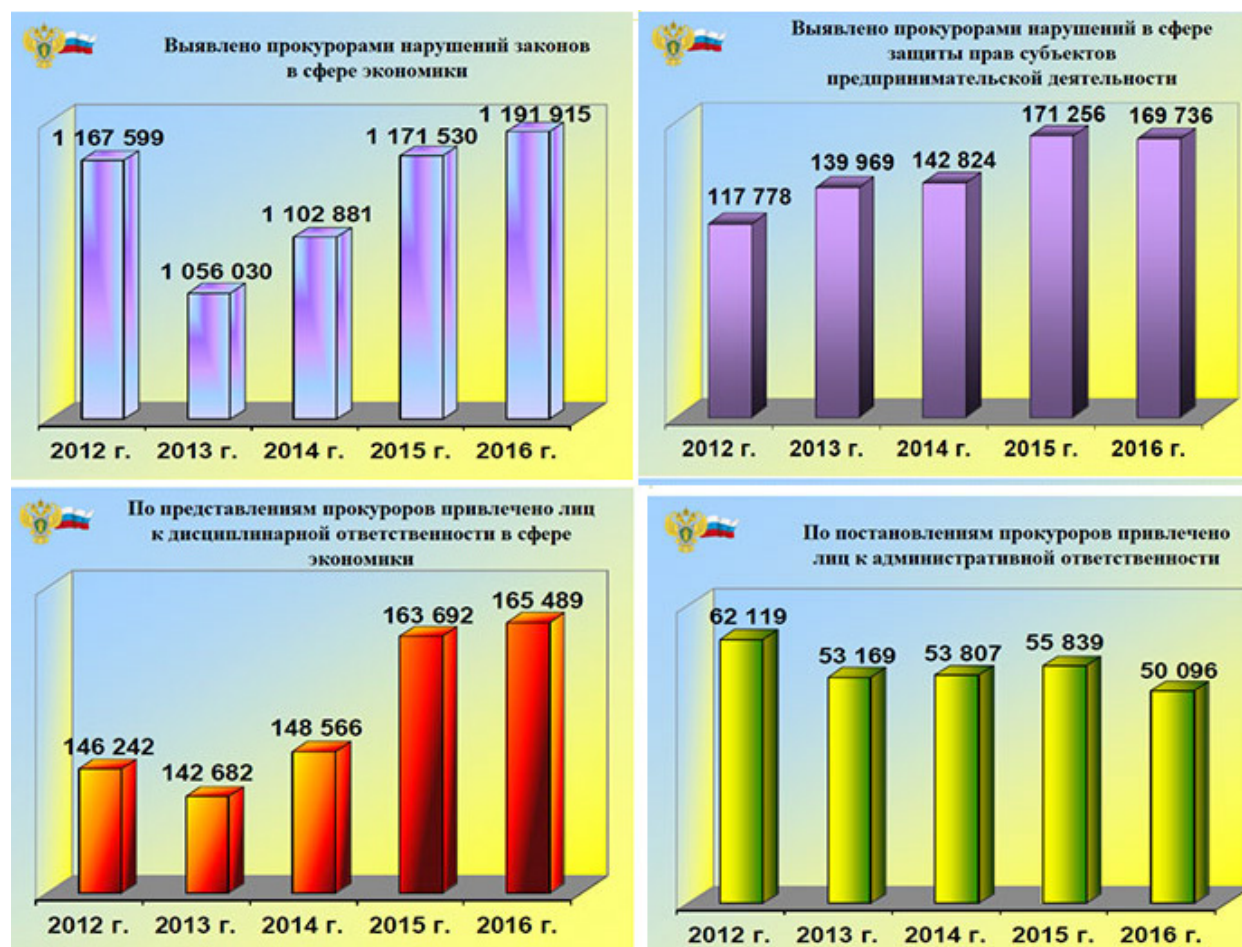

Рис 1. Результаты прокурорского надзора в сфере экономики

Однако размер материального ущерба по оконченным уголовным делам, наоборот, вырос - со 142,5 до 398 млрд руб. Максимальный размер ущерба был зафиксирован в 2009 году – 1 трлн. руб. [8]. В структуре экономической преступности традиционно преобладают посягательства против собственности (ч. 2-4 ст. 158, ч. 2- 3 ст. 159, ч. 2-4 ст. 160 УК РФ) как наиболее очевидные и легко доказуемые – 31,9%, в то время как доля преступлений в сфере экономической деятельности (Гл. 22 УК РФ) составляет 26,6%, против государственной власти, интересов службы в государственных и муниципальных органах – 16,1%, а против интересов службы в коммерческих и иных организациях – менее 2%.

Что касается преступлений в сфере экономической деятельности, то за указанный период их количество сократилось в 2,8 раза (с 80,7 до

28,9 тыс.). Несмотря на обширный перечень статей Главы 22 УК РФ, среди выявленных преступлений преобладают фальшивомонетничество и легализация (отмывание) преступных доходов. Однако наиболее криминализированными сферами экономики помимо финансово-кредитной остаются потребительный рынок, природоресурсные отрасли (лесная, рыбная, драгметаллы и ТЭК) и внешнеэкономическая деятельность.

Официальная статистика МВД России слабо соотносится с результатами социологических исследований. Согласно прошлогоднему Глобальному обзору экономических преступлений [9], подготовленному аудиторской компанией «PricewaterhouseCoopers» (PwC) на основе онлайн-опроса 6,3 тыс. респондентов из 115 стран мира, 48% из 120 российских компаний столкнулись с экономическими преступлениями за

последние два года. Это значительно ниже результата 2014 г. (60%), но выше общемирового показателя (36%). Указанное снижение могло произойти вследствие усиления роли внутреннего аудита и усовершенствования систем корпоративной безопасности. Наиболее распространенными видами преступлений, как и в прошлые годы, являлись незаконное присвоение активов, злоупотребления в сфере закупок товаров и услуг, взяточничество и коррупция. Ущерб 44% респондентов от экономических преступлений не превышал 100 тыс. долл., 25% - варьировался от 100 тыс. до 1 млн, а 23% - более 1 млн долл. Помимо финансовых потерь каждое преступление наносит еще и косвенный ущерб (моральный климат, репутация, имидж). В последнее время наблюдается динамичный рост киберпреступлений (мошенничества и краж, совершаемых с помощью сети Интернет). Существующие правила эксплуатации киберпространства позволяют обеспечивать анонимность действий и существенно осложняют идентификацию пользовательского оборудования преступников. Большинство киберпреступлений совершается с использованием вредоносных программ, а также специфических возможностей операционных систем, позволяющих получить удаленный доступ к информационным ресурсам, в том числе находящимся в госсобственности или отражающим финансово-хозяйственную деятельность компании. По данным Центробанка России, в 2016 г. количество несанкционированных операций с использованием платежных карт выросло на 13,8% (с 260 до 296 тыс.), а объем ущерба по ним составил 1,08 млрд (1,15 млрд) руб. Значительный рост хищений со счетов клиентов банков определяется относительной простотой их осуществления посредством методов социальной инженерии, для использования которых, как правило, не требуется специальных знаний и технических средств. Число несанкционированных транзакций по корпоративным счетам сократилось с 1074 до 717, а их объем – с 3,79 до 1,89 млрд руб. Основной целью преступников являются не крупные предприятия, а малый и средний бизнес. При этом если средний объем несанкционированной транзакции по картам составлял 3,7 тыс. руб., то по счетам юридических лиц – уже 2,7 млн [10].

Несмотря на ужесточение требований к бан-

кам и оздоровление банковского сектора (170 из 320 банков, лишенных лицензии за последние 4 года, вывели в тень более 4,5 трлн руб.), сохраняются проблемы и в финансовой сфере. По данным Центробанка России, в прошлом году объем сомнительных финансовых операций составил 800 млн долл (2015 год – 1,5 млрд. долл.). Объем таких операций по итогам 9 мес. 2017 г. вырос с 600 млн. до 1 млрд долл. Под сомнительными понимаются имеющие признаки фиктивности операции, связанные с торговлей товарами и услугами, с покупкой и продажей ценных бумаг, предоставлением кредитов и переводами средств на зарубежные счета, целью которых является трансграничное перемещение денежных средств. Самый популярный способ вывода средств – контракты на международные перевозки грузов, туристические услуги, покупку прав на интеллектуальную собственность и программное обеспечение. Банки проводят эти услуги через авансы по договорам импорта товаров в кредит, которые фактически в Россию не ввозятся. Обналичивают деньги банки чаще всего через карты физлиц, на которые фиктивные компании веерно зачисляют деньги, а также корпоративные карты юрлиц и индивидуальных предпринимателей [11]. Серьезной проблемой остается незаконный оборот контрафактной промышленной продукции [12]. Международные эксперты по-прежнему считают Россию одной из самых неблагополучных стран, в которых действует неэффективная система защиты прав на интеллектуальную собственность, наряду с Китаем, Индией и Индонезией [13].

По подсчетам НИУ «Высшая школа экономики», за последние пять лет оборот поддельных товаров на потребительском рынке увеличился почти втрое. В 2015 г. в общем обороте розничной торговли на контрафактную продукцию приходилось 9%, или 2,5 трлн руб. (в 2009 г. – 6% и 910 млрд руб.). Таким образом, каждый десятый продаваемый на территории России товар является поддельным. Самая высокая доля подделок встречается на алкогольном рынке (40%) и в легкой промышленности (35%). За ними следуют парфюмерия и косметика (около 20%), продовольствие (около 10%), товары для личной гигиены, чистящие и моющие средства (по

5%), табачные изделия (4%). На эти семь категорий приходится около 60% розничного оборота [14]. Контрафактные товары поступают не только из-за рубежа (серый импорт, контрабанда), но и изготавливаются внутри страны (неучтенное производство). Основными каналами сбыта такой продукции являются прилавочные магазины, киоски, точки на рынках и интернет-магазины. Динамичное снижение реальных доходов населения привело к тому, что граждане стали менее требовательно относиться к происхождению и качеству товаров, отдавая предпочтение более дешевым аналогам.

По итогам 2016 г. таможенные органы РФ выявили 20,4 млн (в 2015 г. – 18,1 млн, 2014 г. – 9,5 млн) единиц контрафактной продукции и возбудили 1027 (1040 и 1270) административных дел, в том числе 996 (1011 и 1234) дел о незаконном использовании товарного знака. Предотвращенный ущерб правообладателям достиг 7,7 млрд (3,9 млрд и 2,4 млрд) руб. Предметами правонарушений чаще всего были одежда и обувь, алкогольная и табачная продукция, минеральные воды и соки, автозапчасти. Больше всего контрафакта обнаружено в Центральном, Северо-Западном и Южном федеральных округах [15].

Коррупция

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача (получение) взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или имущественных услуг для себя или третьих лиц. То есть коррупция – это злоупотребление властью для получения личной выгоды. Как утверждают составители доклада ВЭФ «Глобальный индекс конкурентоспособности 2017–2018», именно коррупция является главной проблемой для ведения бизнеса в России.

Согласно исследованию аудиторской компании «Ernst & Young» о деловой коррупции в 62 странах мира, 34% из 50 опрошенных российских компаний с годовым оборотом около 1 млрд долл назвали взятки распространенным явлением

в своей отрасли. Наряду с этим 12% готовы прибегать к неэтичным действиям для преодоления кризиса, а 26% оправдывают их, если они совершаются для достижения намеченных финансовых показателей [16].

Несмотря на регулярное совершенствование антикоррупционного законодательства, правоприменительная практика меняется медленно. По данным Следственного комитета РФ, за последние семь лет (2011–2016 гг.) к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений привлекли всего 3,9 тыс. лиц с особым правовым статусом. В их числе 1256 глав муниципальных образований, 1315 депутатов органов местного самоуправления, 459 следователей и руководителей следственных органов, 369 адвокатов, 94 прокурора, 73 депутата законодательных органов субъектов РФ и 26 судей [17]. Наблюдавшаяся в последние годы тенденция сокращения числа коррупционных преступлений не отражает реальных масштабов коррупции с учетом ее высокой латентности. Данный вывод коррелирует с оценкой международной организации «Transparency International» (ТИ). Согласно прошлогоднему Индексу восприятия коррупции (ИВК) Россия заняла 131-е из 176 мест, получив 29 баллов из 100 и оказавшись в одном ряду с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной [18]. Наиболее часто встречаются коррупционные деяния, связанные с передачей денежных средств за освобождение от административной ответственности, обеспечение победы по итогам участия в конкурсных процедурах (при размещении госзаказов), выделении земельных участков и помещений, предоставление преференций в ходе осуществления разрешительных процедур [19].

Теневая (ненаблюдаемая) экономика

Кризисная экономическая ситуация, связанная с неэффективным управлением и выбранной моделью развития, привела к росту ненаблюдаемой (теневой) экономики – охватывает деятельность по производству товаров и услуг, не учитываемую регулярным статистическим наблюдением, которая подлежит включению в расчеты ВВП [20]. Ненаблюдаемая экономика включает в себя: скрытую деятельность – производство и обращение товаров и услуг, разре-

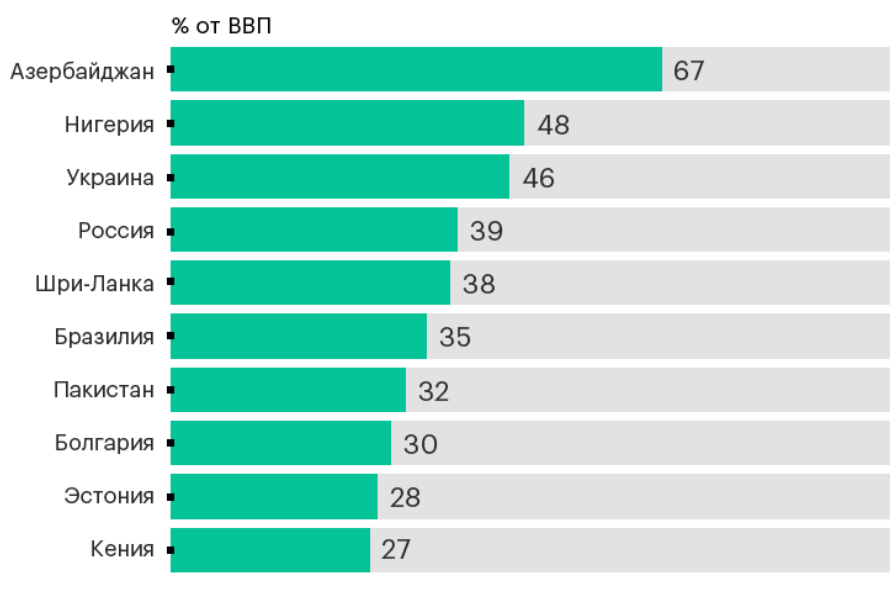
шенная законом, но скрываемое (полностью или частично) с целью утаивания доходов, невыплаты налогов; незаконную (подпольную) – производство, обращение и использование запрещенных законодательством товаров и услуг (наркотики, проституция, оружие и взрывчатка, азартные игры и т. д.).

Общепризнанным документом, интегрирующим учетные и аналитические аспекты теневой экономики, является методология Системы национальных счетов (СНС 2008), в которую включены специальные разделы, посвященные вопросам ее учета в системе экономического оборота. Приоритетным для стран СНГ является получение оценок теневой экономики производственным методом, когда при расчете ВВП как суммы добавленной стоимости производятся досчеты к показателям выпуска, промежуточного потребления и валовой добавленной стоимости отраслей и секторов, где имеются значительные объемы ненаблюдаемой деятельности, прежде всего, в неформальном секторе. В расчетах ВВП как суммы доходов оценки теневой экономики отражаются как добавление к валовой прибыли и валовому смешанному доходу отраслей и секто-

ров (в размере досчетов к валовой добавленной стоимости или за вычетом досчетов на скрытую оплату труда). При наличии последних соответственно корректируется показатель оплаты труда.

Росстат при корректировке ВВП на «операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами» (в 2015 г. – 16,2% ВВП), выделяет лишь две категории: теневые операции всех юридических лиц (5,7%) и все операции неформального сектора, включая продукцию, произведенную домохозяйствами для собственных нужд (10,5%) [21]. Однако существуют и альтернативные оценки объемов теневое сектора экономики в нашей стране. По расчетам международной Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА), Россия занимает 4-ое место в рейтинге из 28 стран (рис. 2). Эксперты определяют теневую экономику как экономическую деятельность и полученный от нее доход, которые находятся за пределами системы госрегулирования, налогообложения или надзора. Объем теневой экономики в России оценивается в 33,6 трлн руб., или 39% ВВП (доля теневое сектора в мировой экономике составила 22,6%) [22].

Страны с крупнейшей теневой экономикой

Источник: АССА

Рис. 2. Уровень теневой экономики в мире

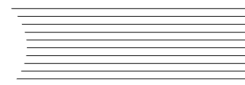

Занятость в неформальном секторе экономики по итогам прошлого года достигла рекордного размера – 15,4 млн человек, или 21,2% от общего числа занятых. К неформально занятым Росстат относит лиц, работающих на предприятиях, не зарегистрированных в качестве юрлица: самозанятых, фермеров, индивидуальных предпринимателей и лиц, работающих на них по найму. Поэтому сюда не включаются лица, работающие на предприятиях без оформления трудового договора или получающие там «серую» зарплату. Неформальная занятость непрерывно растет с 2011 г. и за

это время увеличилась на 4 млн человек (рис. 3). Среди отраслей по этому показателю как и прежде лидируют сферы торговли и ремонта, сельское хозяйство и строительство – совокупно в них заняты 9 млн человек [23]. Еще более пессимистичные оценки приводит Центр социально-политического мониторинга РАНХиГС: 30 млн человек (40,3% экономически активного населения), из которых 21,7 млн – лица, имеющие дополнительные к основному месту работы неоформленные заработки [24]. Основными причинами расширения теневого сектора экономики являются: общее

Рис. 3 Динамика теневой экономики в России

ухудшение экономической ситуации в стране; высокий уровень налогообложения и избыточный госконтроль субъектов малого и среднего бизнеса, который привел к уходу в тень части компаний; снижение реальных доходов населения, в результате чего часть граждан была вынуждена прибегнуть к поиску дополнительных заработков.

Обеспечение экономической безопасности осуществляется путем развития промышленно-технологической базы и инновационной системы, модернизации и развития приоритетных секторов национальной экономики, повышения инвестиционной привлекательности РФ, улучшения делового климата и создания благоприятной деловой среды. Важнейшими факторами обеспечения экономической безопасности являются: повышение эффективности госрегулирования экономики в целях достижения устойчивого экономического роста; повышение производительности труда; освоение новых ресурсных источников; стабильность функционирования и развития финансовой системы, повышение ее защищенности, валютное регулирование и контроль; сохранение сбалансированности бюджетной системы; совершенствование межбюджетных отношений; преодоление оттока капитала и квалифицированных специалистов; увеличение объема внутренних сбережений и их трансформация в инвестиции; снижение инфляции [25]. Обеспечением экономической безопасности является реализация органами государственной власти и местного самоуправления, Центробанком во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационно-правовых, социально-экономических, информационных и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов в экономической сфере. Для минимизации масштабов перечисленных угроз в Стратегии предложены следующие меры: не допускать избирательного правоприменения в отношении предпринимателей; предупреждать рейдерские захваты, преднамеренные банкротства и другие преступления в хозяйственно-финансовой сфере, в том числе совершаемые с помощью правоохранительных и контролирующих органов; предотвращать появление коррупционных схем

взаимодействия представителей органов власти и бизнесменов, в том числе иностранных. За последние годы в данном направлении были приняты следующие шаги:

- Указом Президента России от 23.01.2015 № 31 была создана Госкомиссия, которая координирует деятельность государственных органов по противодействию незаконному ввозу, производству и обороту контрафактных промышленных товаров, а также отслеживает ситуацию в этой сфере. Возглавляет комиссию министр промышленности и торговли РФ, а в субъектах РФ – губернаторы. Первоочередные меры по борьбе с контрафактом обозначены в Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в РФ до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 05.12.2016 № 2592-р);
- в целях поддержания благоприятного инвестиционного климата и стимулирования предпринимательской активности Пленум Верховного Суда России 15 ноября 2016 г. утвердил широко обсуждавшееся постановление «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [26];
- С 28 августа 2017 г. вступили в силу изменения в Уголовный кодекс РФ, внесенные Федеральным законом от 26.07.2017 № 203-ФЗ [27] и направленные на декриминализацию алкогольного рынка. Уголовно наказуемыми стали такие деяния как «Незаконные производства и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (ст.171.3) и «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции» (ст. 171.4). Наряду с этим была ужесточена ответственность за сбыт и изготовление поддельных акцизных марок и знаков соответствия алкогольной продукции (ст. 327.1);
- Федеральным законом от 29.07.2017 № 265-ФЗ [28] была ужесточена административная ответственность за незаконный

- оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 14.17.1 КоАП РФ), нарушение госучета в данной области (ст. 4.19 КоАП РФ) а также запрещена продажа алкогольной продукции через сеть Интернет. Дополнительно предусматривается досудебная блокировка веб-сайтов, распространяющих информацию об этом;
- для минимизации киберугроз с января 2018 г. Федеральным законом от 26.07.2017 № 194-ФЗ [29] вводится уголовная ответственность за причинения вреда объектам критической информационной инфраструктуры (КИИ) – информационные системы и телекоммуникационные сети госорганов, автоматизированные системы управления технологическими процессами в оборонной индустрии, здравоохранении, связи, на транспорте, в кредитно-финансовой сфере, энергетике, а также в ряде отраслей промышленности (топливной, атомной, ракетно-космической, металлургической, химической, горнодобывающей);
  - Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ [30], вступивший в силу с 15 июля, дополнил диспозиции статей 184, 204 и 290 УК РФ положениями, позволяющими признавать преступлениями случаи, когда деньги, ценные бумаги, иное имущество передаются, или услуги имущественного характера оказываются не самому должностному лицу, а другому физическому или юридическому лицу. Также появилась ст. 204.1 УК, предусматривающая ответственность за посредничество в коммерческом подкупе, а также обещание или предложение такого посредничества по аналогии со ст. 291.1. Статьи 204.2 и 291.2 УК устанавливают ответственность за коммерческий подкуп и дачу (получение) взятки, сумма которых не превышает 10 тыс. руб. Изменения в ст. 304 УК касаются круга лиц, в отношении которых возможна провокация коммерческого подкупа или взятки: их перечень пополнился иностранными должностными лицами и должностными лицами публичной международной организации;
  - приказом Генерального прокурора РФ от 27.07.2016 № 459 утвержден межведомственный план мероприятий по предупреждению и пресечению «откатов», выявлению и устранению коррупционных проявлений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;
  - с 9 января 2017 г. вступил в действие Федеральный закон от 28.12.2016 № 489-ФЗ [31] «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона от 05.03.2013 № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», направленный на снижение злоупотреблений в данной сфере;
  - в июле 2017 г. Минтруд утвердил Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции [32];
  - в целях декартелизации экономики был принят Федеральный закон от 17.04.2017 № 74-ФЗ [33] (вступил в силу 28 апреля), разграничивший административную ответственность за антимонопольные правонарушения с учетом степени их общественной опасности и увеличивший размер штрафов для должностных и юридических лиц. Ранее, Федеральным законом от 08.03.2015 № 45-ФЗ, была ужесточена уголовная ответственность за ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ);
  - в целях сокращения неформальной занятости Федеральным законом от 29.07.2017 № 250-ФЗ [34] введена уголовная ответственность за уклонение граждан (организаций) от уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное и медицинское страхование в крупном и особо крупном размерах, а также за сокрытие денежных средств либо имущества организации (индивидуального предпринимателя), за счет которых должно производиться взыскание взносов. Одновременно с этим появился новый состав преступления –

уклонение граждан (организаций) от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд в крупном или особо крупном размерах (ст.ст. 199.3–199.4 УК РФ).

- в октябре 2017 г. Госдумой в первом чтении были приняты законопроекты, ужесточающие уголовную ответственность хищение средств с банковского счета, а равно электронных денежных средств (ст. 159.6 УК) [35], а также устанавливающие ответственность за злоупотребления должностными полномочиями при выполнении гособоронзаказа (ст. 201.1 УК) с конфискацией имущества, полученного в результате их совершения [36].

Наряду с этим нельзя недооценивать и межгосударственное сотрудничество в данной сфере, учитывая отсутствие гармонизированного законодательства и акцизной политики в государствах – участниках Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России, которые являются также членами Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ).

В соответствии с Программой деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2011–2015 годы (принята постановлением ПА ОДКБ от 17.05.2012 № 5-5, дополнена постановлениями от 22.11.2012 № 22, от 11.04.2013 № 8 и от 16.04.2015 № 8) и Программой дальнейшего развития и совершенствования правового обеспечения коллективной безопасности ОДКБ на 2014–2016 годы (утв. СКБ ОДКБ 20.12.2014) были приняты рекомендации по гармонизации законодательства, регулирующего отношения в сфере предупреждения и борьбы с организованной преступностью; отношения в сфере предупреждения и борьбы с коррупцией; отношения в сфере предупреждения и борьбы с рейдерством.

В соответствии с аналогичной Программой на 2016–2020 годы (принята постановлением ПА ОДКБ от 26.11.2015 № 8-16, дополнена постановлениями от 11.03.2016 № 7.4 и от 24.11.2016

№ 19) в 2016 – 2017 годах были приняты рекомендательный глоссарий терминов и определений в сфере нормативно-правового обеспечения противодействия коррупции, модельный закон «О противодействии незаконному присвоению прав на владение и управление юридическим лицом и (или) его активами», а также рекомендации по установлению прозрачности хозяйствующих субъектов, определению их бенефициарных владельцев и структуры собственности.

В настоящее время ведется разработка рекомендаций по сближению законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам конфискации, не являющейся уголовно-правовой мерой, в отношении имущества, полученного незаконным путем, в целях противодействия коррупции, финансированию терроризма и иным видам высокодоходных преступлений, а также по совершенствованию процессуальных аспектов установления деликтной ответственности юридических лиц.

Несмотря на практическую значимость перечисленных документов, на полях Парламентской Ассамблеи ОДКБ все чаще разворачивается необоснованная полемика относительно целесообразности установления Организацией правовых барьеров в сфере противодействия угрозам коллективной экономической безопасности. В соответствии со ст. 8 Устава ОДКБ от 07.10.2002 г. (с изменениями от 10.12.2010), государства – члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе не только с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией, но и другими угрозами безопасности. В этой связи «государства – члены принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, и по гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности» (ст. 10).

Как справедливо отметили участники межпарламентских слушаний по вопросам эффективного противодействия системе коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях (30 сентября 2017 г., Ереван), «взаим-

мосвязанность и взаимовостребованность экономик государств – членов ОДКБ необходимо рассматривать в качестве ключевого доктринального подхода в деле обеспечения реальной неделимости коллективной безопасности. Реализация концепции «общность интересов в области безопасности через общность экономических интересов» во многом обеспечит поступательное наращивание институциональных возможностей ОДКБ в деле эффективного противостояния внешним воздействиям и угрозам». По сути, ОДКБ – защитный зонтик для ЕАЭС.

Как показывает практика, только при скоординированной деятельности компетентных органов государств – членов ОДКБ создаются необходимые условия для проведения комплексных оперативно-профилактических мероприятий по противодействию различным криминальным угрозам, а также происходит формирование институтов и механизмов многоуровневой системы обеспечения коллективной безопасности. Если странам ОДКБ помимо военно-политического удастся организовать плодотворное сотрудничество еще и в экономической сфере, то можно гарантировать стабильное развитие региона до 2030 г.

Примечания

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». // Российская газета. 31.12.2015.
2. Российская газета. 15.05.2017.
3. Исследование РСПП и FleishmanHillard Vanguard «Оценка иностранным бизнесом деловой среды в России». URL <https://www.eg-online.ru/news/339181/> (дата обращения 14.09.2017).
4. WEF: Global Competitiveness Index 2017-2018. Geneve. 2017.
5. Кувшинова О. Из России незаконно вывели 1,2 трлн рублей за три года // Ведомости. 30.08.2016.
6. Отчет о работе Счетной Палаты Российской Федерации в 2016 году. М., 2017.
7. Состояние законности и правопорядка в РФ в 2016 году. М.: Генеральная прокуратура России. 2017.

8. Состояние преступности в России за 2008-2016 годы. М.: ГИАЦ МВД РФ. С. 26.
9. PwC (2016): Global economic crime survey. URL: <https://www.pwc.ru/ru/press-releases/2016/economic-crimes-2016.html> (Дата обращения 14.09.2017).
10. Обзор несанкционированных переводов денежных средств в 2016 году. М.: ЦБ РФ. 2017.
11. Алексеевских А. Банки стали чаще отказывать клиентам в обслуживании // Известия. 01.06.2017; Тегин М. ЦБ разрешит банкам подозрительные операции на 1 млрд. рублей // Ведомости. 03.08.2017.
12. Контрафактная продукция – это товар, производители которого нарушают интеллектуальные, смежные и авторские права владельцев путем использования идентичных характеристик и качеств, принадлежащих оригинальному продукту; или нанесение на товарные знаки обозначений, помещенных на популярной продукции других компаний в целях введения в заблуждения потребителей.
13. Сайт International Anti-Counterfeiting Coalition - <http://www.iacc.org> (дата обращения 14.09.2017)
14. Козлова Т. И ты, бренд. // Российская газета. 22.12.2016.
15. Пресс-релиз ФТС России «Таможня и общество против контрафакта» от 25.04.2016; Куликов С. ФТС: одежду и обувь подделывают чаще всего. // Российская газета. 14.09.2019.
16. EY (2016) 14th Global Fraud Survey. URL: <http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-corporate-misconduct-individual-consequences/%24FILE/EY-corporate-misconduct-individual-consequences.pdf>. (дата обращения 14.09.2017).
17. Интервью председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина // Российская газета. 25.07.2017.
18. Индекс восприятия коррупции – 2016. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/> (дата обращения 14.09.2017). Это составной индекс, измеряющий уровень восприятия корруп-

- ции в госсекторе различных стран. Индекс рассчитан на основании данных за 2015–2016 гг., собранных 12-ю независимыми организациями в ходе опросов среди экспертов и предпринимателей по всему миру. Страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов. Ноль – высокий уровень восприятия коррупции, а 100 – низкий.
19. Бизнес-барометр коррупции. URL <http://ach.tpprf.ru/barometer/stage2/> (дата обращения 14.09.2017).
  20. Межгосударственный статистический комитет СНГ: рекомендации по совершенствованию оценок ненаблюдаемой экономики. М., 2000. С. 2-3.
  21. Отчет Росстата за 2016 год URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab14-19-2.xls (дата обращения 14.09.2017).
  22. ASSA (2017) Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025. URL: http://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy.pdf (дата обращения 14.09.2017).
  23. Могилевская А., Фейнберг А. Неформальная экономика выросла до рекордных размеров. // РБК. 17.04.2017.
  24. Ломская Т. Кризис уводит Россию в тень. // Ведомости. 24.08.2017.
  25. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». // Российская газета. 31.12.2015.
  26. Российская газета от 24.11.2016.
  27. Российская газета от 31.07.2017.
  28. Российская газета от 04.08.2017.
  29. Российская газета от 31.07.2017.
  30. Российская газета от 08.07.2016.
  31. Российская газета от 30.12.2016.
  32. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции. URL http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/24/MR_po_KR.pdf (дата обращения 14.09.2017).
  33. Российская газета от 19.04.2017.
  34. Российская газета. 04.08.2017.
  35. Ольденбургская А. Госдума ужесточила наказание за кражу с банковских карт. // Известия. 11.10.2017.
  36. Хамраев В. Для обороны нашлась статья не в бюджете. // Коммерсант 14.10.2017.

Аналитика развития,
безопасности и
сотрудничества:
Большая Евразия – 2030

москва 2017

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия – 2030. Сборник материалов IV Международной конференции 29 ноября 2017 г. – М.: «Когито-Центр», 2017. – 253.

В сборнике представлены отдельные тезисы участников IV Международной конференции ассоциации «Аналитика». Основная цель конференции: конструктивный анализ стратегий развития и механизмов взаимодействия стран Большой Евразии.

Сборник представляет интерес для специалистов гуманитарных, естественнонаучных и технических областей знаний, ориентированных на решение проблем совершенствования механизмов управления и развития России, для студентов и аспирантов, а также для широкой аудитории управленцев-практиков.

МУЗА Д. Е.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Введение

Не секрет, что сегодня проблема безопасности является одной из центральных проблем в социально-политических и гуманитарных науках. Её фактуальность задана мирополитической динамикой и нарастающей хаотизацией международных отношений. Последняя все чаще трактуется как имманентная функция миросистемы, деформирующая любые нормативно обеспеченные порядки существования акторов. В том числе те, которые организованы в модусах безопасности пост-ялтинско-потсдамско-хельсинских «шатаний» дискретного и взыскующего новой Вавилонской башни человечества.

Сама же эта хаотизация, её истоки, «формы» (риски, проблемы, угрозы, кризисы) и каналы развертывания осмысливается и оценивается в полидисциплинарном ключе, а именно, с точки зрения мирополитической теории, макросоциологии, экономической теории, теории международных отношений, теории игр, социосинергетики, геополитики и т.д. В свою очередь сегодня многих не удовлетворяют предметные теории безопасности – стратегические исследования, полемология и иренология, делающие упор на государстве и национальных интересах [1, с. 201]. Естественно возникает новый сюжет – теория глобальной безопасности, но пока без общего концептуаль-

ного знаменателя, который необходим в качестве основания построения архитектуры, как региональной, так и глобальной систем безопасности.

Методы

Причем этот конвенционально-связный результат также отсутствует в теории и практике международных отношений. К примеру, школа неореализма концентрирует свое внимание на безопасности государства, которая трактуется в виде процедур минимизации угроз сугубо военного, экономического, демографического, экологического, реже – информационного и иного характера. При этом концепты «интерес», «сила», «баланс сил» выступают опорой понимания фигур безопасности. Неолиберальная парадигма исходит из постулата о том, что главный объект безопасности – демократия, гражданское общество и индивидуум, и в силу этого отрицающая любые популяризации к авторитаризму. В том числе на путях создания систем коллективной безопасности. Неомарксизм и неограмшизм традиционно пекутся о классовой солидарности и гегемонии. В свою очередь конструктивизм актуализирует тему идентичности, её защиты, плюс недопустимости бесконечных «битв за идентичность», которыми характеризуется нынешняя эпоха кризиса.

Однако понятно, что сверхсложный и взаимозависимый мир обречен на поиск формулы коллективной безопасности, беспрецедентной хотя бы потому, что западным институтам сегодня отказано в легитимности (имеется в виду прогрессирующей девальвации «Демократии», «Капитализма», «Верховенства права» и «Гражданского общества») [2], а значит, актуальной способности воспроизводить адекватное самое миросистеме сообщество.

В этой связи вспоминается так называемое пророчество У. Черчилля: «Всегда можно быть уверенным в том, что Америка пойдет правильным путем. После того, как исчерпает все альтернативы».

Сказанное получает особый смысл на фоне внешней политикой президента США Д. Трампа, вставшего на «третий путь» между демократами и республиканцами в вопросах внутренней и внешней политики. И дело здесь, по-видимому, состоит в неспособности идеологии неолиберализма (либертариизма) обеспечить необходимыми смыслами и энергией общества, возникшие и утвердившиеся в интерьере модерна, но при выходе за его пределы, столкнувшиеся с множеством (им же порожденным) нерешаемых мировых проблем.

Этот вопрос сегодня становится (как никогда ранее) актуальным в виду ориентации не-западных цивилизаций на предложенный Западом маршрут исторического развития, имеющего не только имманентные «механизмы» социокультурной динамики, и, что важно, процедуры самосохранения от деградации и распада. Но частично перенявшие его субъекты истории (Россия, Китай, Индия, исламская и латиноамериканская цивилизации) едва ли оказались готовы к подобным мутациям Запада, т.е. изменениям структуры и характера его социальности. Главным образом – за счет девальвации «великой» либеральной идеи.

Результат

Проще говоря, на повестке дня вопрос о безопасности цивилизационных систем, принявших либеральную («Великая Французская Революция» и её социокультурные импликации) доминанту социокультурного творчества, доминанту, ока-

завшуюся весьма и весьма сомнительной в своей исторических объективациях. Поэтому русская, китайская, индийская и исламская цивилизации озабочены поиском средств и методов обеспечения собственной безопасности, плюс безопасности в формате БРИКС.

Обсуждение

Дабы понять и оценить это сдвиг, обратимся к классику неолиберализма – Ф. Фукуяме. В своей недавней работе – «Государственный порядок», (том 1), он вывел: «Хотя либеральная демократия сегодня может быть признана наиболее легитимной формой управления, ее легитимность зависит от стиля работы. А стиль работы в свою очередь зависит от способности соблюдать приемлемый баланс между вмешательством сильного государства, когда это требуется, и разнообразными формами индивидуальных свобод, которые являются основой демократической легитимности государства и способствуют развитию частного сектора» [3 а, с. 600]. В таком случае предлагаемая им парадигма политического развития связана с институциональной подотчетностью данного феномена.

Более того, как показывает его аналитика во втором томе, связь с рыночной экономики с политическими институтами оказывается непрочной, поскольку наметившийся в США «политический упадок», как раз и объясняется их ослаблением, но под воздействием интеллектуальной ригидности и укоренившейся во власти политической элиты [3 б, с. 522]. Насколько это предвосхищение правдоподобно, показали референдум в Каталонии и реакция на него в Мадриде и Брюсселе.

В этой ситуации – для самосохранения и саморазвития русской цивилизации – необходима реабилитация идеолого-аксиологического подхода, связанного с целым рядом важных методологических установок.

Вспомним, что еще в 1998 году А.С. Панарин, продумывая схему «реванша Истории», т.е. воссоздания цивилизационного плюрализма и диалогизма, показал, что русская цивилизационная альтернатива должна опираться на: 1) *экологическую идею*, повышающую статус окружающего мира, приниженого модерном и превращенного им в простое средство; 2) *идею культурного*

многообразия мира, которому модерн угрожает нивелировкой, достигшей крайней формы в образе массовой потребительской культуры; 3) *нравственно-религиозный фундаментализм*, на основе которого будет выстраиваться идентичность и безопасность России [4, с. 387–388]. В таком виде перед нами важная вариация «Русской идеи» для XXI века.

При этом последний пункт из указанных видится наиболее важным, в силу того что в те (ельцинские годы) перед русской цивилизацией и обществами в неё входящими стояла дилемма: «либо найти способ преодоления безответственной потребительской морали, либо окончательно опуститься в пучину геополитического хаоса и скольжения в «третий мир» [там же, с. 358]. Но ситуация, слава Богу, начала меняться к лучшему. В том числе из-за преодоления мифа о «конце идеологий» и последовательной деидеологизацией России («никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» – ст. 13 Конституции РФ).

Нужно заметить, что, проходя через нештучные испытания 2008 / 2014 годов и по сей день, Россия сумела сохранить свои геополитические приоритеты, помноженные на ценностные преференции. По сути, находясь в «праведном одиночестве» в мировом цивилизационном процессе, но исполняя заповедь блаженства о «нищих духом» (А.С. Панарин). Отсюда – её реальная сила русской цивилизации, в сознании её «творческого меньшинства» и большинства присутствует *идея тождества законов бытия и морально-законного* [5, с. 463]. Поэтому в негативном свете выглядят экономические санкции, рекогносцировки НАТО у её границ, технологии кибервойны, бесконечные провокации на постсоветском пространстве в виде «цветных революций», лишение её диппредставительств на территории США. Последние не имеют власти над нею, поскольку моральная правда на её стороне, о чем догадываются иные акторы международных отношений.

Но реальность сегодня все же такова, что основная геополитическая угроза для России сохраняется, и она связана с «распадом и исчезновением с политической карты мира не только как самобытной цивилизации, но и государства» [6, с. 783].

Однако своя собственная цивилизационно-геополитическая игра, если угодно, мироустроительная цивилизационная альтернатива диктату Запада [7], требует продуманной и взвешенной идеологической программы. Причем, с очевидностью – не марксистского толка (с опорой на классовый интерес и процедуры обличения мнимой реальности), а скорее, как формулы легитимации определенного порядка вещей, восходящей к М. Веберу; плюс актуализации формулы идеологии как интеграционного проекта и проекта конституирования идентичности, сформулированную П. Рикером.

Нужно отметить, что в отечественных социально-гуманитарных науках уже создан определенный задел, дающий идеологические контуры интеграции (см.: [8–9] и идентичности (см.: [10–11]). Само собой разумеется, что новая российская идеология требует к себе внимания как инструментарий обеспечения безопасности, совмещающая в себе идеально-типическое, ценностно-нормативное содержание, корреспондирующее с тысячелетней культурно-исторической традицией, плюс фигуры актуальной и потенциальной секюритизации цивилизационного и междоцивилизационного уровня.

В таком виде она относится к невоенным аспектам безопасности, а значит, сопряжена с комплексом условий, необходимых для: а) преодоления системы рисков, вызовов и угроз, обращенных к самой онтологии русской цивилизации; б) развертывания её культурного кода в направлении общенационального консенсуса, а также диалога и партнерства цивилизаций в области региональной, трансрегиональной и глобальной безопасности, т.е. как интересубъективный и социально-конструктивистский процесс.

Но как любая сверхсложная задача, тем более для такого типа исторического и геополитического субъекта, как цивилизация, должна иметь достаточный когнитивный и ресурсный потенциал.

В первом случае целесообразно говорить *об идеологии как мировоззренчески-смысловой матрице внешнеполитической деятельности*, опосредованно осуществляемой в рамках конкретной внешнеполитической доктрины государств и цивилизаций. Лапидарно их соотношение: «Внешнеполитическая идеология отражает пер-

спективную цель (цели) и принципы, а внешнеполитическая доктрина – среднесрочные и долгосрочные цели и соответствующие стратегии» [12, с. 144]. С другой стороны, *идеология предстает в виде управленческой системы*, позволяющей контролировать и направлять социальные процессы в рамках той или иной стратегической обстановки [13, с. 421 и сл.]. Ведь не секрет, что наступательный реализм США, как ранее, в эпоху «холодной войны», так и сегодня опирается на идеологическое основание, конвертируясь в геополитические и геоэкономические стратегии.

Но этот дискурс следует дополнить одним важным измерением. Оно выражается в делении идеологий на закрытые (находящиеся в руках правящей верхушки) и открытые (послание которых доступно широким массам). Это деление просматривается на уровне конкретики: «идеология коммунизма строилась как предельно открытая, публичная и общедоступная», а неолберализм как «предельно тайная, закрытая идеология, публично оперирующая только утопией, а также утверждающая, что никакой идеологии нет...» [14, с. 53].

Вообще, такая постановка проблемы имеет весьма важное значение, тем более, в привязке к российской элите, после знаменитой «Мюнхенской речи» (февраль 2007 года) вставшей на путь последовательной защиты национальных и общецивилизационных интересов. Разумеется, сегодня требования к российской элите возросли многократно из-за отнюдь не положительной сильновязности России и других государств, входящих в русскую цивилизацию, с глобальным доминированием США, их институционально-ценностной морфологии.

Именно поэтому целесообразно говорить о том, что перед правящим классом – формирующим сценарии развития международных отношений – стоят несколько взаимосвязанных задач:

- выбор системы доминирующих политических взглядов, отражающих представления об интересах и ценностях для локальных человеческих цивилизаций, нации, страны или класса;
- выбор алгоритма политических действий, т.е. поведения и стратегии правящей элиты в мире;

- модели государственного устройства и модели формирования международных отношений [15, с. 329].

Как видим, это есть ничто иное, как полюс созидания новой сети отношений цивилизационно-геополитического, шире – геостратегического порядка. Ведь недаром Л. Г. Ивашов недавно обозначил следующие векторы воссоздания места и роли России в мировых делах. Речь идет о запуске четырех параллельных процессов:

- 1) возрождение и развитие оснований для восстановления традиционных духовно-нравственных ценностей, применение перспективных моделей национально-государственного (державного) строительства;
- 2) в пространстве СНГ – формирование вертикально интегрированных транснациональных структур в ведущих отраслях промышленности, воссоздание таможенного, культурного, научно-образовательного и спортивного пространств;
- 3) инициирование развития ШОС, с актуальным оформлением в ней участия Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана;
- 4) реальное конституирование БРИКС как коалиции незападных цивилизаций, в качестве альтернативы «господству англосаксов в союзе с транснациональным капиталом» [6, с. 775].

И разумеется, эти сверхзадачи должны иметь в качестве основания идеологические презумпции, тем более, что «точка невозврата» в отношениях с Западом уже пройдена. Пожалуй, с момента присоединения Крыма и поддержки Донбасса.

Но вернемся к тезису А. И. Подберезкина. Естественно, каждая из обозначенных им первостепенных задач имеет своих когнитологов и исполнителей. Можно констатировать что для них таковыми являются: в первом случае – исследовательские центры и университеты, клубы и «фабрики мысли»; во втором – военное, силовые и дипломатическое ведомства; в третьем – совет безопасности, администрация Президента и парламент. Понятно также, что эти субъекты выступают генераторами идейно-мотивационных, целедостижительных и ценностно-префе-

ренциальных карт, составляющих идеологическое поле внутренней и внешней политики. Но пока, к сожалению, очень эскизное, хотя и не лишенное когерентности в плане понимания стратегических задач экзистенции русской цивилизации.

Тем не менее, именно Президенту принадлежат наиболее значимые смыслы идеологической повестки сегодняшнего и завтрашнего дня. Так, например, в своей предвыборной программе 2012 года В.В. Путин обозначил необходимость формирования духовных скреп: «Нужно воспитывать приверженность семье, ответственность за судьбу Отечества, уважение к людям, учить беречь природу. Это обогатит наше общество, объединит для общих свершений. Наша сила – в духовном богатстве и единстве многонационального российского народа. Возрождению и укреплению этих ценностей мы будем всемерно содействовать через развитие культуры, сотрудничество с традиционными религиозными конфессиями» [16].

В этот ряд можно поставить и тезис Президента о патриотизме как подлинно консолидирующей идее для России, высказанный им в 2016 году [17]. Причем последняя имеет несколько опорных моментов, как в романовской, так и в советской России, но обращена к современному обществу, мучительно ищущем формулу согласия.

Между прочим, в этом же направлении предлагает двигаться и Патриарх Московский и вся Руси Кирилл. Разрабатывая концепцию «Русского мира» он предлагает идейный (идеологический) синтез, выстраиваемый на основе всего значимого и ценного из всех периодов бытия русской цивилизации. В итоге его формула гласит: «вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность» [18, с. 69]. Такая идеологическая матрица также имеет прямое отношение к традиционализму, о котором недвусмысленно заявляет и внешний наблюдатель нынешнего цивилизационного процесса в России – французский политолог И. Бло.

В частности, в своей книге «Россия Путина» он отмечает: «Россия вновь возвращается к своей давней миссии защиты христианских и традиционных ценностей... Но Россия также чувствительна к дехристианизации и деморализации Запада... На основе прав человека сегодняшний

Запад стремится совершить релятивистскую и эгалитаристскую революцию и экспортировать ее по всему миру» [19, с. 27 – 28]. И на этом пути противостояния, кроме Китая, части исламского мира, естественно стоит Россия.

И здесь, в плане уточнения идеологической составляющей внутренней и внешней политики, впрочем, при всей диалектики этих величин, нужно вспомнить положение евразийца Н.С. Трубецкого об «идее-правительнице». Противопоставляя западной демократии (релятивизму) евразийскую идеократию (фундаментализм), он находил, что «идея-правительница» должна быть идеей «блага совокупности народов», при этом корреспондируя с «хозяйственно самодовлеющим (автаркическим) месторазвитием» [20, с. 441]. Более того, в этом идеократическом горизонте видение судеб цивилизации существует «идеократический отбор», при котором ради идеи правители готовы идти на жертву (самопожертвование), а подчиненные расценивают её как «морально ценный поступок» [там же, с. 439].

Именно поэтому сегодня цивилизационное сознание и самосознание элит обязано иметь идеологически и ценностно обоснованный и верифицированный историей морально оправданный проект.

Заключение

По моему мнению, он будет включать в себя не только *пространственно-материальные* (месторазвитие, ресурсы, население, «человеческий капитал»), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые, деятельностные* (имперско-цивилизационное «общее дело», задаваемое и направляемое элитами) и собственно *идеократические доминанты* (социологически-социальная «идея-правительница» правды-справедливости и её аксиологическое обрамление) [21, с. 183].

В таком ракурсе представляется основание государственного бытия, плюс модели международных отношений. Но главное такое, конструктивистское по своей сути полагание идеологического проекта влечет за собой искомое обеспечение стратегической безопасности.

Примечания

1. *Цыганков П. А.* Политическая динамика современного мира: теория и практика / П. А. Цыганков. М.: Издательство Московского университета, 2014. 576 с.
2. *Фергюсон Н.* Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Н. Фергюсон; пер. с англ. И. Кригера. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. 192 с.
- 3а. *Фукуяма Ф.* Государственный порядок / Ф. Фукуяма [пер. с англ. В. А. Гончарова]. М.: Издательство АСТ, 2015. 688 с.
- 3б. *Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. К. М. Королева]. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.
4. *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.
5. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
6. *Ивашов А. Г.* Геополитика русской цивилизации / А. Г. Ивашов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.
7. *Муза Д. Е.* Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива / Предисловие Э. А. Попова; [Центр стратегической конъюнктуры] / Д. Е. Муза. М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. 240 с.
8. *Идеология: поиски и находки.* Монография / Под ред. И. И. Кального. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 420 с.
9. *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регулятивов современных обществ* / под ред. В. С. Мартыянова и Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
10. *Волков Ю. Г.* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности / Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. 256 с.
11. *Голобородько А. Ю., Лубский А. В., Сериков А. В.* Культура, идентичность и национальная безопасность России: монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2015. 306 с.
12. *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. / В. М. Хрусталева. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2016. 224 с.
13. *Подберезкин А. И.* Современная военная политика России: учебно-методич. Комплекс. В 2 т. Т.2 / А.И. Подберезкин; [под ред. К.П. Боришполец, О.Е. Родионова]. М.: МГИМО-Университет, 2017. 987 с.
14. *Куликов Д. Е., Сергейцев Т. Н.* Мировой кризис. Восток и Запад в новом веке / Д. Е. Куликов, Т. Н. Сергейцев. М.: Издательство «Э», 2017. 496 с.
15. *Подберезкин А. И., Соколенко В. Г., Цырендоржиев С. Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. М.: МГИМО-Университет, 2015. 464 с.
16. Предвыборная программа кандидата в президенты РФ В.В. Путина // URL: <https://rg.ru/2012/01/12/putin-site.html>
17. Путин объявил патриотизм национальной идеей: <https://lenta.ru/news/2016/02/03/putin/>
18. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А.В. Щипков. М.: Всемирный Русский народный собор, 2015. 120 с.
19. *Бло И.* Россия Путина / И. Бло. М.: Книжный мир, 2016. 240 с.
20. *Трубецкой Н. С.* Об идее правительнице идеократического государства / Н. С. Трубецкой // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 438 – 443.
21. *Муза Д. Е.* Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Д.Е. Муза; Предисл. С. Ю. Житенёва; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. 232 с.

САЕТГАЛЕЕВА Я. Я.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Одним из важнейших геополитических факторов является энергетический потенциал региона. Он представляет собой запасы энергии для эффективного использования, как в настоящее время, так и в будущем и включает в себя топливные ресурсы (нефтяные, газовые, угольные и пр.). Наличие этих ресурсов в значительной степени определяет роль государства в геополитической обстановке. Особое значение приобретает ситуация, когда в регионе обнаруживают новые, значительные по объему, энергетические источники. Это может привести к существенному изменению геополитического баланса.

Восточное Средиземноморье в связи с открытием на шельфе крупных месторождений газа становится еще одним регионом борьбы за обладание энергетическими ресурсами. Это регион, в котором активно действуют террористические организации под исламистскими лозунгами, а также регион характеризуется застарелыми этно-конфессиональными конфликтами (арабо-израильский, греко-турецкий). Поэтому энергетический нефтегазовый фактор играет большую роль в развитии региональной политики. Он может привести как к росту напряженности в регионе и эскалации конфликтов (замороженных старых и ныне существующих), так и

к сдерживанию и последующему урегулированию конфликтов. Ближний Восток, в основном, рассматривался как источник нефти. Газовая промышленность не была выделена в самостоятельную отрасль. Большинство разведанных источников природного газа представляли собой сопутствующий газ в нефтяных месторождениях. В газовой сфере на Ближнем Востоке безусловными лидерами являются Иран (по последним данным – 29 600 млрд м³ газа или 15,8% мировых запасов голубого топлива) и Катар (25 300 млрд м³, т.е. 13,5% мировых запасов). Другим важным субъектом в нефтегазовой отрасли Ближнего Востока является Египет. В рассматриваемом регионе располагаются две нефтегазоносные провинции: Левантский бассейн и бассейн Персидского залива (включая Центрально-Иранский), входящие в Пальмирскую складчатую зону. Остальные бассейны пока большого значения не имеют и поэтому в данной работе не рассматриваются. Левантский бассейн (рис. 1). В нефтегазоносный бассейн Персидского залива входят территории Бахрейна, Иордании, Ирака, Юго-Западного Ирана, Катара, Кувейта, ОАЭ, Омана, Саудовской Аравии, большей части Сирии. Площадь 2,93 млн. км², в т.ч. около 290 тысяч км² акватории. Основные особенности нефтегазоносных бассейнов следующие:

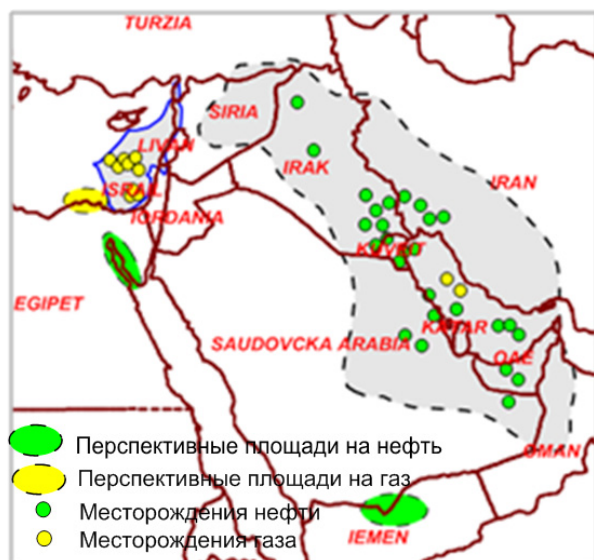

Рисунок 1. Нефтегазоносные провинции и площади

1) Месторождения Левантийского бассейна, несмотря на свои внушительные запасы, являются весьма сложными для технологического освоения и разработки. Глубина моря в районах предполагаемой добычи (особенно в пределах Израиля и Ливана) составляет до 2 км, а сами скважины приходится бурить на 5-6 километров ниже уровня моря. Дополнительные затраты, также будут связаны и с необходимостью охраны добычи и транспортировки газа. Основные продуктивные интервалы газа на суше находятся в интервале глубин от 2000 до 4700 м, основные продуктивные интервалы нефти на суше находятся в интервале глубин от 300 до 2500 м.

2) Месторождения Персидского нефтегазоносного бассейна технологически уже давно освоены и их дальнейшая разработка не требует дополнительных серьезных вложений средств. Основные продуктивные интервалы газа находятся в интервале глубин от 1000 до 5000 м, основные продуктивные интервалы нефти находятся в интервале глубин от 500 до 3000 м. Между тем, перспективы открытия новых месторождений нефти и газа далеко не исчерпаны, как на суше, так на шельфе Персидского залива, глубина которого не превышает 102 м.

Ввиду того, что извлечение нефти и газа из нетрадиционных источников углеводородного сырья в настоящее время в этих странах всерьез

пока не рассматриваются, в данной работе наличие запасов нефти и газа этого типа не обсуждаются. Для проведения сравнительного анализа энергетического потенциала стран Восточного Средиземноморья и Персидского залива, использованы 4 параметра: 1) Энергетические ресурсы: запасы нефти в % от общемировых, запасы газа в % от общемировых; 2) Объемы добычи нефти, газа; 3) Потребление нефти, газа; 4) Основные интервалы добычи нефти, газа. Построенные диаграммы отдельно по нефти и газу наглядно показывают энергетический потенциал этих стран (рис. 2 и 3). Для построения диаграмм данные были упорядочены в порядке возрастания запасов.

По наличию доказанных запасов нефти (рис. 2) и по преобладанию добычи над потреблением в выгодном положении находятся следующие страны: Катар, ОАЭ, Кувейт, Ирак, Иран и Саудовская Аравия. Незначительный вклад в общемировые ресурсы нефти вносят Бахрейн, Сирия, Йемен, Египет и Оман, однако они потребляют практически 100% добытой нефти. Доля стран Израиля, Турции и Греции в общемировых ресурсах незначительная, а потребность в нефти удовлетворяется за счет дополнительного импорта. Такие страны как Иордания и Ливан не обладают доказанными запасами нефти и не ведут добычу нефти.

По глубине залегания основных интервалов добычи нефти и, следовательно, трудоемкости его добычи, в более выгодном положении находятся страны, в которых добыча ведется на глубинах около 1000 м (Бахрейн, Сирия, Йемен, Египет, Кувейт, Ирак, Иран, Саудовская Аравия). Таким образом, в ближайшей перспективе с учетом наличия крупных запасов и относительно низкой стоимости добычи в данном регионе лидирующее положение на мировом рынке нефти сохраняют Кувейт, Ирак, и Саудовская Аравия. Следует отметить, что на Ближнем Востоке, в результате происходящих социально-политических процессов, Ирак как самостоятельное государство может утратить свои имеющиеся преимущества в области добычи нефти и его реализации на мировом рынке. Роль стран Катар и ОАЭ, несмотря на наличие запасов и превышение добычи над потреблением в мировом рынке

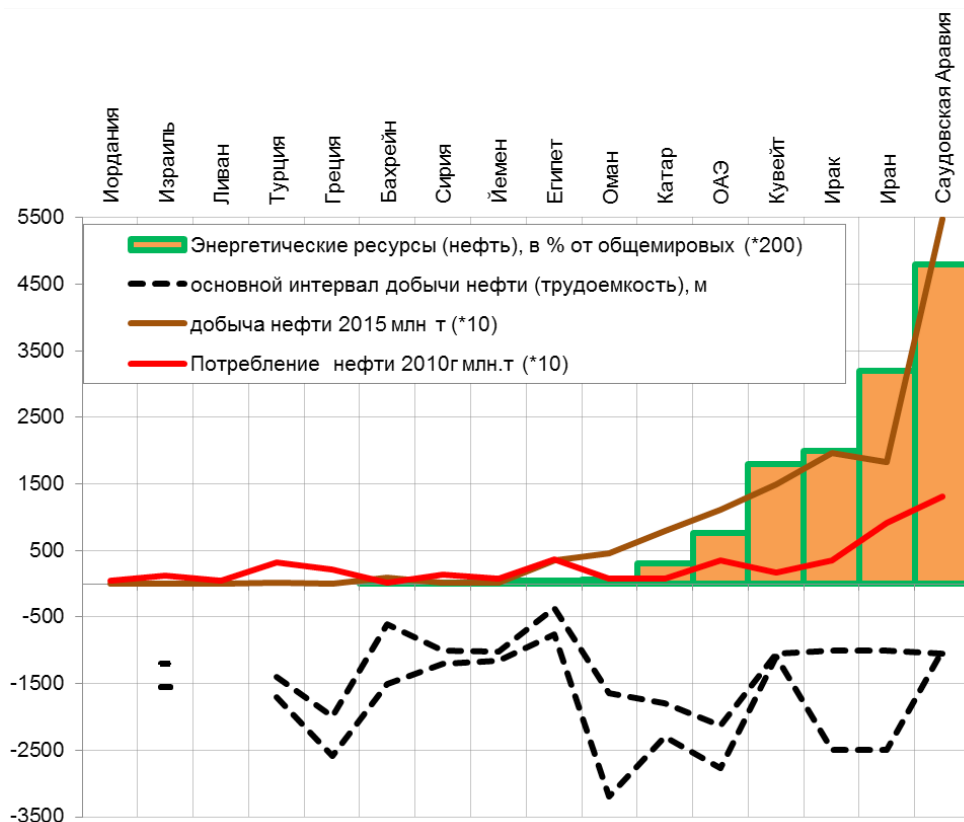

Рисунок 2. Анализ энергетических ресурсов стран по нефти

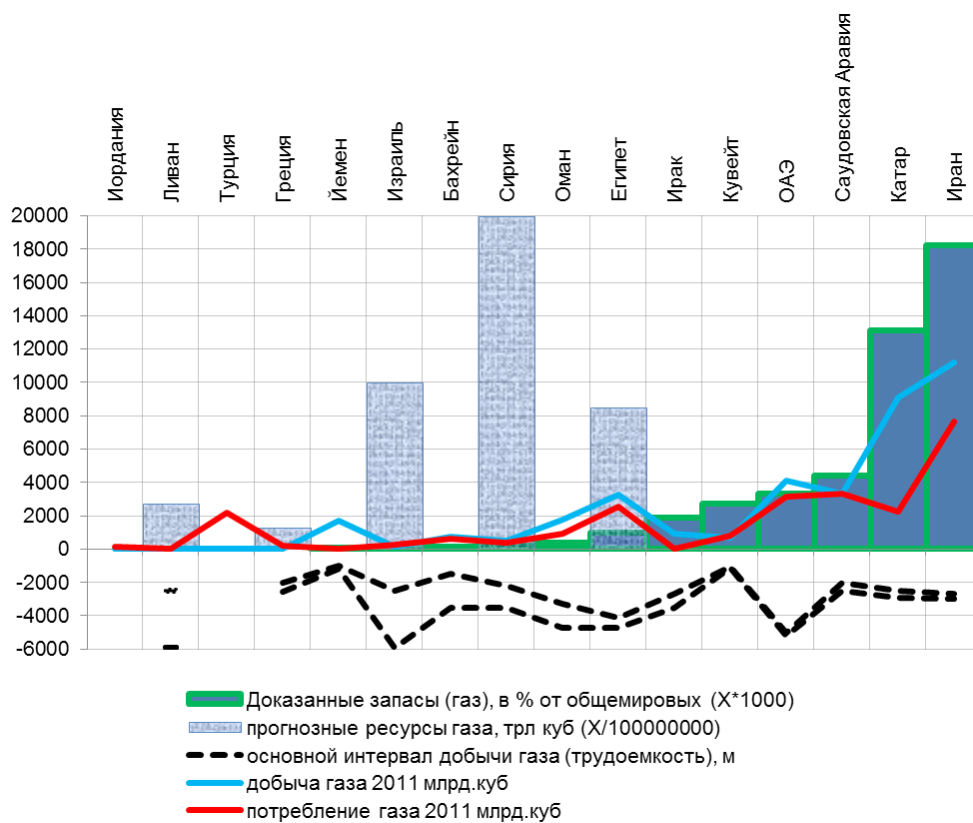

Рисунок 3. Анализ энергетических ресурсов стран по газу

нефти будет, скорее всего, падать из-за относительно больших затрат на добычу нефти и постоянного роста внутреннего потребления. Анализ энергетического потенциала стран Ближнего Востока показывает насколько велика может быть роль Ирана на мировом энергетическом рынке после снятия санкций [2]. Несмотря на заявленные огромные потенциальные ресурсы углеводородов в Левантийском нефтегазоносном бассейне (Египет, Израиль, Ливан, Сирия и Греция, Кипр), в ближайшей перспективе, вряд ли могут изменить сложившуюся картину на мировом рынке нефти.

В настоящее время, по наличию доказанных запасов газа (рис. 3) и по преобладанию добычи над потреблением, в выгодном положении находятся следующие страны: Йемен, Оман, Египет, Ирак, ОАЭ, Катар, Иран. Эти страны являются и, в ближайшей перспективе, вероятно, останутся основными поставщиками газа на мировом рынке. Такие страны как Саудовская Аравия, Кувейт, Сирия, Бахрейн, Израиль потребляют 100% добытого газа. Турция, Греция, Ливан и Иордания (в Ливане и Иордании добыча газа не ведется) являются импортерами газа.

По глубине залегания основного интервала добычи и, следовательно, относительно низкими затратами на добычу, в более выгодном положении находятся страны Йемен и Кувейт (глубина добычи около 1000 м), затем страны, где добыча осуществляется с 2000 м до 3000 м (Греция, Саудовская Аравия, Катар, Ирак и Иран). Относительно более трудоемкая добыча у Сирии и Бахрейна (глубины основных интервалов добычи составляют от 1500 м до 3500 м). Оман, ОАЭ и Египет осуществляют основную добычу на глубинах с 3000 м до 5000 м (соответственно растет трудоемкость). Израиль осуществляет добычу на глубинах от 2500 м до 6000 м, то есть с наибольшими затратами на добычу среди этих стран. Ливан, как отмечено выше, добычу не ведет, но основные интервалы залегания продуктивных пластов такие же, как в соседнем Израиле. Таким образом, можно утверждать, что лидирующая роль Катара и Ирана, обладающих, большими запасами, преобладанием добычи над потреблением и относительно низкой себестоимости добычи, сохранится на мировом рынке

газа в ближайшее десятилетие. Если в течение этого десятилетия будет осуществлена полная практическая реализация проектов по освоению недавно открытых шельфовых месторождений газа Левантийского бассейна, то, возможно, расстановка сил на мировом рынке газа значительно изменится.

Рассмотрим, какая из стран Восточного Средиземноморья может претендовать на роль лидера при осуществлении этих проектов. Как видно на рис. 1, Левантийский бассейн простирается от берегов Египта, Израиля, Ливана и Сирии на востоке до Кипра на западе и имеет средний прогнозируемый запас нефти в 1,7 млрд баррелей, а также прогнозируемый запас газа в 122 трлн кубических футов. Также привлекает внимание то обстоятельство, что если Египту, Греции (Кипру) и Израилю принадлежат только шельфовые участки бассейна (более глубоководные), то Ливану и Сирии принадлежат участки бассейна и на шельфе и на суше. Это последнее обстоятельство резко повышает эффективность проводимых работ на разведку и на освоение возможных залежей газа в Ливане и в Сирии (особенно для Сирии, которая до войны имела соответствующую инфраструктуру, а перспективные участки бассейна на его шельфе относительно неглубокие).

Для построения диаграммы ресурсов газа этих стран использованы данные, приведенные в интернете и более близкие к оценкам американских геологов, которые заявляют, что под дном Левантийской впадины должно находиться не менее 3,45 трлн м³ газа, а также 1,7 млрд баррелей нефти.

Анализ распределения ресурсов газа по этим странам показывает, что наибольшими ресурсами газа обладает Сирия – 2 трлн м³. Вторым по значимости ресурсами газа обладает Израиль – 1 трлн м³ [3]. Третьим – Египет – 850 млрд м³. Остальные ресурсы газа приходятся на страны Ливан и Греция, соответственно по 270 и 127 млрд м³. Извлекаемые запасы газа на ливанском шельфе могут составлять от 720 млрд до 2,7 трлн м³ газа. Однако в среднесрочной перспективе ожидать выхода ливанского газового сырья на рынок затруднительно: даже если правительство страны выйдет из политического

тупика, на проведение тендеров, на разведку и начало добычи уйдет не менее семи лет [3, 4]. Таким образом, выделяется тройка стран (Сирия, Израиль, Египет), обладающие огромными ресурсами газа и потенциальной возможностью добычи газа. В настоящее время, сложилась весьма выгодная современная геополитическая ситуация именно для Израиля. Египет не может справиться с последствиями «арабской весны», в результате чего он из экспортера газа превратился в его потребителя, а Сирия только выходит из состояния гражданской войны. Как отмечал И. Сечин: «Первая скважина на газовом месторождении Zohr на шельфе Средиземного моря у берегов Египта будет введена в эксплуатацию до конца 2017 г. Часть газа будет поставлена на национальную территорию Египта, а часть – на экспорт, как мы рассчитываем. До конца года первая скважина будет введена в промышленную эксплуатацию. Там все нормально движется» [5].

Хотелось бы отметить, что Сирия по ресурсам газа, по себестоимости добычи, и территориальным обладанием части Левантийского бассейна на шельфе и на суше находится (или находилась до войны) в более выгодном положении. Поэтому если легитимное правительство Сирии сумеет, хотя бы сохранить за собой прибрежные районы и шельф Левантийского бассейна, то вполне возможно, что мировой рынок как был, так и останется многополярным и роль Сирии в ней будет достаточно значимой. Необходимо отметить, что в настоящее время, несмотря на сложившуюся благоприятную ситуацию, перед Израилем как стояли, так и стоят сложные задачи урегулирования застарелого арабо-израильского конфликта, трансграничных споров по шельфу, проблемы турецко-греческого конфликта, все возрастающая внутренняя потребность в газе, которые снижают эффективность его внешних экономических проектов. Поэтому, одно только наличие огромных углеводородных ресурсов, не является исчерпывающим основанием для формирования Израиля, как ведущего нефтегазового лидера в регионе. При таком раскладе сил в Восточном Средиземноморье, пока как были, так и останутся основными поставщиками газа на мировой рынок, страны Персидского

залива – Катар и Иран. Обращают на себя внимание две страны, это Йемен и Греция, обладающие высоким энергетическим потенциалом, но находящиеся в «замороженном» состоянии и их влияние на мировую экономику останется, скорее всего, на настоящем уровне, либо еще более будет снижаться. В Йемене по версии Sky News, запасы нефти столь велики, что страна может выйти на первое место среди мировых производителей, обогнав соседнюю Саудовскую Аравию. Речь идет о 34% глобальных резервов нефти. Йемен сможет с легкостью добывать 10 млн баррелей нефти в день [6]. Греция обладает высоким потенциалом для добычи нефти и газа в бассейне Геродот Средиземного моря с запасами 20 млрд баррелей нефти (между Грецией, Кипром и Египтом), на шельфе Адриатического и Ионического морей. На Кипре открыто месторождение «Афродита» с запасами в 200 млрд кубометров газа. Однако отсутствие экономического суверенитета Греции препятствует успешной реализации планов развития нефтегазовой отрасли и повышения роли страны в формировании нового энергетического порядка в регионе.

Регион Восточного Средиземноморья располагается между крупнейшими месторождениями Персидского залива и Европой, являющейся крупнейшим импортером энергоресурсов, а также между российскими и среднеазиатскими газовыми запасами и европейским рынком сбыта. В связи с европейскими планами диверсификации рынка газа, регион остается стратегически важным для его транзита, а теперь стал источником энергоресурсов.

В заключение необходимо отметить следующее: большинство стран Ближнего Востока обладают высоким энергетическим потенциалом, связанным с наличием больших запасов углеводородов, это не обеспечивает некоторым из них благоприятных условий для социально-политического развития. Более того, сам этот потенциал стал одной из причин разногласий внутри региона, а также одной из причин внешней экспансии со стороны мировых игроков на рынке углеводородов. Открытие новых месторождений нефти и газа в Восточном Средиземноморье может только усилить негативные тенденции в развитии политической ситуации на Ближнем Востоке. Если

какая-то из сторон и сможет в перспективе получить определенные дивиденды от вновь открытых источников углеводородов, так это Израиль и частично Египет и Кипр. Вместе с тем политическая нестабильность в регионе является сильным сдерживающим фактором для активного освоения этих источников, что позволяет предположить о неизменности в ближайшей перспективе сложившегося энергетического баланса.

Примечания

1. США продлили действие эмбарго на поставки иранской нефти и нефтепродуктов. Не просто так. Neftegaz.ru 18.05.2017. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/161174-SShA-prodlili-deystvie-embargo-na-postavki-iranskoj-nefti-i-nefteproduktov.-Ne-prosto-tak> (дата обращения 31.08.2017)
2. *Виноградова Ольга*. «Нефтегазовая Вертикаль», #5/20150. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/leviafan-perestal-byt-mifom/> (дата обращения 02.07.2017)
3. *Котельникова Татьяна*. ТЭКНО://БЛОГ. Обзор международных новостей. URL: <http://teknoblog.ru/author/tatkot/page/15> (дата обращения 31.08.2017)
4. *Манафова Анна*. Восточное Средиземноморье — новый конкурент российскому газу в Европе? РСМД. 09.09.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vostochnoe-sredizemnomore-novyy-konkurent-rossiyskomu-gazu-v/> (дата обращения 05.06.2017)
5. *Сечин Игорь*. Первая скважина на Zohr на будет введена в эксплуатацию до конца 2017 года. Allpetro.ru. URL: <https://allpetro.ru/sechin-pervaya-skvazhina-na-zohr-v-egipte-budet-vvedena-v-ekspluatatsiyu-dokon/> (05.06.2017)
6. В Йемене обнаружены крупнейшие запасы нефти в мире URL: <http://postskriptum.org/2013/01/09/yemenoil/2/>, <http://rcc.ru/article/voyna-v-yemene-borba-za-uglevodorody-i-neftyanoy-tranzit-49332> (дата обращения 05.06.2017)

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Россия в глобальной политике: учебник для академического бакалавриата / А. А. Литовченко [и др.]; под ред. А. А. Литовченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 397 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).

Учебник посвящен роли России в мировой политике. В нем представлена геополитика как специальная дисциплина, показаны геополитические интересы России в контексте различных исторических эпох. Обширный список литературы поможет студентам легко ориентироваться в предлагаемом материале, а также поможет лучше усвоить материалы учебника.

ТИХОНРАВОВ М. К.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ

Предлагаемый вниманию читателей документ может быть назван воспоминаниями о создании Первого искусственного спутника Земли, написанными Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым в преддверии 15-летия его запуска. Михаил Клавдиевич Тихонравов (1900–1974) – учёный и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, пионер ракетной техники. Однако, это не воспоминания в чистом виде, т.к. при их подготовке автор опирался на архивные документы ЦКБЭМ (бывш. ОКБ-1), о чём свидетельствуют имеющиеся в документе постраничные ссылки на источники.

Написанный текст был передан Г. С. Ветрову [1], и отложился в архиве последнего. Судя по большому количеству технических подробностей в описании конструкции спутника и процесса его создания, можно с большой долей вероятности утверждать, что воспоминания изначально не предназначались для открытой публикации. Более чем через 10 лет, документ был опубликован [2], но в сильно урезанном виде: было опущено всё, касающееся как устройства аппарата, так и других технических данных по созданию спутника и его систем. Кроме того, в книге текст подвергся доработке, в частности были добавлены фрагменты об итогах работы спутника на орбите и о реакции в США на его запуск, которых в тексте М. К. Тихонравова не имеется.

Публикуемый ниже текст воспоминаний воспроизводится практически без изменений: выполнено только очень поверхностное редактирование, связанное с применёнными автором сокращениями, а также опущены ссылки на использованные источники. Документ представляет собой черновой текст, большая часть которого написана от руки, несколько страниц – машинописью, с авторскими правками и зачёркиваниями. Вычеркнутые автором фрагменты, несущие дополнительную информацию, показаны зачёркнутым шрифтом. Подчёркивания и разбиение на подзаголовки в тексте авторские. Все даты представлены в удобочитаемой форме: ДД.ММ.ГГГГ. Там, где это виделось необходимым, даны комментарии.

Публикация подготовлена **Л. П. Вершининой**.

1. Предыстория

В 1953 г. ракетная техника достигла такого развития, что стало возможным говорить о создании искусственного спутника Земли. По этому поводу у меня состоялся обстоятельный разговор с С. П. Королёвым. Говорили о том, что следовало бы начать соответствующие разработки. В итоге он сказал: «Работай, считай, проектируй у себя в институте. Я на это дам денег, т. е. тема будет

заказная, у меня же нет свободных людей. Никого не могу посадить на эту работу, все заняты. Договаривайся со своим начальством, чтоб тебе разрешили взять эту работу». С этого собственно всё и началось. Я съездил к Г. Н. Пашкову [3]. Он одобрил. Я переговорил с начальником своего института генерал-полковником Чечулиным [4]. Он понял, в чём дело, но сказал, что смотрит на эту работу отрицательно. Никому она не

Михаил Клавдиевич Тихонравов
19.01.1972

нужна. В заключение нашего разговора он сказал мне: «Идите в Управление и жалуйтесь на меня. Это право за Вами остаётся». Я поехал к генералу А. И. Соколову [5], но в Управлении предварительно зашёл к А. Г. Мрыкину [6], и с ним мы прошли к Соколову. Оба они тему об искусственном спутнике Земли встретили с удовольствием: «Чечулину будет приказано. Работайте! Хорошо, что С. П. Королёв [7] субсидирует эту тему!»

Так всё и было сделано. Я организовал в институте группу, в которую, кроме меня, входили: И. М. Яцунский [8], Г. Ю. Максимов [9], И. К. Бажинов [10], А. Н. Солдатова [11] и другие. Эта группа и начала реальную разработку предпосылок для осуществления искусственного спутника Земли, в итоге которой был выпущен отчёт, посланный С. П. Королёву вместе с моей Докладной запиской о создании спутника.

Этой идеей интересовался и М. В. Келдыш [12]. Он знал о работах, которые я проводил по заказу С. П. Королёва. Несколько раз М. В. Келдыш созывал информационные совещания у себя в ОПМ Математического института АН. Участвовали в них, кроме него, я, И. М. Яцунский, Г. Ю. Максимов, иногда Д. Е. Охоцимский [13] и Т. М. Энеев [14], реже В. А. Егоров [15]. совеща-

ния были посвящены теоретическим вопросам и вопросам организации науки для исследования межпланетного пространства.

2. Объект Д [16]

С. П. Королёв был убеждён, что искусственный спутник Земли (ИСЗ) может быть осуществлён, и что настало время серьёзно подумать об этом. 26.05.1954 им была написана Докладная на имя Министра оборонной промышленности Д. Ф. Устинова [17]. В этой Записке обосновывались своевременность и целесообразность организации в НИИ-88 (тогда) [18] научно-исследовательского отдела для проведения поисковых работ по ИСЗ и детальной разработки комплекса вопросов, связанных с этой проблемой. Вместе с Докладной, С. П. Королёв представил и мою Докладную записку «Об искусственном спутнике Земли», которую Д. Ф. Устинов просил тоже прислать. Кроме того, ему был отправлен переводной материал о работах в этой области, ведущихся в США. Очевидно, реакция не была положительной, т. к. только примерно через год (!), по поручению С. П. Королёва, я и И. В. Лавров [19] написали проект следующей Докладной записки. Помню, писали в бывшем зале заседаний Учёного совета в корпусе 49 [20]. В этой записке обосновывалась, во-первых, необходимость создания ИСЗ, его политическое значение (С. П. [Королёв] это три раза подчёркнул), народно-хозяйственное (С. П. поставил на полях знак вопроса) и военное (С. П. подчёркнул один раз). Во-вторых, обосновывалась организация специального отдела со штатом 70-80 человек (С. П. на полях пометил: «много, 30-35 чел.). Были намечены задачи этого отдела. В числе их – разработка эскизного проекта первого спутника и разработка проблемы полёта человека на ракетах. Доказывалась необходимость привлечения в НИИ-88 группы М. К. Тихонравова, работающей уже в этом направлении, но в другом институте.

Докладная записка со всеми материалами была нами закончена 16.06.1955 и передана С. П. Королёву, который её направил 03.09.1955 в дело. Она у него пролежала и обдумывалась два с половиной месяца. Но, тем не менее, время работало «на нас», и 30.01.1956 было подписано постановление СМ СССР о создании в 1957–1958

на базе отрабатываемой ракеты (название ракета-носитель пришло позже) неориентированного спутника Земли. Ему было присвоено название «объект Д». Он должен был весить 1000-1400 кг, из этого веса 200-300 кг отводилось на научную аппаратуру. Срок пробного пуска назначался на 1957.

Проектные разработки естественно начались ранее выхода постановления СМ в отделе С. С. Крюкова [21]. В самых общих чертах намечался ИСЗ весом в 1,1 тонны, и первым этапом – простейший спутник [22]. Но работа шла сравнительно медленно.

Нужно заметить, хотя это и не имеет отношения к истории предприятия, что в 12.1955 – 01.1956 и вероятно до 03.1956 в Академии наук М. В. Келдыш за это время созвал ряд совещаний учёных разных специальностей, так или иначе заинтересованных в космических исследованиях. Каждое совещание было посвящено одному какому-либо вопросу: космическим лучам, ионосфере, магнитному полю Земли и т. д.

Следует подчеркнуть, что тогда в период разработки проектов первых спутников уровень знаний о физических условиях в верхней атмосфере и в околоземном космическом пространстве был совершенно недостаточен. Как это ни парадоксально, наука в то время располагала большим объёмом информации о физических условиях на далёких звёздах, чем об условиях на высотах несколько сот и тысяч километров от поверхности Земли. Последующие открытия таких совершенно новых явлений, как радиационный пояс Земли, магнитуда и др. подтверждают это. До полёта первых ИСЗ данные о плотности атмосферы на высоте несколько сот км по разным источникам существенно различались между собой (на порядок и более); неясны были такие вопросы, как действительная структура ионосферы и условия прохождения радиосигналов для линий космической радиосвязи, степень метеоритной опасности и т. д. Отсутствовали какие-либо данные инженерные решения по вопросам герметизации, по обеспечению теплового режима в космическом пространстве, по энергопитанию аппаратуры в течение длительного времени, по управлению ИСЗ в полёте с учётом погрешностей выведения, по эволюции орбиты и т. п.

Совещания вёл сам М. В. Келдыш, и секретарём их был Г. А. Скуридин [23]. Я участвовал на всех этих совещаниях. На повестке дня стоял один основной вопрос: что может дать ИСЗ для данной области науки, какие приборы нужно поставить на него, и кто из учёных возьмётся сконструировать их. В дальнейшем была образована комиссия при Академии наук, территориально размещавшаяся в ОПМ Математического института АН, председателем которой стал М. В. Келдыш, его заместителями С. П. Королёв и М. К. Тихонравов и секретарём Г. А. Скуридин. Задачей комиссии была организация науки на ИСЗ, постройка аппарата для них и помощь учёным, участвующим в этом деле.

С 25.02.1956 начали выдаваться технические требования для спутников Д и ОД. Под шифром Д понимался [неориентируемый] искусственный спутник Земли, а под шифром ОД – ориентированный спутник. 05.03.1956 издаётся приказ о мероприятиях по реализации объекта Д. 14.06.1956 состоялось решение С. П. Королёва о компоновке ракеты-носителя для объекта Д. Практическое инженерное решение указанных выше проблем явилось основным содержанием проектирования первых космических летательных аппаратов. К этому следует добавить необходимость отработки вопросов точного выведения аппарата на заданную орбиту, работы наземного командно-измерительного комплекса и др. средств.

Работа по эскизному проекту самого спутника шла полным ходом. Часть моих сотрудников перешла на работу к С. П. Королёву, и они участвовали в этой работе. Разрабатывался как вариант Д, так и ОД. В августе стали получаться рецензии на эскизный проект. Параллельно был разработан и представлен на утверждение состав измерительных средств для Д.

25.09.1956 С. П. Королёв пишет тезисы об объекте Д, в которых указывает: «несомненно, что мы вступаем в новую область работ по ракетной технике, связанную с созданием межпланетных объектов или аппаратов или летательных машин». Он отмечает далее, что «создание спутника подготовлено всей предшествующей работой ряда организаций» и особо отмечает первые работы в этом отношении М. К. Тихонравова и

его группы. Эти тезисы (16 листов) были отправлены проф. А. А. Космодемьянскому [24].

Идёт сентябрь 1956 г. Происходит выделение (или разделение) ОКБ-1 из НИИ-88. В кратком положении о деятельности ОКБ-1 МОП в разделе «Цели и задачи» в первую очередь указываются ИСЗ.

28.09.1956 решением научно-технического совета при Специальной комиссии СМ СССР был одобрен эскизный проект спутника Д. Спутник Д – это, собственно говоря, третий советский ИСЗ.

01.11.1956 я был зачислен в штат КБ и назначен начальником отдела, основной тематикой которого были космические аппараты. Моим заместителем был Е. Ф. Рязанов [25].

В ноябре намечается разработка спутников для фотографирования поверхности Земли, ведутся исследования и расчёты по созданию корабля-спутника для полёта человека, исследования по созданию спутника-станции и эскизные проработки по перелёту космического аппарата на Луну.

3. Простейший спутник.

В это же время, по инициативе С. П. Королёва, начались работы по простейшему спутнику (ПС). Идея о ПС возникла из-за желания переиграть американцев, которые, не боясь конкуренции, не спеша готовили ИСЗ «Авангард». Переиграть американцев можно было, запустив раньше ПС, что имело бы огромное политическое и приоритетное значение. Тем более советская промышленность была готова к этому. Сам факт запуска первого в истории искусственного спутника Земли явился бы мощным стимулом для форсирования работ по исследованию и освоению космического пространства. И действительно первый спутник явился толчком для реализации целого ряда космических программ в нашей стране и за рубежом.

05.01.1957 С. П. Королёв сообщает В. М. Рябинову [26], председателю Специального комитета СМ СССР, проект Докладной записки в ЦК КПСС о пробном запуске ИСЗ, а министру оборонной промышленности Д. Ф. Устинову прямо пишет о подготовке двух ракет-носителей. Одной для пуска ИСЗ весом 40–50 кг, это и есть ПС, а другой для пуска ИСЗ весом 1200 кг, это примерно 3-й ИСЗ, т. е. объект Д. С. П. Королёв предлагает под-

готовить ракеты-носители к пуску в апреле-июне 1957 и просит создать координационную межведомственную комиссию. Пробный запуск ИСЗ перед запуском объекта Д имел второстепенное значение. Во всяком случае, идея ПС быстро получила сочувствие, и 25.01.1957 С. П. Королёв утверждает исходные данные по нему. Согласовываются технические условия по радиопередающему устройству для ПС. Постановление СМ по ПС подписывается 15.02.1957. В основу проектирования объекта ПС были положены следующие предпосылки:

а) ИСЗ должен быть максимально простым и надёжным, с тем, чтобы была обеспечена наибольшая вероятность успешного решения указанных выше задач. Вместе с тем технические решения по таким вопросам как обеспечение герметизации, терморегулирования и др. должны соответствовать решениям, заложенным в проекте более совершенных космических аппаратов, в частности – объект Д.

б) Корпус ИСЗ должен иметь сферическую форму с целью наиболее точного определения плотности атмосферы по эволюции орбиты при неориентированном полёте ИСЗ.

в) ИСЗ должен быть снабжён непрерывно работающим, не менее чем в двух диапазонах частот, радиопередающим устройством достаточно большой выходной мощности, порядка 1 Вт – для возможности приёма его радиосигналов на значительных расстояниях большим числом наземных станций и радиолюбителями, с целью получения статистических материалов о распространении радиоволн через ионосферу в различных условиях. **Характер сигналов должен обеспечить надёжное их опознавание.**

г) Антенная система ИСЗ должна обладать диаграммой, максимально приближающейся к круговой, с тем чтобы исключить влияние вращения ИСЗ на интенсивность принимаемых радиосигналов.

Для отработки методов измерения орбит по пассивному отражению сигналов радиолокаторов, на корпусе ракеты-носителя предусматривалась установка уголковых отражателей.

д) Энергопитание бортовой аппаратуры ИСЗ должно осуществляться от электрохимических источников тока с высокой удельной энергоём-

костью, обеспечивающих длительность работы аппаратуры не менее 2-3 недель.

Использование солнечных батарей в качестве основных источников энергии представлялось нецелесообразным, ввиду отсутствия надёжных данных об их работоспособности в условиях космоса (на объекте Д предусматривалась установка экспериментальных солнечных батарей для исследования их работы в условиях длительного полёта.

е) Для контроля давления и температуры на борту ИСЗ должны иметься датчики, изменяющие вид радиосигналов при падении давления и выходе температуры за пределы установленного диапазона.

ж) Размещение ИСЗ на ракете-носителе и схема его отделения должны обеспечить безотказность процесса отделения и раскрытия антенн.

Работы по ПС и по Д пошли параллельно. Далее мы будем говорить об одном только ПС, который был первым искусственным спутником Земли, и полёт которого ознаменовал открытие космической эры. Этому объекту придавалось большое значение, и Е. Ф. Рязанову было поручено уделять главное внимание ему. Техническое задание на радиопередающее устройство для ПС было выдано КБ М. С. Рязанского [27]. Оно должно было обеспечивать:

1. Мощность излучения 1 ватт, частоты около 20 и 40 мегагерц.
2. Передачу показаний двух сигнальных датчиков (давления и температуры внутри спутника) путём изменения соотношений длительности посылок радиопередатчика и пауз между ними.
3. Питание от батарей из 86 элементов типа СЦД-18 и 5 элементов типа СЦД-70.
4. Время непрерывной работы 14 суток. Радиоустройство должно быть выполнено в виде блока с габаритами 90 x 130 x 250 мм, весом не более 2,5 кг. Температура газа в объекте могла колебаться от -40°C до $+50^{\circ}\text{C}$, давление от 100 мм ртутного столба до 1,2 ата. Влажность была задана 80%.

Непосредственным исполнителем радиопередающего устройства был Константин Иосифович Грингауз [28].

В марте и августе 1957 г. разрабатывалась и уточнялась траектория активного участка ракеты

для вывода ПС на орбиту и самой орбиты. Эти данные сообщались в НИИ-4 и ОПМ, последнее должно было уточнить траекторию. 20.09.1957 состоялось заседание специальной комиссии СМ СССР по пуску ПС. Нужно было установить время пуска. Решено было сообщить в агентства печати о запуске ПС только после первого витка, т.е. после первого оборота спутника вокруг Земли. Было постановлено подготовить проект сообщения к 23.09.1957. Материалы по ПС в виде технического отчёта после этого заседания были посланы начальнику полигона генерал-лейтенанту А. И. Нестеренко [29]. Первый спутник, объект ПС, должен был обеспечить:

- практическую проверку процессов выведения ИСЗ на орбиту и отделения его от ракеты-носителя;
- получение данных о плотности верхней атмосферы, необходимых для расчётов эволюции орбит и длительности существования спутников на орбитах;
- отработку радиотехнических и оптических методов измерений орбит;
- изучение прохождения радиосигналов различной частоты через ионосферу;
- проверку принципов терморегулирования в условиях космического полёта и обеспечения герметичности.

4. Краткое описание первого советского искусственного спутника Земли

Первый советский ИСЗ имел герметичный корпус сферической формы диаметром 580 мм по наружному обводу. Корпус был выполнен из алюминиевого сплава и состоял из 2 полуоболочек, соединённых стыковочными шпангоутами. Герметичность стыка обеспечивалась уплотнительным кольцом из вакуумной резины прямоугольного сечения, закладываемым в кольцевую канавку одного из шпангоутов. Гермостык соединялся шпильками с резьбой. Передняя полуоболочка имела меньший радиус и закрывалась полусферическим экраном для обеспечения теплового режима. Четыре вваренные в неё фитинги служили для крепления оснований штыревых антенн. Задняя полуоболочка являлась одновременно радиационной поверхностью системы терморегулирования. Герметичный кор-

пус заполнялся сухим азотом при давлении 1,3 ата. Для заправки имелся специальный заправочный клапан и штуцер с заглушкой и уплотнением из вакуумной резины.

Внутри корпуса ИСЗ размещались: блок электрохимических источников тока (блок питания), радиопередающее устройство, вентилятор и воздухопровод системы терморегулирования, коммутирующее устройство, датчики температуры и давления, бортовая кабельная сеть. На задней полуоболочке корпуса ИСЗ имелся гермоввод для электроцепей. Блок источников тока состоял из 3 батарей серебряно-цинковых аккумуляторов. Он имел форму 8-гранной призмы (поперечный размер 450 мм, высота 270 мм) с центральным прямоугольным каналом «(170 x 130 мм), в который вставлялось радиопередающее устройство. Такая форма блока обеспечивала симметричную циркуляцию азота внутри герметичного корпуса и хороший съём тепла, выделяемого передатчиками. Блок питания крепился к стыковочному шпангоуту передней полуоболочки в 8 точках. Две батареи (из 86 аккумуляторов типа СЦД-18 и 5 типа СЦД-70) предназначались для питания радиопередающего устройства; третья батарея для питания вентилятора системы терморегулирования и коммутирующего устройства.

Радиопередающее устройство, имеющее индекс Д-200, включало два радиопередатчика, работавших на частотах 20,005 Мгц и 40,002 Мгц. Передатчики на лампах имели выходную мощность ~ 1 Вт. Сигналы, излучаемые передатчиками на каждой из частот, имели вид телеграфных посылок длительностью от 0,2 до 0,6 сек. Один из передатчиков работал во время паузы в работе другого. При замыкании и размыкании контактов датчиков контроля давления (барореле с настройкой $p = 0,35$ ата) и температуры (термореле с настройками $t_1 = +50^\circ\text{C}$, $t_2 = 0^\circ$) изменялись частоты телеграфных посылок и соотношение между длительностью посылок и пауз между ними (на каждой из частот), что обеспечивало контроль герметичности и изменения температуры внутри ИСЗ.

Конструктивно радиопередающее устройство было выполнено в виде блока с внешними габаритами ~ 100x130x390 мм мм, который с помощью амортизатора крепился к центральному

узлу передней полуоболочки корпуса ИСЗ; центрирование его в осевом канале блока питания и восприятие боковых нагрузок осуществлялись 6 пластинчатыми пружинами.

Антенная система состояла из четырёх штырей – двух длиной 2,4 м и двух длиной 2,9 м. Штыри антенн были установлены на изоляторах и имели пружинные узлы, изменявшие угол их установки при отделении ИСЗ. При установке ИСЗ на последней ступени ракеты штыри укладывались вдоль наружной образующей конического переходника (имевшего угол при вершине 46°) и удерживались в таком положении 8 зацепами; после отделения ИСЗ угол между противолежащими штырями увеличивался до $\sim 70^\circ$, что обеспечивало наилучшую диаграмму направленности антенной системы.

Система терморегулирования поддерживала стабильный температурный режим внутри ИСЗ при наличии переменных внешних тепловых потоков (полёт над освещённой стороной Земли, заход в её тень). Она включала двоярное биметаллическое термореле типа ДТК-34, вентилятор с электроприводом и воздухопровод, образованный внутренним диффузором и задней полуоболочкой гермокорпуса. Включение вентилятора производилось при температуре $t \geq 30^\circ\text{C}$; при этом циркулирующий азот осуществлял передачу тепла задней полуоболочке, внешняя поверхность которой имела коэффициент собственного излучения $\epsilon = 0,35 - 0,4$ при коэффициенте поглощения солнечной радиации $A_s = 0,23 - 0,27$ и являлась радиатором, излучавшим избыток тепла в космическое пространство. На внешнем экране значения оптических коэффициентов составляли $A_s = 0,2 - 0,25$; $\epsilon = 0,05 - 0,1$; на внутренних поверхностях $\epsilon = 0,8 - 0,9$.

При понижении температуры азота до $t = 20-23^\circ\text{C}$ вентилятор выключался, что приводило к значительному увеличению теплового сопротивления между радиационной поверхностью и внутренним объёмом ИСЗ и предотвращало дальнейшее снижение температуры. Аналогичная по принципу действия система терморегулирования с газовым контуром теплообмена предусматривалась и на других проектировавшихся в то время космических аппаратах (объект «Д», «Луна-1,2»).

Включение питания радиопередающего устройства и системы терморегулирования после выведения ИСЗ на орбиту производилось коммутирующим устройством (дистанционным переключателем) типа ДП-2, которое срабатывало при замыкании пяточного контакта в момент отделения ИСЗ от ракеты-носителя.

Отделение ИСЗ осуществлялось через сек. [30] после подачи команды на выключение двигателя последней ступени пневмотолкателем, с относительной скоростью 2,7 м/сек. Для дублирования было предусмотрено пиротехническое устройство отделения со скоростью отделения ~ 1,45 м/сек. Одновременно пружинным толкателем со скоростью 0,643 м/сек производилось отделение головного обтекателя, или защитного конуса, предохранившего спутник от аэродинамических и тепловых воздействий на участке выведения, при прохождении плотных слоёв атмосферы.

Последняя ступень ракеты-носителя с целью избегания возможного столкновения со спутником после его отделения, притормаживалась с помощью реактивной силы, создаваемой истечением газа из отверстия на верхнем днище бака окислителя за счёт оставшегося давления в баке.

Весовая сводка первого спутника:

А. Корпус спутника	13,9 кг
В том числе:	
1. Полуоболочка верхняя	5,8 кг
2. Полуоболочка нижняя	5,9
3. Экран	1,6
4. Прочие детали	0,6
Б. Аппаратура, бортовая кабельная сеть и источники питания	59,4 кг
В том числе:	
1. Блок источников тока	51,0 кг
2. Передатчик	3,5
3. Дистанционный переключатель	1,6
4. Вентилятор	0,2
5. Диффузор	1,2
6. Б.К.С.	0,7
7. Гермовводы и пяточный контакт	0,4
8. Крепления	0,8
В. Антенны	8,4 кг
Г. Детали общей сборки	0,3 кг.

5. Пуск первого искусственного спутника Земли

Для наблюдения за полётом 1 ИСЗ были организованы пеленгаторные пункты.

02.10.1957 С. П. Королёв подписал приказ по лётным испытаниям 1 ИСЗ. Руководителем испытательной команды был назначен Л. А. Воскресенский [31], начальником испытательной команды Носов [32]. 04.10.1957 этот приказ был утверждён Рябиковым. Пуск был назначен на 04.10.1957. За несколько дней до пуска каким-то образом возник ложный слух: американцы на днях запускают спутник. Будто бы кто-то слышал сообщение об этом по радио. Сергей Павлович принял все меры к тому, чтобы ускорить запуск нашего спутника. Так получилось 4 октября. Если бы не это обстоятельство, пуск произошёл бы на несколько дней позже.

Ракета-носитель, полностью снаряжённая и заправленная, весила 272830 кг. Она стартовала в 22 часа 28 минут 34 секунды 04.10.1957 по московскому времени. Скорость ветра у земли была 2 м/сек, а на высоте 12 км – 15 м/сек, давление у земли – 1004 мб, а температура – +15,9°C. Боковые ступени отделились на 119,5 сек после старта, а на 295 сек прибор управления скоростью выключил двигатели последней ступени, т. к. расчётная скорость достигла заданной величины. Было достигнуто 7770 м/с, больше расчётной ~ на 15 м/с. Отделение 1 ИСЗ от последней ступени ракеты-носителя произошло на 314,5 сек. С этого времени начали работать передатчики спутника, а угольный отражатель был раскрыт на 325,44 сек после старта. Он определял движение ракеты-носителя.

Конечно, запуск нашего спутника вызвал восторг у участников. Сообщение ТАСС слушали, когда бы оно ни передавалось. Два дня играла музыка, и были танцы, причём они продолжались всю ночь после пуска.

Наблюдения на первых пяти витках показали, что передатчик на волне 15 м прослушивается на расстоянии до 6-7 тысяч км. Над Москвой 1 ИСЗ прошёл в 1 ч 48 мин (по московскому времени) 05.10.1957. Время одного оборота составило 96,2 мин, наклон орбиты – 65°.

Определение координат траектории 1 ИСЗ радиолокационными станциями началось

06.10.1957 и продолжалось до конца 11.1957. До 05.11.1957 привлекалось большое количество станций, с 06.11.1957 вели наблюдения только станции в 10 пунктах. После 15.11.1957 выдача информации прекратилась, вероятно, разрушилась ткань на угольном отражателе на ракете-носителе.

Две станции вели засечки по ионизированному следу, возникающему в верхних слоях атмосферы при движении ракеты-носителя, которая тоже была ИСЗ! Два искусственных спутника Земли бороздили небо! Собственно народом наблюдалась ракета-носитель. Она хорошо была видна, и каждое прохождение её было событием и собирало в Москве небольшие толпы народа, особенно около планетария.

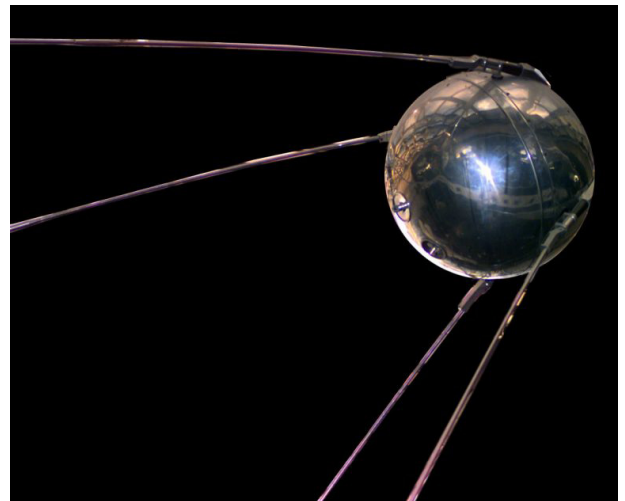
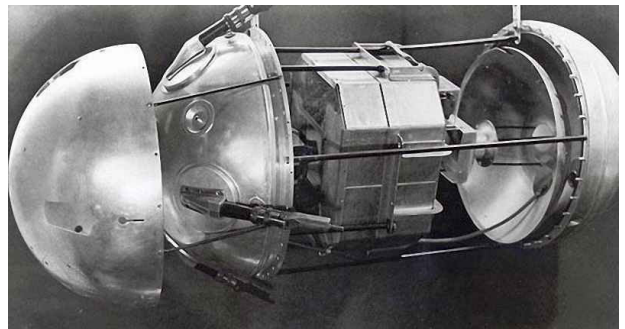
Я только один раз видел пролёт собственно спутника.

31.03.1958 был закончен технический отчёт «Проведение наблюдений за полётом простейшего искусственного спутника Земли», содержащий обработку полученных результатов. Во время полёта первого спутника определялись коэффициент поглощения радиоволн в ионосфере и влияние ионосферы на распространение радиоволн. В отчёте рассматривались вопросы определения электронной концентрации выше максимума слоя F_2 [33], коэффициентов поглощения радиоволн в ионосфере и использования эффекта Доплера. Сигналы передатчика 20 мегагерц наблюдались на расстоянии 6-8 тыс. км. Дальний приём достигал 16-17 тыс. км. Это объяснялось волноводным распространением радиоволн.

Оптические наблюдения позволили определить параметры траектории ракеты-носителя. Они велись с помощью труб АТ-1, обслуживаемых астрономами-любителями из числа студентов вузов и работников обсерваторий. Была определена звёздная величина спутника. Она оказалась для 1 ИСЗ равной 5-6, а для ракеты-носителя достигала 2. Оптические наблюдения использовались для непрерывного уточнения расчётных элементов орбиты, прогнозирования полёта спутников и выдачи целеуказаний для работы более точных приборов. Определялось время существования по изменению периода обращения по орбите.

Перед пуском второго ИСЗ 03.11.1957, помнится, я подсчитывал появление ракеты-носителя первого спутника и сообщал Сергею Павловичу. Он просил об этом. Один раз я ему позвонил по телефону. Он сказал: «Что же смотреть, всё небо в облаках». Но одна дыра среди них была, и я думал, что там-то и пролетит спутник. Я ответил: «Смотри в эту дыру». Действительно там ракета-носитель и пролетела.

МТ (условно, т.к. кое-где и кое-что не исправлено) [34].

Первый искусственный спутник Земли

Примечания

1. Ветров Георгий Степанович (1918-1997) – инженер-конструктор, историк космонавтики, биограф С. П. Королёва.
2. «Академик С. П. Королёв. Учёный. Инженер. Человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников. – М.: Наука, 1986. – С. 445-448.

3. Пашков Георгий Николаевич (1909-1993) – член Специального комитета Совета Министров СССР, Герой Социалистического Труда.
4. Чечулин Пётр Петрович (1906-1971) – начальник НИИ-4 Министерства обороны СССР.
5. Соколов Андрей Илларионович (1910-1976) – заместитель командующего артиллерией по реактивному вооружению, лауреат Ленинской и Государственной премий.
6. Мрыкин Александр Григорьевич (1905-1972) – начальник управления опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ Управления заместителя командующего артиллерией по реактивной технике, Герой Социалистического Труда. Лауреат Сталинской премии.
7. Королёв Сергей Павлович (1907-1966) – учёный, конструктор авиационных и ракетно-космических систем, начальник и главный конструктор ОКБ-1, академик АН СССР, Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.
8. Яцунский Игорь Марианович (1916-1983) – учёный и инженер-конструктор ракетной техники, член группы М. К. Тихонравова, лауреат Ленинской премии.
9. Максимов Глеб Юрьевич (1926-2001) – учёный и инженер-конструктор ракетной техники, член группы М. К. Тихонравова, лауреат Ленинской премии.
10. Бажинов Игорь Константинович (1928-2015) – учёный-баллистик, член группы М. К. Тихонравова, лауреат Ленинской и Государственной премий.
11. Солдатова Лидия Николаевна (1926-2004) – инженер-конструктор ракетной техники, член группы М. К. Тихонравова.
12. Келдыш Мстислав Всеволодович (1911-1978) – учёный в области математики, механики, техники, академик, президент АН СССР, математики МИАН, член-корреспондент АН СССР, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий, трижды Герой Социалистического Труда.
13. Охоцимский Дмитрий Евгеньевич (1921-2005) – учёный в области математики и механики, заведующий отделом Отделения прикладной математики МИАН, член-корреспондент АН СССР, академик РАН, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда.
14. Энеев Тимур Магометович (р. 1924) – учёный в области математики и механики, старший научный сотрудник Отделения прикладной математики МИАН, член-корреспондент АН СССР, академик РАН, лауреат Ленинской премии.
15. Егоров Всеволод Александрович (1930-2001) – учёный, математик и механик, сотрудник Отделения прикладной математики МИАН, лауреат Ленинской премии.
16. К заголовку имеется примечание: «В составлении этих заметок мне оказывал помощь Е. Ф. Рязанов, которым было, в основном, составлено краткое описание первого ИСЗ».
17. Устинов Дмитрий Фёдорович (1908-1984) – министр оборонной промышленности СССР, Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, лауреат Ленинской и Государственной премий, дважды Герой Социалистического Труда, Герой Советского Союза.
18. До 1 августа 1956 г. руководимое С. П. Королёвым ОКБ-1 находилось в составе НИИ-88.
19. Лавров Илья Владимирович (1920-1995) – сотрудник ОКБ-1, лауреат Государственной премии.
20. Номер корпуса вписан позднее, вероятно, при передаче воспоминаний Г. С. Ветрову.
21. Крюков Сергей Сергеевич (1918-2005) – инженер-конструктор, начальник отдела ОКБ-1, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда.
22. Имеется примечание: «Докладная К. Д. Бушуева Королёву 30.01.1956».
23. Скуридин Геннадий Александрович (1927-1991) – учёный в области космического пространства, заведующий отделом Отделения прикладной математики МИАН, лауреат Ленинской премии.
24. Космодемьянский Аркадий Александрович (1909-1988) – учёный-механик, заместитель Председателя научно-технического совета Специального комитета СМ СССР, лауреат Сталинской премии.

25. Рязанов Евгений Фёдорович (1923-1975) – ведущий специалист в области разработки РКТ, заместитель начальника отдела ОКБ-1, лауреат Ленинской премии.
26. Рябиков Василий Михайлович (1907-1974) – государственный деятель, организатор промышленности, Председатель Специального комитета СМ СССР, лауреат Сталинских премий, Герой Социалистического Труда.
27. Рязанский Михаил Сергеевич (1909-1987) – учёный-радиотехник, один из основоположников отечественной РКТ, директор и главный конструктор НИИ-885.
28. Грингауз Константин Иосифович (1918-1993) – конструктор радиоприборов РКТ, начальник лаборатории НИИ-885, лауреат Ленинской и Государственной премий.
29. Нестеренко Алексей Иванович (1908-1995) – начальник НИИП-5 Министерства обороны СССР (Байконур), генерал-лейтенант, лауреат Сталинской премии.
30. В документе значение промежутка времени отсутствует.
31. Воскресенский Леонид Александрович (1913-1965) – заместитель главного конструктора ОКБ-1 по лётным испытаниям, Герой Социалистического Труда.
32. Носов Александр Иванович (1913-1960) – заместитель начальника полигона Байконур по испытаниям и научно-исследовательским работам, Герой Социалистического Труда.
33. Верхний слой ионосферы, соответствующий высотам примерно 250-400 км, где плотность заряженных частиц достигает максимума.
34. Последняя фраза, вероятно, написана позднее, при передаче воспоминаний Г. С. Ветрову.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избранных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, [14-16 сентября 2017 г., г. Северодвинск: 16+] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова»; [сост.: Е. Н. Богданова, И. Д. Нефедова]. – Архангельск: КИРА, 2017. – 759 с.

Сборник включает избранные труды участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации» (14-16 сентября 2017 года). Материалы представляют комплексный анализ состояния и динамики проблем социально-экономического развития арктических регионов РФ, обоснование системы управленческих решений по эффективному достижению геополитических и макроэкономических целей государственной политики в Арктике, включая выбор инновационных направлений формирования высокотехнологичных кластеров, развития логистической инфраструктуры, кадрового потенциала, повышения качества жизни населения и устойчивости традиционной жизнедеятельности малочисленных народов Севера. Решение фундаментальных проблем хозяйственного освоения Арктики рассматривается авторами в контексте историко-экономической неотложности стратегии инновационного омоложения базовых технологий в всех отраслях экономики арктических регионов и согласования задач по военной, экономической и экологической безопасности их дальнейшего развития. Адресуется специалистам технических, естественнонаучных и гуманитарных научных направлений, федеральных, региональных и муниципальных органов власти, а также всем, кто интересуется вопросами инновационного развития Арктической зоны РФ. Подготовлено и издано при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-02-14032/17).

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 «УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ
 АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
 (14-16 СЕНТЯБРЯ 2017 г., СЕВЕРОДВИНСК)

14 –16 сентября 2017 г. в Северодвинском филиале Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации», которая была посвящена решению фундаментальных проблем хозяйственного освоения Арктики, заявленных в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Конференция проводилась при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант

№ 17-02-14032). В конференции приняли участие 415 участников, представляющих 132 организации из 22 российских регионов (в том числе всех арктических) и 11 иностранных государств (Австралия, Беларусь, Болгария, Великобритания, Канада, Китай, Нидерланды, Норвегия, Украина, Финляндия, Франция).

Партнерами конференции стали Ассоциация «СОВНЕТ», ЦЭПП Минпромторга РФ, Международный союз экономистов, НП «ЭнергоЭффект», Евразийский центр управления проектами, Координационный совет по развитию северных территорий и Арктики Российского союза про-

Начало работы конференции

мышленников и предпринимателей, Совет по экологическому строительству RuGBC, Вольное экономическое общество, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. Н. П. Лаверова РАН, ФГБУН Кольский научный центр РАН, ФГБУН Институт экономики Карельского научного центра РАН, ФГБУН Коми научный центр Уральского отделения РАН, ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», АО «Объединенная судостроительная корпорация», градообразующие предприятия Северодвинска (АО «ПО „Севмаш“», АО «ЦС „Звездочка“»), журнал «Редкие земли». В рамках конференции на протяжении трех дней работали 17 секций, 4 круглых стола, молодежная интерактивная площадка «Зеленый университет» и тренинг по проектному управлению для органов муниципальной власти. В дискуссию включились не только ученые, но и практики – специалисты-инноваторы градообразующих предприятий Северодвинска, а также представители коммерческих организаций, специализирующихся на проектировании и внедрении инноваций.

Результатом работы конференции стала разработка резолюции, получившей официальную поддержку Правительства Архангельской области. Обсудив приоритетные направления инновационного развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ), теоретические концепции и опыт реализации проектов по созданию, внедрению и продвижению инноваций, участники констатировали, что стратегическое управление комплексным

социально-экономическим развитием АЗ РФ является базовым условием инновационного прорыва российской Арктики, который может успешно осуществляться только на основе реализации интенсивных и масштабных научных исследований по максимально широкому спектру проблем.

Приоритетными направлениями инновационного развития Арктической зоны РФ участники конференции признали:

- Стратегическое планирование поэтапного комплексного освоения АЗ РФ; усиление внутренней экономической интеграции Севера с российским Югом.
- Обеспечение комплексной безопасности развития АЗ РФ (экологической, военной, социально-демографической, политической, экономической, информационно-психологической); изучение экологического потенциала ландшафтов.
- Развитие инфраструктуры и стабилизация социально-политического климата, способствующих реализации государственных и частных инициатив и проектов в целях устойчивого социально-экономического развития региона, сбережения и повышения качества жизни населения; формирование кадрового потенциала АЗ РФ; проведение эффективной молодежной политики.
- Внедрение инвестиционных, научных, образовательных, инфокоммуникационных проектов со странами-участниками ЕАЭС в рамках освоения АЗ РФ; под-

Выступает член-корреспондент РАН В. И. Богдавленский

Работает секция «Военная безопасность и геополитические интересы России в Арктике»

держка инновационного и социального предпринимательства, в том числе среди молодежи.

- Развитие топливно-энергетического комплекса в АЗ РФ; проведение геологоразведочных работ с использованием современных средств и материалов.
- Расширение возможностей цифровой экономики; практическое внедрение информационных технологий на всех уровнях управления; создание отечественного программного обеспечения, цифровых технологий при освоении месторождений углеводородов на арктических территориях; повышение уровня автоматизации и роботизации производств.
- Инновационное развитие судостроения и судоремонта.
- Совершенствование законодательства в сфере реализации прав, исполнения обязанностей и привлечения к ответственности в АЗ РФ.

Участники конференции отметили недостаточность координирующей деятельности государства по стимулированию инновационного развития АЗ РФ, пространственной организации и технологических изменений арктической экономики и социальной среды, позволяющих осуществлять ресурсно-техно-экологические «прорывы» в XXI век, подготовить кадры для инновационной

экономики и усилить влияние на внедрение инноваций на структуру и динамику роста валового регионального продукта северных субъектов РФ и качество жизни населения. Наряду с этим отмечена неотложность внедрения систем управления проектной деятельностью в практику работы администрации северных регионов.

I. Участники конференции считают **необходимым**:

1. Проведение экспертизы законодательных документов, программ и стратегий, определяющих социально-экономическое развитие АЗ РФ для обеспечения концептуально-логической связи между экономическими целями и социальными факторами с целью снижения негативных эффектов общеотраслевых реформ, усугубляющих чувствительность арктических территорий.

2. Устойчивое развитие и самообеспечение АЗ РФ: организация пространства и жизнедеятельности в контексте заповедности и экологичности, традиций и культуры. Создание высоких стандартов качества жизни и систем их обеспечения в арктическом регионе с учетом экстремальных природных и экономических условий.

3. Развитие предпринимательства и стимулирование несырьевой экономики в АЗ РФ. Финансово-экономическое поощрение субъектов бизнес-деятельности, иницирующих производство инновационных товаров (услуг) при достижении и сохранении показателя до 30–35% общего

объема производства в течение трех лет. Принятие и реализация региональных и муниципальных программ диверсификации крупных монопродуктовых производств в направлениях комплексной переработки природного сырья и накапливаемых техногенных ресурсов, получения конечной высоколиквидной продукции и экспорта ее избытков.

4. Совершенствование системы подготовки инновационных кадров; поддержка молодежных инициатив.

5. Развитие транспортной инфраструктуры в АЗ РФ. Установление единых ставок портовых сборов в федеральных морских портах Арктического бассейна для создания равных конкурентных условий иностранным и отечественным компаниям в целях существенного роста их хозяйственной деятельности и исключения предпосылок для снижения интереса перевозчиков к активному использованию трассы северного морского пути.

6. Совершенствование системы безопасности нефтегазовой отрасли. Усиление и ужесточение системы оценки воздействия на окружающую среду при разработке и эксплуатации месторождений. Управление отходами и внедрение малоотходных технологий. Законодательное закрепление приоритета переработки промышленных и бытовых отходов над их складированием, захоронением и сжиганием. Ограничение возможности лицензирования прав на недропользование в отношении природного сырья при наличии в регионе подобных ему техногенных ресурсов. Обеспечение условий для ликвидации отходов углесжигания с получением широкого ассортимента высоколиквидной продукции на базе новейших обогатительных технологий. Обязательное проведение общественных слушаний до начала разработки месторождений, гражданская и этнологическая экспертиза проектов, согласование с общинами коренных малочисленных народов. Развитие экологического страхования. Комплексное и системное возмещение вреда, наносимого водным биоресурсам и среде их обитания.

7. Информатизация сфер промышленного производства, внедрение отечественного программного обеспечения и производственного оборудования с системами цифрового управления.

8. Развитие проектного управления в АЗ РФ, которое должно основываться на геополитической и геоэкономической экспертизе разрабатываемых различными ведомствами, организациями и негосударственными структурами проектах развития АЗ РФ, нацеленной на выявление в них содержательного обоснования национальных интересов России в Арктике. Использование подходов управления проектами на всех уровнях как дисциплины, повышающей фокусировку на реализации необходимых целей, вовлеченности всех заинтересованных сторон, решении поставленных задач в условиях неопределенности. Учет арктической специфики при адаптации методологий управления проектами, в том числе для экологических и социальных проектов. Развитие национальных стандартов «зеленого управления» проектами. Введение финансовой ответственности проектанта за допущенные ошибки при разработке проектной документации.

II. Участниками конференции выработаны следующие предложения:

1. Воссоздание Госкомитета по науке и технике (ГКНТ) и учреждение Фонда опережающего развития Севера (ФОРС), объединяющего на принципах государственно-частного партнерства органы власти, крупный бизнес, специалистов и экспертов в области стратегического и инновационного менеджмента.

2. Создание в ресурсодобывающих регионах российской Арктики:

2.1. Интегрированных научно-производственных систем рационального и экологически безопасного недропользования полного технологического цикла (горнопромышленный комплекс, химико-металлургический комплекс, топливно-энергетический комплекс);

2.2. Экспериментальной тестовой площадки для отработки инновационных технологий освоения арктических (экстремальных) территорий;

2.3. Научно-инновационного кластера с налоговыми, социальными и другими преференциями для привлечения новых технологий, высококвалифицированных кадров и остановки оттока из арктического региона специалистов. Образование единого экономического пространства регионов АЗ РФ на основе создания территории опережающего развития с особыми условиями

регулирования внутри субъектов и между регионами для ускоренного инновационного развития. Создание технопарка на базе САФУ. Инициирование процесса организации Арктической мировой сети ноополисов как каркаса очагов и форпостов новой Северной цивилизации, где АЗ РФ могла бы выполнять функцию связывания материков и континентов Европы и Америки, Азии и Европы.

3. Создание автономных плавучих энерготехнологических комплексов на судах малой осадки для разработки и вывоза лесных и минеральных ресурсов из отдаленных и труднодоступных районов материковой части Арктики с использованием малых рек и внедорожных надземных транспортных средств. Внедрение проектов по снижению потерь при транспортировке сырья в арктическом регионе. Развитие беспилотного управления транспортными и технологическими машинами. Создание роботизированной техники для работы в ледовых условиях, в том числе автономно, и автономных энергетических комплексов.

4. Создание надземно-дистанционных региональных видеоинформационных систем мониторинга деятельности лесопромышленного, горнопромышленного и водохозяйственного комплексов в целях обеспечения рационального и экологически безопасного использования природных ресурсов. Внедрение отечественных наилучших технологий на действующих предприятиях горнопромышленного, химико-металлургического, топливно-энергетического комплексов и создание информационных систем мониторинга за их воздействием на среду обитания и здоровье населения. Развитие волоконно-оптических линий связи, создание крупных информационно-коммуникационных хабов в условиях арктического региона. Продвижение информационных технологий поддержки жизненного цикла продукции в области судостроения, судоремонта и эксплуатации морской техники. Развитие информационных технологий (космическая связь, геоинформационная система, Data Mining, Big Data). Создание единой информационной базы о ресурсах и геологических объектах в АЗ РФ.

5. Создание отечественного бурового оборудования для разведки и эксплуатации глубоководных углеводородных месторождений, включая акваториальные и материковые залежи

газогидратов, природных битумов и геогидротерм как альтернативного энергетического и энергохимического сырья.

6. Построение долгосрочных прогнозов изменений экологической обстановки в АЗ РФ для формирования экологической политики. Внедрение и сертификация руководителей компаний по экологическим стандартам работы в Арктических условиях. Строительство мусороперерабатывающих комбинатов на принципах частного и государственного партнерства, рост участия государства в экологических проектах, вовлечение в контроль за их исполнением заинтересованных граждан. Организация производства и многоцелевого использования флококоагулянта (алюмосиликатного реагента) – эффективного компонента водоочистки, сгущения осадков, пылеподавления, тампонажа скважин, герметизации твердых бытовых отходов на полигонах и складированных дисперсных токсикантов. Внедрение инновационной системы ликвидации разливов нефти с нефтяных платформ и магистральных нефтепроводов с использованием конструкций Объединенный институт высоких температур РАН и АСР. Внедрение экономического моделирования последствий изменения климата в АЗ РФ при разработке новых месторождений и строительстве новых объектов производственного и жилого назначения.

7. Организация ежегодного мониторинга кадровых потребностей предприятий и организаций на территориях АЗ РФ в целях оперативной адаптации содержания образовательных программ под потребности арктической экономики. Внедрение государственной целевой программы «Молодежь Арктической зоны РФ».

8. Дополнение системы Евразийского стандарта управления проектами расширением «Управление проектами в АЗ РФ». Комплексное построение систем управления проектной деятельностью в администрациях северных регионов. Развитие системы обучения и сертификации управляющих проектами и программами в арктическом регионе. Реализация пилотной программы «Построение системы управления жизненным циклом крупносерийных проектов кораблей путем эволюционного развития и интеграции наработок всех участников на основе методики управления программами» и ОКР «Разработка

После секционных заседаний – знакомство с АО «ПО „Севмаш“»

типового проектного решения информационно-технологической поддержки управления заказами судоремонтного завода».

9. Решение «пробельных» вопросов в международном и национальном праве: создание международного арктического права; распространение норм Полярного кодекса на судовладельцев, работающих в АЗ РФ; разработка требований РФ по международному признанию прав на новые участки шельфа; совершенствование федерального законодательства по правовому регулированию АЗ РФ в целях определения критериев отнесения сухопутных территорий к АЗ РФ; принятие федеральных законов, определяющих правовую основу возможности применения технологии концептуального проектирования нормативных документов для целей правового регулирования освоения АЗ РФ, о развитии АЗ РФ, о реестре коренных малочисленных народов АЗ РФ, «Об арктическом туризме», «О северном оленеводстве АЗ РФ»; введение на законодательном уровне системы государственного биологического мониторинга как составной части единой государственной системы экологического мониторинга; совершенствование уголовного законодательства РФ (на основе существующей судебной и правоприменительной практики) по вопросам незаконной добычи биологических ресурсов; принятие правовых норм

о безопасности мореплавания (в том числе по вопросам защиты прав коренных малочисленных народов при осуществлении судоходства и водопользования), а также принятие нормы об отказе от использования судового остаточного топлива в Арктике; приведение законодательства субъектов АЗ РФ по вопросам защиты прав КМНС в соответствие с федеральными стандартами, а также учет регионального опыта; совершенствование законодательных механизмов обеспечения кадровой потребности АЗ РФ и трудовой занятости населения; совершенствование правового механизма передачи патентов САФУ предприятиям.

Основными разработчиками текста резолюции выступили Кефели И. Ф., Богданова Е. Н., Баланцев Г. А., Богданов В. В., Бусарев А. А., Витязев М. В., Губайдуллин М. Г., Ершова И. В., Задорин М. Ю., Зальвиский Н. П., Замятина Н. Ю., Иванова М. В., Каторин И. В., Кремлева Л. В., Майоров С. В., Максимов А. М., Малыгин В. И., Мелентьев Г. Б., Нефедова И. Д., Осипова Е. Э., Палагин В. С., Пластинин А. О., Савельев И. В., Сапрыкина Н. А., Скрипченко Н. Ю., Софронова Е. А., Товб А. С., Торцев А. М., Фаузер В. В., Федотовских А. В., Цехмистрова Т. Е., Чевыкалов С. В., Шостенко Д. Н., Щетинин А. И., Юрьев А. В.,

Е. Н. Богданова

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ. 30 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА, ЕРЕВАН)

Парламентская ассамблея ОДКБ и Национальное Собрание Республики Армения 30 сентября 2017 г. провели в Ереване межпарламентские слушания по вопросам эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях. Открыл заседание Хосров Меликович Арутюнян – председатель Постоянной комиссии ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству, председатель Постоянной комиссии Национального Собрания Республики Армения по экономическим вопросам.

Ниже публикуются материалы выступлений ряда участников слушаний – членов Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по политическим вопросам и международному сотрудничеству и экспертов, а также Рекомендации межпарламентских слушаний по вопросам эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях (30 сентября 2017 года, Ереван. Утверждены постановлением Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 13 октября 2017 года, № 16) и выступление председателя этой комиссии Х. М. Арутюняна по итогам межпарламентских слушаний (Санкт-Петербург, Мариинский дворец, 13 октября 2017 года). Статьи О. С. Макарова, А. А. Марджаняна и Д. В. Перевалова, принимавших участие в слушаниях, публикуются в данном номере журнала.

Кефели И. Ф.

Геополитическая экспертиза рисков и шансов реализации проекта «Большая Евразия»

Кефели Игорь Федорович,

доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, первый вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт РАН, советник РАН

Проблема обеспечения евразийской безопасности непосредственно касается всех государств-членов Евразийского экономического союза ЕАЭС. Для них щитом безопасности выступает ОДКБ, зоной ответственности которой, согласно

«Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», являются «территории государств – членов Организации, ограниченные участками государственной с другими государ-

ствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ». А это – 20,5 млн км², т.е. 37% всего евразийского пространства. Следует обратить внимание на то, что в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (от 30. 11. 2016 г.), во-первых, указывается на четкое разграничение трех регионов евразийского континента: – Евро-Атлантического, Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского. Во-вторых, определена стратегическая задача: формирование «общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В-третьих, отмечается, что «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе... как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <...> и настроена на формирование... пространства совместного развития государств – членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82). По крайней мере, уже эти три пункта дают основание утверждать, что теперь не только концептуально, но и опираясь на официальный документ, следует утверждать о признании евразийства как концепции дальнейшего развития государства Российского.

Россия трансформируется из восточного фланга несостоявшейся Большой Европы (а если расширить масштаб – от «Der Untergang des Abendlandes» О. Шпенглера к «Закату Большой Европы» сегодня) и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии (Great Eurasia). Генри Киссинджер в своем выступлении 4 февраля 2016 г. на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова в Москве по-своему объяснил отмеченную выше трансформацию и суть геополитического противостояния США и России: «В зарождающемся многополярном мире Россия должна

восприниматься в первую очередь не как угроза США, а как важная часть системы глобальной стабильности» (URL: <http://gorchakovfund.ru/print/news/18353/>). Среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции основана на моделировании многоагентного взаимодействия геополитических акторов коалиций государств. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от «геополитической беллетристики» к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов глобальной геополитики методами теории игр и на Кондратьевских циклах глобального развития. В таком случае для формализации процессов конвергенции национальных интересов государств в рамках геополитических союзов необходимо прибегнуть к обоснованию модели конфликтного распределения затрат агентов (государств, входящих в коалицию – геополитический союз). Для всякой функции полезности коалиций $C(K)$ существует единственный вектор распределения полезности $\Phi(C)$ – вектор Шепли. Теория игр позволяет определять скрытую логику взаимодействия геополитиче-

ских акторов полицентричного мира, а теория Кондратьевских циклов глобального развития – прогнозировать это взаимодействие на перспективу. Последние должны присутствовать при осуществлении геополитической экспертизы проекта «Большая Евразия» и планов дальнейшего освоения Арктики.

На церемонии открытия 14 мая 2017 г. в Пекине Международного форума «Один пояс, один путь» Владимир Путин заявил, что «Большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а,

без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремлённый в будущее». Так евразийство, разрабатываемое учеными и мыслителями, превращается из умозрительной идеи в геостратегию партнерства цивилизаций и объединений Большой Евразии (URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>). Таковы геополитические риски и шансы России, предполагающие необходимость осуществления геополитической экспертизы многочисленных проектов становления Большой Евразии.

Грошиков К. К.

Финансово-экономический фактор в гибридных войнах

*Грошиков Кирилл Константинович,
кандидат юридических наук, советник нормативно-правового отдела
Юридического управления Росфинмониторинга*

В тактике ведения гибридной войны используются все возможные способы деструктивного воздействия на государства, при этом экономическое воздействие в разрушительных целях определяется наличием ряда факторов. Анализ рисков и уязвимостей государств, которые являются элементами гибридной войны, позволил выявить следующие виды деструктивной финансовой активности. Прежде всего, следует выделить введение отдельными государствами или группами государств необоснованных экономических санкций в отношении каких-либо государств или территорий, целью которых является подрыв нормальной экономической деятельности региона, возникновение социальной напряженности, утрата государствами обладания высокими технологиями.

В процессе осуществления гибридных операций санкциям поддается сотрудничество в

высокотехнологичной сфере, сфере производства и оборота жизненно важных лекарственных препаратов. Данные санкции имеют не столько охранительную, сколько откровенно наступательную природу, факультативной целью которой является дискредитация руководства стран, создание социальной напряженности, и управляемого хаоса в регионе.

Родственным по отношению к санкционной политике является использование в качестве рычага влияния на страну или регион монополистов в области финансовых технологий. Здесь, прежде всего, стоит упомянуть о Сообществе всемирных интербанковских финансовых телекоммуникаций «SWIFT» является ведущим международным объединением в сфере передачи финансовых сообщений. Принятие решения относительно отключения государства от данной системы, имеющей монополистиче-

ское положение на рынке обмена финансовой информацией, грозит серьезным ухудшением финансового положения государства вследствие разрыва значительного числа экономических связей. В 2012 г. данный инструмент в качестве элемента гибридной войны был использован против Ирана, что оказало серьезное негативное воздействие на экономику страны. Потенциальную уязвимость создает доминирующее положение на рынке платежных инструментов двух компаний – Visa и Mastercard. На сегодняшний день они являются абсолютными лидерами в области международных карточных платежей. Безусловно, отключение государств от данных платежных инструментов не будут иметь таких же катастрофических последствий, как в случае с системой SWIFT, однако, виду потенциального создания неудобств в расчетах, данный шаг может вызвать социальную напряженность и быть использован в качестве элемента гибридной войны.

Недружественные намерения использования финансовых технологий и проведения санкционной политики диктуют необходимость укрепления национальных платежных систем и экономик. Например, в статье Керстина Коенберга «Супероружие господина Глейзера», опубликованную в немецком издании «Die Zeit» [URL: <http://www.zeit.de/2014/44/financial-warfare-sanktionen-russland>], посвященной возможностям подразделения финансовой разведки США в рассматриваемом аспекте гибридной войны, говорится о том, что санкции могут не ослабить, а укрепить режим государства, в отношении которого предпринимаются враждебные меры.

Так, отказ от поставок определенной продукции может спровоцировать его производство на территории государства. Отключение страны от определенных инструментов финансовых технологий заставит национальных экспертов и правительства искать альтернативные решения данного вопроса, что стихийно будет формировать многополярность мира, движение в сторону паритета финансовых возможностей. В частности, вызовы, связанные с возможным отключением Российской Федерации от системы SWIFT, а также от систем карточных расчетов, подвигло к созданию Банком России альтернативного канала Системы передачи финансовых

сообщений, позволяющего в случае отключения российских банков от системы SWIFT проводить межбанковские расчеты – пока на национальном уровне. Для предупреждения недружественных санкционных актов государствам следует укреплять национальные платежные системы и приоритет в сотрудничестве, особенно высокотехнологичном и социально значимом следует отдавать надежным союзникам, хорошо зарекомендовавшим себя на протяжении многих лет.

Другой аспект финансового фактора в гибридных войнах выражается в непосредственной финансовой помощи террористическим и экстремистским организациям на территории определенного государства, в финансовой поддержке частных военных компаний. Нередко для данных целей используются некоммерческие организации, работающие в стране под видом выполнения социально полезных функций.

Одним из последних вызовов в области финансовых технологий, является криптовалюта. Этот инструмент хорошо зарекомендовал себя в кругах представителей высокодоходной организованной преступности, прежде всего, в силу анонимности транзакций при расчетах. В настоящий момент отсутствуют заслуживающие внимания исследования о ценообразовании криптовалют, их влиянии на курсы фиатных валют, процесс инфляции в государствах. Безусловно, криптовалюта имеет высокий потенциал использования в качестве средства ведения гибридной войны. Для его минимизации государствам следует предпринять меры по нейтрализации возможных угроз.

Применяя международные стандарты по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (Рекомендации ФАТФ), на организации, конвертирующие криптовалюту в фиатную валюту (криптовбиржи, обменные пункты) могут быть возложены обязанности по идентификации клиентов и направлению в подразделение финансовой разведки сообщений о подозрительных операциях. Такой подход коррелирует с Руководством ФАТФ по применению риск-ориентированного подхода для виртуальной валюты, принятым в 2015 г. В целях деанонимизации транзакций с использо-

ванием криптовалют государства могут использовать специальное программное обеспечение. Так, Европейский союз в 2017 г. запустил проект «TITANIUM» (Tools for Investigation of Transactions in Underground Markets), рассчитанный на 3 года и направленный на разработку механизмов и рекомендаций по расследованию противоправных действий с криптовалютами. Ряд государств сотрудничают с частными компаниями в целях разработки и использования специального программного обеспечения, направленного на деанонимизацию транзакций в криптовалюте, в том числе противодействие использованию «миксеров» (специально созданных программ, затрудняющих выявление пользователей криптовалюты), а также выявление лиц, проводящих такие транзакции, в случае подозрения в отмывании преступных доходов. Подобные разработки ведутся в США, Канаде, Великобритании, Люксембурге, Дании и других странах.

Мониторинг операций заключается в исполь-

зовании общедоступных, а также доступных в силу особых полномочий государственных органов данных при автоматической работе программ-«деанонимайзеров» (программ, предназначенных для определения личности анонимных пользователей, оставляющих комментарии на форумах или аналогичных сервисах. – *Ред.*). Правоохранительные и иные компетентные органы анализируют, в частности время, размер транзакции, номера электронных кошельков, анализу также подвергаются номера IP-адресов, получаемые криптобиржами, обменниками криптовалюты. В том случае, если позволяет правовой режим оборота криптовалюты, ее пользователи могут быть идентифицированы по адресу доставки товара, купленного в интернет-магазине. Таким образом, существует огромный потенциал использования финансовых технологий в гибридных войнах, поиск путей противодействия которому должен осуществляться на постоянной основе.

Палалич Й.

Балканский опыт в гибридных войнах

Йован Палалич,

член постоянной делегации Народной Скупщины Республики Сербия в Парламентской Ассамблее Организации Договора о коллективной безопасности

Гибридная война, как она сегодня определяется, практически существует в различных формах. После окончания холодной войны, распада СССР и быстрого развития технологии гибридная война заняла одно из самых важных мест в стратегии западных стран при защите состояния установленного после. Во многих случаях инструменты ведения гибридной войны дали им желаемые результаты при осуществлении поли-

тического, экономического и военного контроля над определенными территориями. В случае, когда у них не получалось таким образом установить желаемую ситуацию в определенных странах или регионах мира, они открыто прибегали к военному вмешательству, нарушая нормы международного права.

Учитывая опыт моей страны, Сербии, да и Балкан в целом, я в своем докладе сосредото-

чился на том, что пережили мы, потому что как раз на нас в девяностые годы были опробованы различные типы гибридной войны, которые впоследствии были применены в других частях мира. К сожалению, мы не только пережили самые радикальные формы ведения такой войны, как, например, экономические санкции и блокады, но и военные операции, повлекшие многочисленные разрушения и жертвы. Парадокс этой военной агрессии, что она сама была частью гибридной войны, с четкой целью смены власти в моей стране. На примере Югославии, которая распалась в огне гражданских войн и иностранных военных интервенций, сепаратистских движений, создания новых, до тех пор неизвестных наций, экономических санкций и блокад, лучше всего было видно, каким образом Запад решает вопрос контроля над определенной территорией. От ответа на условие Запада – ПОДЧИНИСЬ! зависели меры, которые будут применены по отношению к вам. Из-за реакции самого многочисленного сербского народа, который хотел самостоятельно решать свою судьбу, и без которого новая организация государства и его политики была невозможна, Запад решил разбить Югославию с применением методов ведения гибридной войны. Сначала нужно было найти виновника в распаде государства и начавшихся гражданских войнах. Ими оказались как раз сербы, не согласившиеся терять свободу и суверенитет. Началась информационная кампания невиданных размеров, в которой сербы были представлены в худшем свете, и обвинены в том, что они являются преступниками и не должны иметь право на существование. В кампании участвовали глобальные СМИ, интеллектуалы якобы левой ориентации, ученые. Внутри самой Сербии были созданы неправительственные организации, финансируемые извне, с четкой целью поддержки таких позиций. В качестве дополнительного вида давления на раннем этапе гибридной войны против сербов появились требования о бомбардировках. Вскоре были введены экономические санкции и организована блокада экономического сотрудничества с Сербией под угрозой возмездия по отношению ко всем, кто их нарушает. Знакомо, не так ли? Президент государства был объявлен главным злодеем на Балканах, с заголовками в

американских СМИ о том, что он «Балканский мясник», а руководство страны помещено в черный список. Сербские жертвы в гражданских войнах в Боснии и Хорватии игнорируются, а показываются исключительно жертвы другой стороны. Был сформирован уголовный суд в Гааге, который в 90% случаев выступал судом над сербами, а его обвинительные заключения были основаны на лжи и не имели под собой доказательной базы.

Основной целью той гибридной войны против Сербии была смена власти, формирование новых элит, которые примут условие – ПОДЧИНИСЬ! Эта элита признает сербскую вину за войну, государство с небольшой территорией и без существенной военной силы введет в круг евро-атлантической интеграции и в НАТО, с ослабленной экономикой и СМИ в руках иностранных компаний. Учитывая, что в этой первой фазе гибридной войны власть не была свергнута, они начали второй этап, который должен был привести к окончательному разрушению Сербии. Началась открытая поддержка террористических групп в Косово, целью которых являлся сепаратизм. Начиная с фотографирования высших представителей Госдепа на террористических базах заканчивая медийными манипуляциями Уильяма Уокера, в косовской деревне Рачак, когда сербы были обвинены в убийстве гражданских лиц, хотя это были террористы, которые были убиты в ходе столкновения с сербскими силами безопасности. Несмотря на то, бомбардировка Сербии была запланирована еще весной 1999 г., искали только предлог, который был найден в этой медийной лжи и дезинформации Уокера. Некоторые источники сообщали, что бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, увидев новость, заявила, что в этом году весна пришла слишком рано. Бомбардировки Сербии и оккупация Косово были направлены на уничтожение сербской экономики и материальной основы независимости, а также нарушения патриотического духа сопротивления и создания уныния и гнева среди людей, что привело бы к смене власти. Обвинения в суде в Гааге против руководства Сербии за так называемые преступления являлись дополнительным давлением.

Поскольку отсоединением Косово и трехмесячными бомбардировками Сербии не была достигнута главная цель, начался последний этап гибридной войны. Это первая и широко известная цветная революция, которая стала образцом для всех последующих революций на территории бывшего СССР. Объединение всех прозападных политических сил в борьбе против правительства, создание из молодежной среды групп ненасильственной борьбы, экономические санкции, политическая изоляция, уголовное преследование и обвинительные заключения – таковы были основные средства ведения гибридных операций. К ним добавлялись постоянное давление СМИ, обвинения в автократии и в отсутствии демократии, распространение апатии, безнадежности и гнева среди граждан и подстрекательство к бунту и т.п. Последним ударом была классическая революция в Белграде, завершившаяся захватом СМИ, полицейских участков, Парламента. Смена власти после десятилетия гибридной войны против Сербии разрушила экономику и армию и падение во влияние НАТО, утвердила западный контроль над СМИ и образованием, способствовала внедрению западных ценностей в обществе. Государство потеряло свою свободу и независимость, право на независимую национальную политику.

Реакция на эту гибридную войну против Сербии была неадекватной. Медийная реакция на распространение лжи и дезинформации была плохой, особенно за рубежом. Созданная картина вины и ответственности сербов остается до сегодняшнего дня. Неправительственными организациям, которые финансируются извне, давали возможность работать без какого-либо контроля финансирования и целей. Не развивался естественный национальный патриотизм, свойственный народным традициям. Государственные институты были слабыми, кадровая политика была некачественной, она основывалась не на знаниях и патриотизме, а на послушании и карьеризме. Процветала коррупция. Преданность государству была призрачной. В воздухе чувствовалось предательство, которое проявилось в дни переворота. Ключевая ошибка заключалась в размышлении, что можно пойти на компромисс,

подаваясь в якобы менее важных пунктах. Но, именно эти пункты стали основой для дальнейшего расширения гибридных средств войны: не трогай неправительственные организации, которые мы финансируем, не трогай СМИ, которые мы контролируем, не трогай наших людей в оппозиции, не трогай наши кадры в учреждениях, про которых вы знаете, что они работают против государства. И еще много таких пунктов. Не распознавалась истинная природа опасности такого рода войны, которая часто невидима и имеет много скрытых методов. Ее результат обнаруживается, когда вы менее всего ожидаете. Не хватало бдительности государства в каждом ее сегменте. Необходимо было быть постоянно бдительным.

Эта война все еще продолжается на наших просторах. Возникает вопрос: почему, когда все выглядит так, как будто все кончено? Это не так. Цель – Сербия была полностью подавлена а ее независимость уничтожена. Мы не вступили в НАТО, и не собираемся. Мы продолжаем бороться за Косово и права сербов на Балканах. Мы хотим дружественных отношений с Россией, странами-членами ОДКБ, Китаем. Мы не введем санкции России. Мы хотим проводить собственную государственную политику, следуя нашим интересам. У нас сильное и стабильное правительство и президент. Мы начали восстановление экономики. Мы строим государство и его институты. Создается впечатление, что мы извлекли некоторые уроки из прошлого, потому что мы медийно работаем четче и сильнее, потому что мы не отвечаем на провокации, потому что мы призываем к диалогу, потому что мы усиливаем патриотические чувства, потому что указываем на характер неправительственных организаций, которые распространяют уныние и пораженчество, потому что призываем к диалогу и обмену мнениями, обновляем армию и военную мощь, укрепляем экономическую мощь и государственные институты. И это может быть наша судьба, и мы знаем, что это не закончится. Мы видим и новые формы, особенно – твиттер, facebook. На каждое условие в истории – ПОДЧИНИСЬ! мы не знали иначе отвечать, как – СВОБОДА!

Арутюнян Г. А.

Идеология – критическая сфера в гибридных войнах

Арутюнян Гагик Ашотович,
директор Научно-образовательного фонда «НОРАВАНК» (Республика Армения)

Важнейшей компонентой в перманентных гибридных противостояниях является война против духовных и интеллектуальных ресурсов. В этом контексте актуально формирование как защитных механизмов этих ресурсов, так и разработка ответных действий против условного противника. Для проведения подобной работы необходимы соответствующие знания и умение эффективно управлять ими. Важнейшим элементом подобного рода знаний является информация о критических инфраструктурах, и нелишне отметить, что это понятие имеет глубокие исторические корни: легенда об «ахиллесовой пяте» является, пожалуй, первым упоминанием (правда, в аллегорической форме) о критической инфраструктуре в военных делах. В дальнейшем это понятие нашло свое развитие, и новые интерпретации «критических инфраструктур» появились в указах президента США и законодательных актах других государств, в том числе России. Известно, что определение критических инфраструктур в технологическом сегменте является непростой, но решаемой задачей, т. к. технические системы подчиняются строгим законам. Намного сложнее установить критические инфраструктуры в общественной сфере, т. к. в этом случае необходимо учитывать национальную специфику, систему ценностей, менталитет общества, не сбрасывая со счетов общность и антагонизм данного общества с другими: известна поговорка – «что русскому хорошо, то немцу смерть». К тому же, так называемый «человеческий фактор» весьма непредсказуем, и потому определение критических инфраструктур в общественной сфере является

непростой задачей. Вместе с тем есть основания полагать, что перечисленные иррациональные факторы наиболее выпукло проявляются в той идеологической системе, которая царит в данном социуме. Поэтому корректно предположить, что идеология является одной из важнейших критических инфраструктур того или иного социума.

Вспомним, что существуют две универсальные идеологии: социалистическая (основной постулат которой – принцип социального равенства в обществе) и либеральная (в основе лежит приоритет свободы личности). Подобная классификация обусловлена тем, что содержание принципов, составляющих смысловую основу этих идеологий, в той или иной степени может использоваться практически всеми обществами, независимо от их этнических и религиозных представлений. Идеологии же национально-консервативного толка опираются на свойственную конкретному социуму ценностную систему. Известно, что с течением времени идеологии, несмотря на незыблемость их основных постулатов, подвергаются определенным изменениям. Иногда это приводит к положительным результатам, но случается и наоборот. Однако наибольшие испытания для идеологий наступают в двух крайних случаях:

- Идеология обретает долгосрочную монополию и абсолютное доминирование. Это приводит к тяжелым последствиям. Пример тому – установление монополично-бюрократической модификации социализма в Советском Союзе, что в итоге привело к распаду СССР. Нечто подобное

мы наблюдаем сегодня в США, где либерализм приобретает тоталитарный характер, и это также чревато последствиями.

- На определенном этапе развития общество может подвергаться тотальной деидеологизации, как это имело место в 1991 г. в СССР. В тот период слово «идеология» звучало как ругательство, а последствия деидеологизации не нуждаются в комментариях.

Между тем общества, способные в продуманных пропорциях совмещать либеральную, социалистическую и национально-консервативную идеологии, демонстрируют прогресс и развитие. Подчиняющую этой закономерности «полиидеологическую» систему мы назовем «идеологической триадой». Подобная триада развивает духовные, интеллектуальные и экономические ресурсы общества, а политической системе придает большую гибкость.

Китайская модель. В этом контексте особого внимания заслуживает «китайское чудо». Всего лишь три десятилетия назад Китай по всем параметрам уступал передовым странам. Ситуация изменилась, когда Дэн Сяопин внедрил в монопартийной системе элементы либерализма и национального консерватизма (конфуцианства). Однако были сохранены все преимущества «руководящей» коммунистической идеологии и «социализма с китайской спецификой». В результате Китай стал сверхдержавой и лидером практически во всех сферах, а номенклатура и основанные по указу Госсовета «мозговые центры» разрабатывают инструкции для эффективного режима функционирования.

Англосаксонские технологии. Для англосаксов характерна идеологическая толерантность: носители консервативных и лейбористских концептов разработали взаимодополняющие механизмы и совместно действуют на либеральном идеологическом поле, которое близко к англосаксонскому менталитету. США, переняв политическую логику британцев, проигнорировали важность социалистической компоненты, и поэтому либерализм, особенно в период монополярного мирового уклада, принял тоталитарно-агрессивный, экспансионистский характер. Этому способствует также формирование гиперлиберальной идеологии – нетизма (Netism) в

виртуальном киберпространстве. В итоге турбулентность охватила весь мир, а США стали утрачивать позиции мирового лидера.

Россия. Менталитету значительной части российского общества близки социалистические ориентации, основой которых является традиционный уклад русской сельской общины, и этим фактором обусловлены успехи, достигнутые в СССР. Нынешние российские власти стремятся совмещать разные идеологические течения, что дает положительные результаты. Вместе с тем на нынешнем переходном этапе складывается впечатление, что инструкции для эффективного функционирования пишутся пока из одного центра, и это является следствием упадка интеллектуальных ресурсов.

Исламский мир. В исламском мире наблюдается тенденция развития идеологии религиозного консерватизма, крайней формой которой является ИГИЛ. Однако те страны, которые сумели совместить религиозный традиционализм (содержащий в себе представления о социальной справедливости) и либеральные, а также чисто национальные подходы, существенно улучшили свое положение в международном сообществе. Такой страной является Иран, где удалось интегрировать ислам, персидские цивилизационные традиции и элементы демократического либерализма.

Что делать? Однако вернемся к проблемам гибридных войн, фигурантами которых являются и страны-члены ОДКБ. Складывается впечатление, что идеологические аспекты не всегда в полной мере учитываются в нашем содружестве. Это сказывается как на союзнических отношениях внутри организации, так и на действиях во внешнем фронте, т. е. чувствуется **дефицит инструкций для эффективного режима функционирования в целом.** Возможно, следует подумать о том, чтобы по примеру США и КНР формировать сеть «мозговых центров», которые разрабатывали бы соответствующие инструкции. Главным оружием войн пятого поколения будут разум и когнитивные способности противостоящих сторон. Думаю и надеюсь, что в наших странах есть все необходимые интеллектуально-духовные ресурсы, умелая мобилизация которых позволит не только не отставать на этом фронте, но и выйти вперед по многим позициям.

Тавадян А. А.

Возможности экономического противостояния гибридным войнам

Тавадян Ашот Агасиевич,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономико-математических методов Армянского государственного экономического университета, руководитель Центра экономических исследований, член экспертного совета Евразийского банка развития

Страны ОДКБ стояли перед угрозой потери не только единого гуманитарного пространства и общего правового поля, но и ослабления взаимосвязанного экономического и оборонного потенциала. Координация и укрепление экономических связей и военно-политического сотрудничества стало жизненной необходимостью. Центр экономических исследований в работе «Армения и ТС: оценка экономического эффекта интеграции» (<https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/armeniya-i-ts-otsenka-ekonomicheskogo-effekta-integratsii/>) первым еще в 2013 г. обосновал необходимость вступления Армении не только в ОДКБ, но и в ЕАЭС. Мы показали, что при вступлении в ЕАЭС имеется возможность дополнительно увеличить рост ВВП на 1-2%. При невступлении же в ЕАЭС годовой ущерб составил бы 500 млн долл в год, а при неподписании ассоциативного соглашения с ЕС потери составили бы примерно 30 млн долл в год. Однако дело не только в этом. Ключевой фактор – сценарий развития. Первый сценарий: расширять сферу услуг, увеличивать внутреннее потребление за счет кредитов, грантов, продажи стратегического сырья, или второй сценарий – обеспечить развитие экономики за счет военно-промышленного комплекса, существенного роста экспорта готовой продукции. Выбор очевиден.

Для развития нашей страны соотношение экспорта продукции к ВВП должно достичь 30%, сейчас этот показатель составляет 18%. Причем экспорт в основном готовой продукции должен быть нашей главной целью, в противном случае

существенного развития в Армении не будет, ибо для страны с малой экономикой внутренний рынок весьма ограничен. Ежегодный объем экспорта составлял 1,5 млрд долл, а в 2017 г. этот показатель достиг 2,2 млрд долл. Необходимо довести эту цифру до 3 млрд долл. Только в таком случае возможно решить социальные проблемы Армении, в том числе в военно-промышленной сфере. Ключевую роль в росте экспорта играет его структура. Основная перспектива роста экспорта готовой продукции, у которой высокий процент добавленной стоимости – это Россия. Объемы поставок в Россию и ЕС примерно равны: но в Евросоюз Армения экспортирует главным образом сырье.

По данным НСС, объем экспорта за 2016 г. увеличился за год на 20% по сравнению с тем же периодом 2015 г. В 2016 г. экспорт из Армении в Россию вырос на 50%. Фактически рост экспорта был обеспечен за счет роста экспорта в Россию. В 2017 г. рост экспорта составил в целом 22%, в Россию – 31%. Имеется также рост экспорта в ЕС, однако в основном за счет роста цен на руду цветных металлов. Цена на медь за 2016-2017 гг. выросла с 4400 до 6500 долл. В Россию же экспорт вырос в основном за счет роста экспорта готовой продукции. Такой показатель внушает оптимизм и позволяет предполагать, что бизнесу Армении удалось преодолеть те неопределенности в понимании процедур экспорта в республики ЕАЭС, которые существовали в 2015 г – в первый год членства Армении в Союзе. Отметим, что в экспорте традиционно преобладают коньяк и сельскохозяйственная продукция (фрукты и овощи,

рыба, сыр). Причины роста экспорта из Армении в ЕАЭС следующие:

- Подписание соглашения с ЕАЭС о снятии таможенных пошлин.
- Упрощение всех процедур – от оформления и получения лицензий на экспорт до таможенного оформления.
- Стабилизация курса российского рубля, в начале 2016 г. он составлял 1\$ (77 руб.), а в начале 2017 г. 1\$ (59 руб.). Фактически рубль укрепился на 22,5%. Соответственно настолько же повысилась валютная выручка экспортеров в Россию.
- Снижение цен на газ. Цена на газ снизилась с 165\$ до 150\$ за 1000 м³. Для конечных потребителей цена снизилась с 156 драмов до 146,7 драмов (на 6%). Свою роль сыграла и решение снизить цены на газ для тепличных хозяйств и перерабатывающей промышленности на одну треть.
- Свою роль сыграли также ответные санкции России, расширившие возможность экспорта продуктов в Россию.

Данный результат можно считать позитивным на фоне санкций, применяемых к России, с положением с ценами на нефть, что является вызовом для ЕАЭС. Сокращение бюджетных доходов в валюте, снижение покупательной способности в России оказало определенное влияние на спрос в России на экспортируемую готовую продукцию из других стран ЕАЭС. Снижение же цен на газ фактически увеличивает конкурентоспособность продукции конкурентам экономических субъектов ЕАЭС. В то же время санкции могут быть стимулом развития инновационной промышленности, причем не только в России, но и в других странах ЕАЭС. Конечно, необходимо, соответственно Договору о ЕАЭС, проводить согласованную экономическую политику и в данной сфере.

Кроме санкций имеются вызовы, связанные с несогласованностью макроэкономической политики стран ЕАЭС. Как показывает мировая практика, в частности Маастрихтские критерии, ряд показателей играет ведущую роль при интеграции. Фактически в Договоре о ЕАЭС они в основном отражены в разделе XIII «Макроэкономическая политика» и в разделе XIV «Валютная политика», которые имеют ключевое значение для проведе-

ния согласованной экономической политики и выполнения целей Договора о ЕАЭС. Если в странах ЕАЭС по государственному долгу и дефициту государственного бюджета нет проблем, то по инфляции и курсу национальных валют отмечается существенная несогласованность.

Отметим что в статье 63 раздела XIII «Основные макроэкономические показатели, определяющие устойчивость экономического развития» отмечено, что уровень инфляции не должен превышать более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве ЕАЭС, в котором этот показатель имеет наименьшее значение. Однако, как мы видим данное условие не выполняется. В 2016 г. инфляция в России составила 5,4%, при ставке ЦБ 10%, в Казахстане – 16%, при ставке ЦБ 12%, в Беларуси – 10,6%, при ставке ЦБ 18%. При этом в РА зафиксирована дефляция – 1,1%, при ставке ЦБ 6,25%.

Валютная политика в странах ЕАЭС должна согласовываться соответственно разделу XIV «Валютная политика», а также соответствующему приложению № 15 «О мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики». Первоочередная конкретизация данного раздела чрезвычайно важна. При четком выполнении ключевых статей Договора явно целесообразен переход в странах ЕАЭС на расчеты в рублях в торговле стратегическими товарами и отказ к привязке к доллару, что позволит интенсифицировать взаимные расчеты в национальных валютах и сократить долларизацию. Действительно, следует проводить взаимную торговлю стратегическими товарами на базе рубля без привязки к доллару. Данное предложение непосредственно следует из Договора о ЕАЭС. В этом аспекте принципиальное значение принимает статья 64 Договора, где представлены цели и принципы согласованной валютной политики стран ЕАЭС. Необходимо подчеркнуть следующий фактор: при неприменении на практике взаиморасчетов в национальной валюте, хотя бы по определенному сегменту продуктов, у центральных банков стран ЕАЭС не будет ясного стимула для четкого выполнения требований Договора о ЕАЭС, а также согласования и принятия соответствующих нормативов и документов. Отметим, что взаиморасчеты в национальных валютах прямо способствуют про-

ведению согласованной и более рациональной политики плавающего курса.

Данная мера необходима в первую очередь для того чтобы обезопасить экономику от колебаний национальных валют к доллару, снизить уровень долларизации в странах ЕАЭС, затраты на конвертацию, а также для снижения возможностей отрицательного воздействия на экономическую политику стран ЕАЭС. Крайне необходимо выполнять требования Договора о ЕАЭС, касающиеся валютной политики. Страны ЕАЭС этим шагом способствуют также решению определенных в статье 4 Договора «Цели Союза» задач всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик.

В кризисной ситуации большое значение приобретает и уровень коррупции в странах ЕАЭС, отрицательно влияющий на противодействие гибридным войнам. Необходимо разработать согласованные меры по противодействию коррупции, при этом свою роль может сыграть и статья 69 «Транспарентность» Договора ЕАЭС. Давно назрела необходимость антикоррупционной экспертизы, в особенности законов, регулирующих экономическую деятельность.

Необходимо использовать все возможности создания совместных предприятий. Имеются

перспективы армяно-российского сотрудничества в сфере оборонной промышленности, машиностроения, электротехники и приборостроения, привлечении инвестиций в производство стройматериалов и строительство плавильни меди, в химической и пищевой промышленности.

Следует скорректировать приоритеты экономической политики, четко определить и согласовать ее цели, сформулировать новую модель развития экономики для стран ЕАЭС и спрогнозировать ожидаемые результаты. Закон «О промышленной политике» РФ является базовой основой для России идентифицироваться не просто крупной региональной страной, а державой с крупнейшим потенциалом, в первую очередь в сферах экономики, обеспечивающих новую индустриализацию. Это необходимо России, а также и всем членам ЕАЭС, ибо страны с малой экономикой, как показывает и мировой опыт, обычно не могут занять достойную нишу в сфере современной индустриализации без емкого рынка, согласованной экономической политики и сложения своего финансового и ресурсного потенциала. Ключ от успеха от интеграции стран Евразии и укрепления их экономической безопасности, роста возможностей противостояния гибридным войнам в первую очередь находится в их руках.

Туманян Л.

Эффективное противодействие системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях

Туманян Лилит,
заместитель исполнительного директора Общественного радио Армении

ОДКБ заявляет о себе как об организации, принимающей участие в раскладе сил на международной арене. В настоящее время возникла настоятельная необходимость принимать реше-

ния на высшем уровне ее руководства об усилении внимания к обеспечению информационной безопасности и способности вести совместные информационные войны. Однако активная раз-

работка информационного оружия и подготовка к информационным войнам во многом определяются различным пониманием целей, условий, форм и последствий применения этого оружия. Не секрет, что для слаженной работы и эффективности организации необходима унификация различных систем государственного управления и, прежде всего, – правового. В октябре 2016 г. президентами государств – членов ОДКБ была принята «Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года». Было принято решение о создании Центра кризисного реагирования ОДКБ, который будет выполнять функции по информационно-аналитическому и организационно-техническому сопровождению решений о совместных действиях государств-членов ОДКБ, направленных на предотвращение (урегулирование) кризисных ситуаций, а также на обмен информацией в режиме реального времени. Однако, на сегодняшний день согласование законодательной политики, унификация национальных законодательств государств-членов ОДКБ в информационной сфере не представляется возможным по ряду причин. Дело в том, что в правовом обеспечении информационной безопасности немалую роль играют факторы, связанные с состоянием правовых систем каждого члена ОДКБ и с состоянием реального инфокоммуникационного взаимодействия государств организации. Различия информационного обеспечения внутренних потребностей и устройства архитектуры в национальных системах можно увидеть на примере сравнительного анализа законодательных актов государств-участников СНГ в сфере связи. Отмечались большие разрывы в датах принятия действующих национальных законов, разная терминология, неоднозначное использование отдельных терминов и их самостоятельная трактовка. Так, например, если Беларусь отказывается от понятия «утечка сведений», то в законодательстве Армении оно вводится. Кыргызская Республика вводит в свое законодательство понятие «военная тайна», в то время как законодатели всех других государств-членов ОДКБ от него отказались. Российская Федерация и Казахстан вводят дополнительный режим защиты информации – «предварительное

засекречивание», в то время как Республика Беларусь, от него отказывается.

Еще один пример: медиасфера в Армении развивается в абсолютно либеральном поле, не ограничивая ресурсы и информационные потоки, не вводя цензуру на них, в нем свободно действуют представители различных интересов, и у нас нет закона об агентах иностранного влияния, как в России, и нет структуры, аналогичной Роскомнадзору. Следовательно, выработка единой международной платформы для государств-членов ОДКБ сегодня вряд ли реалистична. Наиболее приемлемым путем развития и совершенствования национальных правовых механизмов пока что является обмен между государствами-членами ОДКБ методиками, коммуникаторами, спикерами, и опытом на основе межгосударственных двусторонних договоренностей. Все усилия играющие стороны вкладывают в управление восприятием тех или иных явлений или фактов. И тут ключевым элементом становятся не законодательства или правовые акты, а спикеры и коммуникаторы, которые в состоянии повлиять на формирующееся восприятие, выправить крен и направить его в нужное русло. Один из неписанных законов информационного противоборства гласит: если ты не участвуешь в регулировке проблемы, то ситуация развивается в самом неблагоприятном для тебя ключе. Соответственно, особенно актуальным становится вопрос выверенных коммуникаторов, систематизированных по тематическим спецификам.

Итак, сегодня современное общество все более зависит от состояния своей информационной инфраструктуры. Недоработки в правовом поле, отсутствие государственной стратегии, слаженной системы действий и противодействий не на индивидуальном, а на государственном уровне делает нас уязвимыми и позволяет воздействовать недружественным силам. Короче говоря, мы станем рефлексивно управляемыми для противника. Недооценка рисков приводит к пассивному проигрышу, то есть в данной ситуации противнику даже не нужно предпринимать особых средств воздействия, поскольку отсутствие какого-либо взаимодействия и игнорирование вышеперечисленных задач и приоритетов рано или поздно автоматически приведет к развалу организации.

Ананян А.

Роль государственных СМИ в деле обеспечения информационного суверенитета в демократических обществах

Ананян Арам,
кандидат исторических наук, директор информационного агентства
«Арменпресс»

Мое выступление посвящено вопросам информационного суверенитета, который является исключительным правом государства осуществлять национальную государственную информационную политику. В современном мире рано или поздно обретет актуальность вопрос относительно определения принципа информационного суверенитета для всех государств, с той лишь разницей, что этот тип суверенитета будет менее связан с существующими атрибутами суверенитета государства. Одним из ярких проявлений гибридных войн выступает феномен «ложных новостей». Общество будущего может оказаться уязвимым в контексте пропагандистской деятельности. Особенно это коснется тех стран, которые лояльны к ценностям свободного Интернета. К сожалению, мы часто являемся свидетелями того факта, что законное и обоснованное требование свободы и свободной защиты Интернета является не столько информационным щитом демократии, сколько инструментом для информационных провокаций. Современное общество сталкивается с проблемой медиаграмотности населения, решение которой будет служить укреплению информационного иммунитета общества.

В случае Армении как государства, имеющего открытый и доступный в широком плане Интернет, система защиты информации более чем необходима. Мы не должны допустить отставание в интеллектуальном развитии. Современные технологии предоставляют государственным СМИ

весь инструментарий и различные возможности для эффективных решений этих вопросов. Изменяется роль государственных СМИ, которые превращаются из инструмента пропаганды в организацию, предоставляющую общедоступную и привлекательную информацию. Современное отношение СМИ и деловой среды, что привело к коммерциализации средств массовой информации, привлекает внимание общественности не столько важной информацией, сколько информационным шумом, и государство часто теряет долю общественного внимания. Возвратится ли выпущенный на волю джин в бутылку? Часть этой миссии лежит на плечах государственных СМИ, которые становятся наиболее востребованными как для общества, так и для государства, если у них получается завоевать доверие как у себя в стране, так и за ее пределами. С определенной долей удовлетворения должен отметить, что опыт государственного информационного агентства РА «Арменпресс» в этом отношении достоин внимания. За последние пять лет наша команда сумела создать контент, основанный именно на такой философии. В результате мы имеем самую широкую сеть подписчиков в Республике Армения и являемся ведущим агентством по количеству просмотров за пределами страны. Обозначу следующие пункты, которые, на наш взгляд, должны обеспечить государственные СМИ в сфере информационного суверенитета:

1. Доведение до общественности реальных новостей с максимально широким охватом.

2. Привлекательное для широких масс освещение государственной политики как внутри страны, так и за ее пределами.

3. Широчайшее сотрудничество между СМИ посредством создания как национальных, так и международных сетей с целью противодействия информационным проникновениям

различного рода и распространения «ложных новостей».

4. Вопрос медиаграмотности и дальнейшего распространения этих ценностей. Следует надеяться, что решение этих задач позволит обеспечить теоретико-методологическое обоснование информационный суверенитет государств.

Мартиросян С. В.

Кибербезопасность как один из основных факторов современных гибридных войн

*Мартиросян Самвел Вартанович ,
старший эксперт Научно-образовательного фонда «НОРАВАНК»*

Становится все более очевидным, что киберпространство становится одним из доменов безопасности (Security Domain). Параллельно с этим идет цифровизация государств, зависимость инфраструктур, крупных промышленных объектов, финансовых структур и других критических узлов от электронных платформ, уязвимых для кибератак, инструментарий которых дает возможность не только атаковать крупные промышленные объекты, но и осуществлять нападения на уровне критических инфраструктур и выводить из строя процессы на национальном уровне. Подобные атаки уже не являются предметом прогнозов, а уже годы, как стали фактом реальности. Известны атаки на Эстонию в 2007 г., которые привели к падению систем практически всех государственных услуг, банковской системы и т. д. В сентябре 2010 г. боевой вирус Stuxnet атаковал иранскую фабрику по обогащению урана в Натанзе, нанеся серьезный ущерб инфраструктуре, в частности, вследствие чего ядерная программа Ирана была отброшена назад. Это лишь первые случаи применения кибероружия в гибридных войнах нового поколения. В дальнейшем ситуация стала усугубляться. Уже атака

на Эстонию привела к тому, что в НАТО стали воспринимать кибербезопасность как существенный фактор для системы безопасности в целом. И уже в то время озвучивали позицию о возможности более существенных и многоплановых ответных действий в случае возникновения серьезной киберугрозы, оказывающей реальное и глубинное влияние на критический инфраструктуры на национальном уровне. В разных уголках Земли, в рамках различных конфликтов стали регистрироваться случаи использования кибератак для достижения различного типа эффектов. Использование методов кибернападения позволяет уже сейчас достигнуть таких результатов как:

- Блокирование работы информационных систем противника как на фронте, так и в глубоком тылу.
- Получение больших массивов секретной или служебной информации.
- Блокирование работы сферы государственных служб.
- Нанесение финансового ущерба как через атаки на банковскую сферу, так и прямые кражи денежных средств через внедрение в системы онлайн-платежей.

- Нанесение серьезного ущерба населению через атаки на критические инфраструктуры, такие как системы энергообеспечения, водоснабжения, управления транспортом и т.д.

Цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности человека приводит к расширению линии фронта, на котором ведутся и могут вестись нападения с использованием кибероружия. На сегодняшний день атакам спонсируемых государствами либо напрямую работающих на государственные структуры хакерских групп подвержены практически любые устройства подключенные к сети либо имеющие возможность другого типа ввода информации. Уже не только теоретически, но и практически возможны атака и на самолеты, суда, автомобили и т.д.

Что особо важно именно в плане проведения гибридной войны, кибератаки могут быть осуществлены под чужим флагом, то есть нападения могут мимикрировать под атаки со стороны совершенно другой страны. Так, оказавшиеся в распоря-

жение проекта Wikileaks данные дают понять, что ЦРУ имеет специальные разработки, позволяющие осуществлять кибер нападения от имени другого государства [WikiLeaks: ЦРУ может устраивать кибератаки «под чужим флагом» <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4077772>]. Очевидно, что подобные техники используются и со стороны других государств.

Армения имеет довольно большой и длительный опыт противостоянию продолжительным и массированным кибератакам. Еще с самого начала XXI века армянские новостные и государственные серверы подвергались кибератакам со стороны хакерских группировок из Турции и Азербайджана. Атаки носили и носят как характер психологических операций, направленных на эмоциональное давление на армянское общество, так и пропагандистский характер: постоянно проводятся нападения на армянские медиа, причем расположенные как в Армении, так и в диаспоре для снижения влияния армянских информационных потоков во внешнем мире.

Выступление Х. М. Арутюняна по итогам межпарламентских слушаний (Санкт-Петербург, Мариинский дворец, 13 октября 2017 года)

*Арутюнян Хосров Меликович,
председатель Постоянной комиссии ПА ОДКБ по политическим
вопросам и международному сотрудничеству, председатель Постоян-
ной комиссии Национального Собрания Республики Армения по эко-
номическим вопросам*

Уважаемые члены Совета!

В соответствии с пунктом 44 Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на 2016–2020 годы, по инициативе постоянной комиссии ПА по политическим вопросам и международному сотрудничеству, 30 сентября этого

года в Ереване прошли межпарламентские слушания на тему «**Вопросы эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях**».

Проведение слушаний было продиктовано тем объективным фактом, что в современном мире во всех конфликтах или противостояниях государства, как правило, применяют тактику достижения своих политических целей минимальным вооруженным воздействием на про-

тивника, предпочитая сочетание гибридных и военных мер воздействия. При этом из арсенала гибридных мер внешнего воздействия особенно практикуются дипломатические, экономические, информационные и психологические меры воздействия. Учитывая указанные особенности гибридных методов ведения войны и их неизбежное воздействие на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию отдельно взятого государства, возникает необходимость системного анализа и выработки нестандартных политико-экономических, правовых и информационных механизмов эффективного противостояния этим угрозам как на национальном уровне, так и на уровне системы коллективной безопасности. Именно эту цель преследовали слушания в Ереване.

В межпарламентских слушаниях приняли участие парламентарии, члены Постоянной комиссии ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству из Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, эксперты и ученые, представители академических кругов и аналитических центров Армении, Беларуси и России. В слушаниях приняла участие также делегация Скупщины Сербской Республики. Слушания прошли в двух пленарных панелях: «Теория и практика гибридных войн. Правовые вопросы» и «Мягкие технологии (информационные, дипломатические и экономические) гибридных войн». Были заслушаны 13 докладов, выступили и приняли участие в прениях более 20 участников слушаний. В целом в межпарламентских слушаниях приняло участие более 65 человек. Члены нашей комиссии, выступившие инициаторами Ереванских слушаний осуществили открытый и здоровый политический дискурс на полях Парламентской Ассамблеи, который позволил, путем всестороннего анализа накопленного международного опыта, усовершенствовать институциональные возможности нашей Организации. Речь идет об эффективном противодействии внешним воздействиям гибридного характера как на национальном уровне, так и на уровне коллективной безопасности, тем самым придавая новый импульс нормотворческой деятельности в рамках Парламентской Ассамблеи.

Результаты этого дискурса станут хорошим подспорьем для формирования в ближайшей перспективе соответствующей политико-правовой базы, позволяющей Парламентской Ассамблее позиционироваться в качестве эффективного института политического воздействия ОДКБ. Это способствует практическому объединению усилий парламентов государств-членов в интересах содействия адаптации системы коллективной безопасности к эффективному противодействию гибридным войнам и дальнейшему повышению уровня взаимодействия в этом направлении. На Ереванских слушаниях были высказаны также предложения организационного характера, реализация которых, по мнению авторов предложений, позволила бы обеспечить эффективное использование научно-экспертного потенциала государств-членов ОДКБ для достижения обозначенных целей. Позвольте, уважаемые члены Совета, вкратце представить выводы, сделанные на основании прозвучавших на межпарламентских слушаниях предложений:

1. Эффективность гибридного метода ведения войны настолько высока, что сочетание традиционных и гибридных методов в настоящее время является характерной чертой любого вооруженного конфликта. При этом, если гибридные методы могут использоваться и без открытого применения военной силы, то классические боевые действия без гибридных – уже не представляются.

2. В отличие от применения традиционных методов воздействия с использованием военной силы, точно определить начало применения гибридных операций, особенно его информационных, экономических, психологических и дипломатических составляющих, которые могут со временем перерасти в реальные гибридные войны, практически невозможно.

3. Эта особенность гибридных войн по сути предопределяет главное содержание требований к институциональному обустройству системы безопасности как отдельного государства, так и системы коллективной безопасности в целом, а именно: структура и система институтов, призванные обеспечивать безопасность, должны формироваться с учетом разнообразия и природы форм гибридных угроз, а необходимый уровень безопас-

ности как отдельных государств-членов ОДКБ, так и Организации в целом, должен быть обеспечен способностью указанных институтов автономно и адекватно реагировать на них.

4. Для формирования соответствующих концептуальных подходов и институциональных возможностей системы коллективной безопасности с учетом гибридных военных операций, особую значимость приобретает задача изучения международного опыта ведения гибридных войн как в историческом прошлом, так и в настоящее время, в регионах, прилегающих к зоне ответственности ОДКБ. В этом контексте особый научно-практический интерес может представить исследование характера и природы событий на Балканах и, в первую очередь, вокруг Сербии.

5. Анализ международного опыта подсказывает, что эффективным, с точки зрения противостояния гибридным угрозам и использования ресурсов, является не только способность адекватного реагирования этим воздействиям, но и умение их предупреждать, осуществляя превентивные меры противодействия. При этом особое значение приобретает задача формирования эффективно функционирующих систем ОДКБ информационного воздействия на государства – источники угроз.

6. С этой целью считается целесообразным исследовать возможности ОДКБ выстроить свою систему мягкой силы, которая способствовала бы формированию восприятия привлекательности нашей Организации для третьих стран, тем самым снижая степень ее подверженности гибридным воздействиям со стороны государств – источников угроз.

7. Учитывая субрегиональную особенность системы коллективной безопасности, экономическая безопасность выступает в качестве основного фактора, объективно объединяющего интересы всех государств-членов ОДКБ в области государственной безопасности на длительную перспективу. Обеспечение взаимосвязанности и взаимовостребованности наших экономик, в том числе через эффективное использование интеграционного потенциала ЕАЭС, необходимо рассматривать в качестве ключевого доктринального подхода в деле обеспечения реальной неделимости коллективной безопасности. Реали-

зация концепции «общность интересов в области безопасности через общность экономических интересов» во многом обеспечит поступательное наращивание институциональных возможностей ОДКБ в деле эффективного противостояния внешним гибридным воздействиям и угрозам.

8. Особого концептуального подхода требует проблема эффективного противодействия ксенофобии и проявлениям этнической и религиозной нетерпимости, особенно при экспорте этих форм гибридного воздействия в пространство коллективной безопасности из регионов, прилегающих к зоне ответственности ОДКБ.

9. Для эффективного использования аналитического потенциала государств-членов ОДКБ в вопросах выработки концептуальных подходов и обозначения мер по предупреждению гибридных угроз представляется целесообразным создание сети мозговых центров ОДКБ, с целью налаживания информационного обмена, разработки и применения совместного инструментария анализа и прогнозирования протекающих событий и развивающихся трендов.

10. С целью выработки концепции ОДКБ по эффективному противодействию системы коллективной безопасности гибридным угрозам представляется целесообразным проведение научно-практических конференций, семинаров и парламентских слушаний на полях Парламентской Ассамблеи ОДКБ по отдельным формам гибридного внешнего воздействия с привлечением парламентариев, представителей академических кругов и экспертного сообщества государств-членов ОДКБ, иностранных аналитических центров.

Предлагается, в связи с этим, организацию указанных выше мероприятий возложить на Постоянную комиссию ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству и секретариат ПА ОДКБ.

Такими представляются рекомендации Ереванских межпарламентских слушаний на тему «Вопросы эффективного противостояния системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях». Предлагаю утвердить соответствующее постановление Совета по данному вопросу.

Благодарю за внимание.

РЕКОМЕНДАЦИИ

межпарламентских слушаний по вопросам эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях

(30 сентября 2017 года, Ереван. Утверждены постановлением Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 13 октября 2017 года, № 16)

Участники межпарламентских слушаний отмечают, что динамика развития военно-политической обстановки в мире в целом и в регионах, расположенных в непосредственной близости к зоне ответственности ОДКБ, обусловлена наличием ряда факторов, определяющих стратегию целенаправленного деструктивного воздействия и оказывающих негативное влияние на систему национальной и коллективной безопасности.

Характер «гибридных» факторов среди них имеют:

- опасность эскалации напряженности, в связи с уже существующими международными и внутригосударственными конфликтами, и возникновения новых очагов напряженности;
- достижение в ряде случаев политических и экономических целей с использованием силы, в том числе экономического и информационного давления;
- практика активного невоенного вмешательства во внутренние дела государств;
- применение технологий подготовки так называемых «цветных революций»;
- вовлечение государств и союзов в разрешение существующих конфликтов вразрез с общепризнанными нормами и принципами международного права и вне рамок, согласованных международным сообществом форматов урегулирования;
- наращивание имеющихся, развертывание новых военных группировок и создание военной инфраструктуры на сопредельных с зоной ответственности ОДКБ территориях;
- заявления о решении межгосударственных вопросов с применением военной силы;
- усиление межнациональной и межконфессиональной нетерпимости, ксенофобии;
- рост угроз международного терроризма и экстремизма, недостаточный уровень практического международного сотрудничества в сфере противодействия этим угрозам;
- заведомо подрывная вещательная, зомбирующая и подобная «просветительная» деятельность иностранных агентов СМИ и распространение слухов;
- конспиративная деятельность по созданию незаконных вооруженных формирований, организаций праворадикального толка и т. п.;
- расширение влияния иностранных НПО, ведение в сомнительных целях любой экономической и связанной с ней деятельности.

Данным факторам сопутствуют:

- нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;
- произвольная трактовка норм и принципов международного права, политика двойных стандартов, угрозы применения силы в международных отношениях;
- транснациональная организованная преступность и, в особенности, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров; поощрение незаконной торговли оружием, людьми (включая детей), органами и тканями человека, незаконной миграции;

- насаждение стандартов поведения в быту и в обществе, чуждых национальным культурам, традициям и особенностям жизненных устоев.

Обострение международных отношений, наблюдаемое в последние годы текущего десятилетия, многократно актуализирует задачи всестороннего обеспечения коллективной безопасности, развития и совершенствования ОДКБ, а, следовательно, ее парламентского измерения. Именно в нем политические, экономические или военные интересы обретают завершенные юридические формы, исполнение которых призвано привести к искомой цели – повышению эффективности системы обеспечения коллективной безопасности.

Участники межпарламентских слушаний отмечают, что на фоне наметившегося в последнее время стремления ключевых акторов современной международной политики адекватно воспринимать и оценивать существо особо чувствительных проблем и процессов в мире, наблюдается целенаправленная тенденция отдельных государств Запада следовать недружественным и неконструктивным действиям, основанным на несистемной интерпретации и искажении фактов истории, субъективной трактовке норм международного права и желании добиться любой ценой превосходства в отношениях с государствами – членами ОДКБ.

Это регулярно происходит в ПАСЕ, такие проявления имели место и в ПА ОБСЕ – парламентской структуре Организации, которой еще совсем недавно отводилась ключевая роль в поддержании мира и стабильности в Европе. Партнеров по ОДКБ не могут удовлетворять процессы, происходящие в современной международной политике. Особого внимания требует к себе консолидация регионального сообщества в борьбе с международным терроризмом.

Участники межпарламентских слушаний в этой связи констатируют, что гибридному воздействию подвергались и продолжают подвергаться все государства–члены ОДКБ, а кризисы, которые имели и имеют место – были инспирированы извне. Факторы гибридного воздействия угрожают разрастанием социальных пороков, в этой связи играют на реально существующих

проблемах общества, скоординированы по целям и времени и направлены на подрыв суверенитета государств. Учитываются разногласия и трения в международных отношениях союзников. При этом противник усердно ищет уязвимые места, через которые активно воздействует на ситуацию. В гибридных угрозах присутствует и военная фаза – «цветные революции». Эта фаза активизируется только после доведения определенных социально-политических сил до точки «кипения», так как воевать с монолитно мотивированным обществом любого государства затратно. Войны с такими государствами чреваты значительными потерями и возможным крахом и, как правило, международным осуждением. Следовательно, задача парламентариев – ставить на национальном и международном уровнях законодательный и дипломатический заслон попыткам «расшатать» ситуацию, своевременно выявлять зоны социальной и политической напряженности и парламентскими методами локализовывать их. С учетом вышеизложенного и в целях адаптации **системы коллективной безопасности к эффективному противодействию гибридным войнам**, полагаем следующее.

1. В области научно-практической оценки сущности и опасности гибридных угроз исходить из того, что:

1.1. Сочетание традиционных и гибридных методов внешнего воздействия в настоящее время является характерной чертой любого вооруженного конфликта. При этом если гибридные методы используются без открытого применения военной силы, то классические боевые действия без гибридных не представляются эффективными.

1.2. В отличие от применения традиционных (военных) методов воздействия, точно определить начало применения гибридных форм внешнего воздействия, особенно его информационных, экономических, психологических и дипломатических составляющих, которые со временем могут перерасти в реальную гибридную войну, практически невозможно.

1.3. Указанная особенность гибридных войн предопределяет следующие ключевые требования к институциональному обустройству системы национальной и коллективной безопасности:

структура и система институтов, призванных обеспечивать безопасность, должны формироваться с учетом разнообразия и природы форм гибридных угроз, а необходимый уровень национальной и коллективной безопасности должен быть обеспечен способностью указанных институтов автономно, адекватно и упреждающе реагировать на них.

1.4. Для формирования концептуальных подходов и институциональных возможностей обеспечения системы коллективной безопасности особую значимость приобретает ретроспективное исследование опыта ведения гибридных войн, особенно, в период новейшей мировой истории, в регионах, прилегающих к зоне ответственности ОДКБ. Особый научно-практический интерес представляют исследования характера и природы событий на Балканах и, в первую очередь, вокруг Республики Сербия.

1.5. Эффективность противодействия гибридным угрозам заключается не только в способности адекватно реагировать на указанные воздействия, а в умении их предвидеть и упреждать. Особую значимость приобретает решение задачи формирования системы эффективно функционирующего информационного и информационно-психологического воздействия ОДКБ на государства, представляющие собой источники угроз, а также третьи государства.

1.6. Целенаправленные усилия по мобилизации институтов гражданского общества в целях укрепления союзнического потенциала ОДКБ и выстраивания ее системы мягкой силы будут способствовать формированию привлекательности Организации для третьих стран и одновременно снижать степень подверженности населения гибридным внешним воздействиям.

1.7. Взаимосвязанность и взаимовостребованность экономик государств – членов ОДКБ необходимо рассматривать в качестве ключевого доктринального подхода в деле обеспечения реальной неделимости коллективной и национальной безопасности, в том числе через эффективное использование интеграционного потенциала Евразийского экономического союза. Реализация концепции «общность интересов в области безопасности через общность экономических интересов» во многом обеспечит посту-

пательное наращивание институциональных возможностей ОДКБ в деле эффективного противостояния внешним гибридным воздействиям и угрозам.

1.8. Особого концептуального подхода требует проблема эффективного противодействия ксенофобии и проявлениям этнической и религиозной нетерпимости, имея в виду экспорт указанных форм гибридного воздействия в пространство коллективной безопасности из регионов, прилегающих к зоне ответственности ОДКБ.

1.9. В целях дальнейшей выработки концептуальных подходов, информационного обмена, разработки и применения совместного инструментария анализа и прогнозирования протекающих событий и развивающихся трендов, а также определения мер по предупреждению гибридных угроз представляется целесообразным создание сети научно-практических центров ОДКБ в государствах – членах Организации.

1.10. В целях выработки общей концепции ОДКБ по эффективному противодействию системы коллективной безопасности гибридным угрозам представляется целесообразным дальнейшее проведение научно-практических конференций, семинаров и парламентских слушаний по отдельным формам гибридного внешнего воздействия с привлечением парламентариев, представителей академических кругов и экспертного сообщества государств – членов ОДКБ, а также представителей иностранных аналитических центров. Обратит особое внимание на необходимость осуществления геополитической экспертизы проектов и решений ОДКБ, учитывающей изменения геополитической ситуации в мире.

1.11. Во исполнение положений «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» признать целесообразным возложить организацию подобных мероприятий на Постоянную комиссию ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству и Секретариат Парламентской Ассамблеи ОДКБ.

2. В области международного парламентского сотрудничества и развития парламентской дипломатии:

2.1. Развивая контакты с международными парламентскими организациями и стимулируя

руя стабилизацию международных отношений, парламентарии государств – членов ОДКБ не должны пренебрегать значением, прежде всего, ООН и ОБСЕ и ее парламентской составляющей. Особенно важно использовать все возможности по возвращению деятельности ОБСЕ в русло отводимого ей международным сообществом мандата.

2.2. На благоприятном исходе противостояния, инициированного странами Запада, должна позитивно отразиться солидаризация позиций государств – членов ОДКБ и единство в оценке ключевых процессов современной международной политики и истории. На всех диалоговых площадках парламентариям государств – членов ОДКБ следует говорить решительное «нет» политике двойных стандартов и попустительству терроризму и экстремизму, иным формам транснациональной организованной преступности, возрождению неонацизма, игнорированию государственного суверенитета и несанкционированному вмешательству во внутренние дела государств.

2.3. Приветствуем решение Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 26 марта 2017 года о распространении практики, направленной на координацию внешнеполитической деятельности парламентских делегаций государств – членов ОДКБ в ПА ОБСЕ, на все форматы международного парламентского сотрудничества с участием государств-членов, а также правило, согласно которому, функция по координации действий парламентских делегаций государств – членов в международных парламентских организациях возлагается прямо на делегацию государства – члена Организации, председательствующего в ОДКБ.

2.4. Считаю, что для обмена мнениями и формирования согласованных позиций по наиболее значимым вопросам мировой политики, целесообразно усилить координационно-консультативные возможности Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству регулярным участием в ее работе представителей по линии СМИД, СМО и КССБ ОДКБ. Совместное обсуждение насущных проблем будет способствовать правильному адекват-

ному восприятию сущности отдельных процессов мировой политики и поиску наиболее приемлемых решений.

2.5. С учетом того, что органу межпарламентского сотрудничества Организации уготована роль своеобразного «путеукладчика» в процессе формирования атмосферы доверия и установления контактов сотрудничества и расширения возможностей Организации, обращаем внимание на необходимость качественного повышения роли Парламентской Ассамблеи ОДКБ как уставного органа, гармонично дополняющего политическую компоненту Организации, и способствующего повышению международного авторитета ОДКБ путем придания ей полноценной международной политико-правовой компетенции и правосубъектности, признаваемой, прежде всего, государствами – членами Организации.

3. В области нормативного правового обеспечения:

3.1. Обращаем внимание парламентов государств – членов ОДКБ и рабочих органов Парламентской Ассамблеи Организации, при выполнении решений октябрьской (2016 г.) сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму, на:

- 1) актуальность имплементации (инкорпорирования) в системы национального законодательства:

Рекомендаций по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму и экстремизму (принятые на восьмом пленарном заседании Парламентской Ассамблеи ОДКБ 26 ноября 2015 года), создающие основы унификации основных понятий, принципов и направлений государственной политики в сфере противодействия терроризму и экстремизму; ответственности за осуществление экстремистской деятельности; порядка проведения контртеррористических операций и контроля с целью недопущения проявлений экстремистского характера;

Рекомендаций по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ по вопросам отнесения организаций к террористическим и экстре-

мистским (приняты на сорок пятом пленарном заседании МПА СНГ 26 ноября 2016 года), разработанных в соответствии с Программой сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014–2016 гг., как действующего регионального правового стандарта в данной области, подготовленного с участием экспертов Парламентской Ассамблеи ОДКБ;

- 2) необходимость продолжения укрепления взаимодействия и сотрудничества с субъектами противодействия терроризму в государствах-членах, профильными органами СНГ, ШОС, ООН и ОБСЕ;
- 3) важность определения, в дополнение к существующим региональным стандартам СНГ, мер по правовому обеспечению пограничной безопасности государств – членов ОДКБ;
- 4) актуальность ускоренной разработки документов по ограничению нежелательной миграции и свободы передвижения в отношении лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности;
- 5) последовательность отработки правовых вопросов противодействия идеологии терроризма и экстремизма;
- 6) продолжение работы по нормативному правовому противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ), включая борьбу с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, наркотиков, торговлей людьми и иными сомнительными видами экономической деятельности.

3.2. В свете противодействия гибридным угрозам отмечаем своевременность и актуальность, комплексность и системный подход в разработке, осуществляемой в соответствии с Программой деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национальных законодательств государств – членов ОДКБ на 2016–2020 годы, проектов:

- 1) в **сфере обеспечения национальной безопасности**: базового модельного закона ОДКБ «Об обеспечении нацио-

нальной безопасности»; Рекомендаций по совершенствованию и гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ, регулирующего отношения в сфере обеспечения национальной безопасности; Рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ по обеспечению внутренней стабильности и противодействию технологиям внешнего деструктивного воздействия, направленного на дестабилизацию социально-политической обстановки; модельных законов ОДКБ «О безопасности критически важных объектов», «Об участии институтов гражданского общества в обеспечении национальной безопасности», «О частной военно-охранной деятельности»;

- 2) в **сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом**: Рекомендаций по сближению законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рамках противодействия терроризму и трансграничной преступности, Рекомендаций по гармонизации национальных законодательств государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в части, касающейся признания организаций террористическими;
- 3) **обеспечения безопасности в информационной сфере**: модельных законов ОДКБ «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», «Об информационной безопасности», Рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам борьбы с правонарушениями в информационной сфере и Рекомендательного перечня составов преступлений и административных правонарушений в сфере обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства для государств – членов ОДКБ;
- 4) в **сфере борьбы с незаконной миграцией**: Рекомендаций по совершенствованию национального законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам регулирования нежелательной миграции;

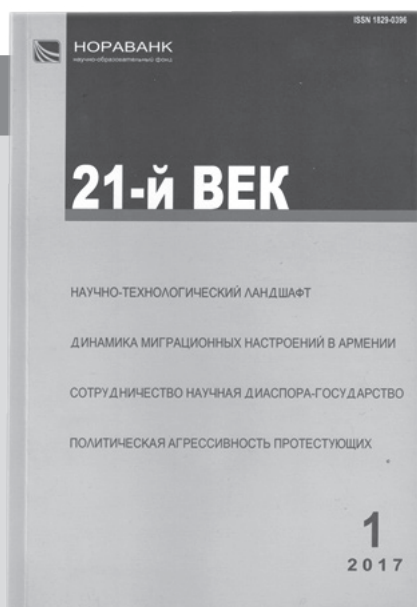

5) в сфере противодействия ПОД/ФТ/ФРОМУ: Рекомендаций по сближению законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам конфискации, не являющейся уголовно-правовой мерой, в отношении имущества, полученного незаконным путем, в целях противодействия коррупции, финансированию терроризма и иным видам высокодоходных преступлений, Рекомендаций по установлению прозрачности хозяйствующих субъектов, определению их бенефициарных владельцев и структуры собственности, Рекомендаций по регулированию деятельности трастов на территориях государств – членов ОДКБ, Рекомендаций по регулированию оборота виртуальных валют,

Рекомендаций по противодействию незаконному обороту оружия массового уничтожения;

б) в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: Рекомендаций по формированию общих подходов государств – членов ОДКБ в отношении государственной регистрации новых психоактивных веществ.

С учетом того, что коллективная безопасность предполагает систему международного взаимодействия государств, направленную на мирное разрешение военных угроз и политико-экономических споров между ними, одним из ключевых условий ее эффективной устойчивости гибридным угрозам является **совместная забота о национальной экономической безопасности.**

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Журнал «21-й век» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. Издателем журнала является Фонд «Нораванк».

Главный редактор – Гагик Арутюнян.

Сайт www.noravank.am

e-mail: 21dar@noravank.ru, office@noravank.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (8 ДЕКАБРЯ 2017 ГОДА)

Сегодня на евразийском континенте продолжают развиваться и набирать силу региональные интеграционные процессы, переживающие временами явления торможения. Они проявляются в различных областях экономики, политики, науки, образования, культуры, социальной жизни. Евразийский экономический союз стал из обсуждаемого будущего реальной повседневностью. Его деятельность требует серьезного научного обоснования, прежде всего формирования идеологии евразийской интеграции, как подчеркивает С. Ю. Глазьев. Международной площадкой, где встречаются представители науки, образования, власти и бизнеса евразийских государств и обсуждаются проблемы фундаментального и прикладного характера, касающиеся эволюции евразийской интеграции, продолжает оставаться Евразийский научный форум, инициированный Университетом при МПА ЕврАзЭС.

Евразийский научный форум проводится в Санкт-Петербурге ежегодно. Он представляет собой инновационный научно-образовательный и социокультурный проект, осуществление которого служит реализации научной, образовательной, экономической, культурной, социальной политики государств Евразии, эффективному использованию научного и образовательного потенциала государств-участников ЕАЭС в осуществлении разнообразного и разнонаправленного межрегионального и международного сотрудничества. В 2017 г. темой форума стала

«Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза».

Организаторами IX Евразийского научного форума явились Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Научный совет Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Мероприятия форума проходили на площадках Российско-Китайского бизнес-парка. В рамках форума состоялись пленарное заседание, три научных симпозиума и два заседания за круглым столом.

Участники форума с большим интересом выслушали выступления С. Ю. Глазьева (РАН), К. Г. Смбатян (Министерство образования и науки Республики Армения), С. В. Журкиной (Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга), М. А. Калинина (Россотрудничество), С. Г. Воронкова (ООО «Экспофорум – интернэшнл»), Е. Ю. Винокурова (Центр интеграционных исследований ЕАБР), И. Ж. Искакова (Университет при МПА ЕврАзЭС), Чэнь Чжиган (Российско-китайский бизнес-парк), И. Ф. Кефели (Академия геополитических проблем) и др. В ходе работы форума обсуждались такие вопросы как совершенствование и гармонизация национальных законодательств стран-участниц ЕАЭС в сфере науки и образования; идеология евразийской интеграции; инновационный потенциал гуманитарных наук в процессе эволюции ЕАЭС; научные основы взаимодействия образования и бизнеса

Пленарное заседание. На трибуне академик РАН С. Ю. Глазьев

в евразийских государствах; евразийство как теоретический концепт и социальный проект. В научно-исследовательской, образовательной, иной деятельности организаторов и участников форума идея евразийства обрела инновационную форму, а евразийская теория – практическое воплощение.

Евразийское научное сообщество на разных уровнях определило для себя достойную возможность встречаться и обсуждать насущные проблемы в ходе проведения Евразийского научного форума. Это крупное международное мероприятие способствует дальнейшему развитию принципа психологической комплиментарности, провозглашенного Л. Н. Гумилевым, и опирается на общность базовых ценностных установок евразийских народов, включающих в том числе нацеленность на сотрудничество, а не на соперничество. Евразийский научный форум в Санкт-Петербурге играет важную роль в научном общении представителей различных евразийских государств. Возможность и эффективность творческого научного взаимодействия между представителями различных регионов Российской Федерации и новых государственных образований Евразии привлекла к участию в форуме более 400 представителей Республики

Армения, Республики Беларусь, Итальянской Республики, Киргизской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Казахстан, Республики Польша, Республики Молдова, Российской Федерации, др. Отраден факт постоянного возрастания числа молодых ученых из самых разных уголков евразийского континента, активно разрабатывающих актуальные проблемы формирования единого евразийского пространства. Будущие бакалавры, магистры, аспиранты, молодые исследователи получили возможность общаться лично, встречаться с выдающимися представителями научной общественности разных стран, обмениваться мнениями, получать новые данные для дальнейших исследований.

Работа форума способствует восстановлению исторического опыта сотрудничества и формированию новых форм научно-образовательного взаимодействия представителей науки и образования различных стран Евразии, направленных на повышение их профессиональной квалификации, модернизацию содержания образовательной деятельности евразийских вузов, актуализацию и уточнение тематики научных исследований, проводимых исследователями и научно-педагогическими работниками образовательных и науч-

Эксперты обсуждают тему «Евразийство: теоретический концепт и социальный проект»

но-исследовательских учреждений евразийских государств. Научному сообществу Большой Евразии, безусловно, будет интересен новый международный издательский проект под названием «Евро-Азиатские исследования», демонстрирующий такую инновационную форму. В рамках форума состоялась презентация проекта. Его научным руководителем является С. Ю. Глазьев. Участники и гости IX Евразийского научного форума получили в подарок первую коллективную монографию этой серии с автографами авторов. Одновременно присутствующим на форуме представляли учебник «Инвестиции» (автор – М. И. Лисица) из серии «Учебники Университета при МПА ЕврАзЭС».

Форум показал актуальность создания единого научно-образовательного пространства Евразийского экономического союза, эффективность научно-образовательного взаимодействия между образовательными и исследовательскими учреждениями государств-участников ЕАЭС, особый потенциал дальнейшей эволюции процесса евразийской интеграции. Результаты форума свидетельствуют о значительных пер-

спективах реализации инициативы Президента России В. В. Путина по формированию Большого евразийского партнерства путем сопряжения потенциалов государств ЕАЭС с опорой на профильные учреждения науки и образования. Евразийский научный форум, ежегодно проводимый в Санкт-Петербурге, способствует формированию научного сопровождения интеграционных процессов на евразийском пространстве.

В резолюции IX Евразийского научного форума нашло свое отражение мнение участников форума о том, что необходимо более тесно соединить науку и практическую деятельность в осуществлении задач, стоящих перед новыми государственными образованиями Евразии, приложив усилия к тому, чтобы укрепить и расширить научное сопровождение интеграционных процессов и развитие скоординированных действий евразийского сообщества, в том числе с помощью развития различных форм научно-образовательной деятельности. Участники форума убеждены, что будущее евразийских государств и ЕАЭС во многом зависит от расширения и углубления эффективного исполь-

*Дискуссия на симпозиуме
«Инновационный потенциал гуманитарных наук в процессе эволюции ЕАЭС»*

зования возможностей фундаментальной и прикладной науки, а также международного научно-образовательного, научно-исследовательского и научно-производственного взаимодействия. По итогам форума, как всегда, будут изданы сборники научных работ, разработаны предложения по расширению

и укреплению евразийской интеграции, формированию направлений дальнейшей эволюции ЕАЭС.

X Евразийский научный форум ждет в 2018 г. своих участников!

М. Ю. Спирина

Арчаков Владимир Юрьевич – заместитель государственного секретаря Совета безопасности Республики Беларусь
E-mail: lev.kin@yandex.ru

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

Бондуровский Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Информационно-аналитического управления ОДКБ Секретариата Совета МПА СНГ (Секретариата Парламентской Ассамблеи ОДКБ) – заместитель Ответственного секретаря Парламентской Ассамблеи ОДКБ.
E-mail: bondvvodkb@mail.ru

Борщенко Виктор Владимирович – преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: boss-victor@yandex.ru

Вершинина Любовь Павловна – независимый исследователь, историк ракетно-космической промышленности.
E-mail: vega100@mail.ru

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, первый вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт РАН, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».
E-mail: geokefeli@mail.ru

Колбанёв Михаил Олегович – доктор технических наук, профессор кафедры прикладных информационных технологий Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
E-mail: mokolbanev@mail.ru

Левкин Игорь Михайлович – доктор военных наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Россий-

ской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: lev.kin@yandex.ru

Макаров Олег Сергеевич – начальник управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, д.ю.н., доцент

Марджанян Ара Арутюнович – ведущий аналитик Научно-образовательного фонда «НОРАВАНК», кандидат технических наук, старший научный сотрудник, национальный эксперт ООН по энергетике (Республика Армения).
E-mail: amarjanyan@yahoo.com

Муза Дмитрий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Крымской Академии наук, начальник научного отдела ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»; профессор кафедр Международных отношений и внешней политики, Политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (ДНР).
E-mail: dmuza@mail.ru

Перевалов Дмитрий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Учреждения образования «Центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов «Центр специальной подготовки» (Республика Беларусь)

Саегалеева Яна Ягфаровна – магистрант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: ulyana1907@yandex.ru

Сухаренко Александр Николаевич – кандидат юридических наук, директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ (г. Владивосток).
E-mail: sukharenko@mail.ru

Тараканова Тамара Сергеевна – кандидат политических наук, ассистент кафедры рекламы и связи с общественностью, Институт гуманитарного образования, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: tarakanovatamara@gmail.com

Цзу Чуньмин – доктор филологических наук, научный сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай).
E-mail: zuchunming@126.com

Vladimir Y. Archakov – Deputy State Secretary of the Security Council of the Republic of Belarus

Zeinab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor, department of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.
E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

Vladimir V. Bondurovskij – PhD, Assistant Professor, head of the information-analytical Department of the CSTO Secretariat of the IPA CIS Council (Secretariat of CSTO Parliamentary Assembly) – Deputy Secretary CSTO Parliamentary Assembly.
E-mail: bondvvodkb@mail.ru

Victor V. Borshchenko – lecturer, North-Western Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of international relations faculty of international relations.
E-mail: boss-victor@yandex.ru

Lyubov P. Vershinina – is an independent researcher, historian of the rocket and space industry.
E-mail: vega100@mail.ru

Igor F. Kefeli – Doctor of philosophical Sciences, Professor, honoured worker of higher school of the Russian Federation, Director of the Center for geopolitical expertise of North-West Institute of Management, branch of the Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, first Vice President of the Academy of geopolitical problems, editor-in-Chief of «Geopolitics and Security», an expert RAS.
E-mail: geokefeli@mail.ru

Michail O. Kolbanev – Doctor of technical sciences, Professor, Department of applied information technologies, St. Petersburg State University of economics.
E-mail: mokolbanev@mail.ru

Igor M. Levkin – doctor of military Sciences, Professor, North-Western Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of international relations.
E-mail: lev.kin@yandex.ru

Oleg S. Makarov – Head of analytical department of State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus, Ph.D., assistant professor

Ara H. Marjanyan – «Noravank» Scientific Educational Foundation, senior analyst, Ph.D. Senior Scientific Researcher. UNDP national expert on energy (Republic of Armenia).
E-mail: amarjanyan@yahoo.com

Dmitry E. Muza – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Crimean Academy of Sciences, Head of the Scientific Department of the Donetsk Pedagogical Institute; Professor of the Chair of International Relations and Foreign Policy, Political Science, Donetsk National University (DPR).
E-mail: dmuza@mail.ru

Dmitry V. Perevalov – PhD, Associate Professor, Deputy Head of the educational establishment of «the Centre for the further training of managers and specialists of special training Centre» (Republic of Belarus)

Jana A. Saitgalieva – Graduate student of the Department of international relations, North-Western Institute of Management Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, faculty of international relations, Saint-Petersburg.
E-mail: ulyana1907@yandex.ru

Alexander N. Sukharenko – PhD, Director of the Center for the study of new challenges and threats to the national security of Russia (Vladivostok).
E-mail: sukharenko@mail.ru

Tamara S. Tarakanova – PhD, assistant, department of advertising and public relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.
E-mail: tarakanovtamara@gmail.com

Zu Chunmin – Doctor of Philology, scientific employee of Institute of philosophy at Chinese Academy of social Sciences (Beijing, China).
E-mail: zuchunming@126.com

Кефели И. Ф., Колбанев М. О. К вопросу о становлении науки глобальной безопасности

Аннотация. Четвертая промышленная революция привела к коренным изменениям, суть которых проявляется в конвергенции технологий, стирающих барьеры между материально-вещественным, цифровым и биологическим мирами на наноуровне. Цифровые технологии вышли за пределы информационных процессов, проникли в материально-вещественные технологии и... вступают во взаимодействие с «аналоговыми технологиями» органического мира. Цифровизация многих сторон человеческой деятельности ведет к необходимости осмысления природы новых опасностей и рисков, которые выходят за пределы восприятия человеческими органами чувств (то, что находится в компетенции науки безопасности жизнедеятельности) и таят свои секреты на наноуровне. Это ведет к необходимости смены парадигмы безопасности, онтологические основания которой следует выявлять в структурах, процессах и механизмах наноуровня. В сфере безопасности жизнедеятельности ключевой проблемой становится информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Наука безопасности, мультидисциплинарная по своей природе, заимствует нравственные основы из философии и этики. Вводится в научный оборот понятие «асфацефатроника» для обозначения науки управления процессами глобальной безопасности.

Ключевые слова: промышленная революция, наука безопасности, глобальная безопасность, асфацефатроника, нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии.

Арчаков В.Ю., Макаров О. С. Информационные технологии гибридных войн

Аннотация. Война с применением обычных вооружений и регулярных воинских формирований перестала быть единственным способом достижения превосходства того или иного государства. На смену крупномасштабным вооруженным столкновениям приходит согласованное применение военных, политических, экономических, информационных и иных средств в виде гибридных операций и войн. Изменение подходов к организации геополитического противостояния обусловлено, во-первых, достаточно развитой системой международного права, принципиально позволяющей государствам, в случае военной агрессии против них, быть услышанными и защищенными – или противостоящими друг другу центрами силы, или хотя бы общественным мнением. Во-вторых, доминированием в мировых элитах так называемого

«рационального экономического мышления», не предполагающего полного разрушения высокодоходных кластеров экономики и массовой гибели людей. В-третьих, кардинальным повышением роли информатизации, которая многократно усиливает возможность воздействия на широкие массы населения и позволяет трансформировать военно-политические конфликты в общественно-политическую и социальную плоскость.

Ключевые слова: гибридные операции, гибридная война, информация, информационно-коммуникационная инфраструктура, информационно-психологическое воздействие.

Марджанян А. А. Научно-информационная политика и гибридные войны

Аннотация. Основными положениями являются два утверждения:

1. Во времена Клаузевица «война была продолжением политики другими средствами». Сегодня политика является продолжением информационно-технологических войн другими средствами.

2. Сегодня происходит небывалое расширение доступа к информации. Одновременно происходит обратный процесс – «сакрализация» ключевых знаний, умений и технологий. Их отчуждение от «профанного» большинства людей, стран и групп стран.

Исходя из вышесказанного, утверждается, что будущее будут определять те страны (группы стран), которые с помощью геополитической консолидации сумеют трансформировать свой геоэкономический и цивилизационный потенциал в потенциал научно-технологический и информационный. При этом достигается кумулятивный эффект «прорывного развития».

Ключевые слова: гибридная война, информация, информационно-психологическая война, многополярный мир, «Мир иероглифов», «Континентальная Европа», «Англосаксонский мир», «Мир полумесяца», «Славянский мир», BRICS.

Перевалов Д. В. Правовое обеспечение противодействия гибридным войнам

Аннотация. В настоящее время согласованного и нормативно закреплённого понятия гибридной войны не имеется. Большинство экспертов в качестве наиболее полного определения такой войны рассматривают формулировку, предложенную Лондонским Международным институтом стратегических исследований (IISS). Учитывая современное состояние действующего законодательства государств – членов ОДКБ, которые могут рассматриваться как элемент правового

обеспечения противодействия гибридным войнам в области военной безопасности, планирующееся внесение в него изменений и дополнений, представляется обоснованным его сближение и гармонизация на пространстве ОДКБ. Данная проблема может быть решена посредством принятия соответствующих Рекомендаций в рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ и модельных законов.

Ключевые слова: гибридная война, правовое обеспечение противодействия гибридным войнам, Парламентская ассамблея ОДКБ, государственная безопасность, военная безопасность.

Левкин И.М., Борщенко В. В. Информационные свойства геополитического пространства

Аннотация. В статье предложен механизм получения интегрального показателя информационных свойств геополитического пространства путем учета плотности размещения средств формирования, обработки и распространения информации, а также возможности доступа к глобальному антропогенному информационному полю из любой точки географического пространства. К числу основных элементов интегрального показателя отнесены: численность точек распространения печатных и электронных СМИ, книжных магазинов, учебных заведений, центров дислокации политических, общественных и других организаций, организаций, распространяющих средства информатизации, наличие у населения современных средств информатизации и т.п.

Ключевые слова: глобальное антропогенное информационное поле, геоинформационное пространство, пространство сигналов, пространство предметно-материальных носителей информации, технико-технологические информационные свойства, информационно-психологические возможности.

Цзу Чуньмин. «Азиатская идея» в евразийстве: от становления к современной стратегии

Аннотация. В истории русской философской мысли проблема «России и Запада» всегда занимала центральное место. Даже такие типичные национальные темы о «русской идее» по-прежнему не могут освободиться от призрака Запада. В противоположность этому евразийство начала 20 века высоко поднимает знамя с призывом «Внимание на Азию или возвращение на Восток». Что это, в конце концов, означает: нужно выдвигать новое или хорошо обосновать? Откуда происходит, и куда ведет азиатская идея в евразийстве?

Ключевые слова: евразийство, азиатская идея, Монголия-Татария.

Бахтуридзе З. З. Региональный потенциал обеспечения безопасности Южного Кавказа

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена наличием в Закавказье нескольких замороженных конфликтов, изменивших конфигурацию региона и усиливающих его конфликтный потенциал, так как они далеки от урегулирования и конструктивного разрешения. Конфликтный потенциал данного региона подчеркивается наличием в нем новых государственных образований: непризнанной, но де-факто существующей Нагорно-Карабахской Республики и частично признанных Абхазии и Южной Осетии. После признания Россией независимости этих двух республик, в грузинских официальных документах они стали позиционироваться как территории Грузии, оккупированные Российской Федерацией. Данная статья направлена на выявление возможностей обеспечения регионального формата безопасности на Южном Кавказе с учетом непримиримых позиций России и Грузии относительно статуса территорий Абхазии и Южной Осетии, т.к. актуализация замороженных конфликтов является лишь делом времени и в связи с ухудшением отношений между глобальными игроками, преследующими свои интересы в регионе, может быть использована как аргумент для обострения международной ситуации.

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является сочетание сравнительно-исторического, институционального и ситуативного методов, позволяющих комплексно рассмотреть формы международной легитимации малых государств в современных международных отношениях, проанализировать конфликтные ситуации.

Обоснована необходимость формирования пространства безопасности Южного Кавказа, урегулирования конфликтов в регионе с помощью России, что несомненно окажет позитивное влияние на его развитие (энергетика, инвестиционные проекты, транзитный потенциал) и станет значимым вкладом не только в миростроительство в регионе, но и – в структурирование международной системы безопасности.

Ключевые слова: этнотерриториальные конфликты, Южный Кавказ, суверенитет, непризнанные государства, обеспечение безопасности.

Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Стратегическое партнерство России и Китая на площадке ШОС

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена новым этапом в развитии взаимоотношений России и Китая (второе десятилетие XXI века), получившим название «стратегическое партнерство», предполагающее определение целей развития на длительную перспективу.

В настоящее время отношения России и Китая имеют большое значение для внешних политик обеих стран. В нынешних условиях Россия является для КНР одним из важнейших партнеров и союзников как в военно-политическом, так и в экономическом плане.

В статье анализируются цели РФ и КНР в ШОС, а также особенности их реализации, отраженные во внешнеполитических стратегиях государств. В ходе исследования были применены методы как теоретического, так и эмпирического уровня. Компаративный анализ позволил определить различия стратегических интересов Китая и России в рамках Организации, что имеет важное практическое значение. Выявлено, что важным моментом стратегического партнерства России и Китая является общность позиций двух стран в отношении: глобальных и региональных систем безопасности, вопросов национальной безопасности и мирового порядка.

Стратегическое партнерство России и Китая может получить дальнейший импульс для развития именно в рамках Организации, а дальнейшие перспективы ШОС во многом зависят от согласованных позиций России и Китая.

Материалы статьи могут использоваться для анализа внешнеполитических стратегий государств в двусторонних отношениях, а также в международных союзах.

Ключевые слова: Российская Федерация, Шанхайская организация сотрудничества, Китайская Народная Республика, стратегическое партнерство, безопасность, мировой порядок.

Бондуровский В. В., Сухаренко А. Н. Обеспечение экономической безопасности как стратегическая задача государства

Аннотация. В условиях продолжающегося кризиса и зарубежных санкций обеспечение экономической безопасности является одной из приоритетных государственных задач. Сегодня к числу основных внутренних угроз национальной экономике относятся преступность, коррупция и теневая экономика, которые снижают ее инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность на международной арене. Для минимизации масштабов перечисленных угроз в мае 2017 г. была принята Стратегия экономической безопасности России на период до 2030 г.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угроза, преступность, коррупция, теневая экономика.

Муза Д. Е. Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации

Аннотация. В статье преследуется цель – очертить контуры новой идеологической программы фундирования внутренней и внешней политики России и стран, входящих в русскую цивилиза-

цию. Методология рассматриваемой проблемы связана с социальным конструктивизмом и предполагает взаимосвязь идеологической и управленческих составляющих. Автор заключает, что русской и иными незападными цивилизациями ведется активный поиск соответствующих идеологических конструкций, имеющих стратегическое значение. Вывод гласит: такая идеология для русской цивилизации имеет пространственно-материальные (месторазвитие, ресурсы, население, «человеческий капитал»), временные аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и субъектно-волевые, деятельностные (имперско-цивилизационное «общее дело», задаваемое и направляемое элитами) и собственно идеократические доминанты (сотериологически-социальная «идея-правительница» правды-справедливости и её аксиологическом обрамлении).

Ключевые слова: Идеология, русская цивилизация, идеология как идеалогия, идеология как система управления, элиты.

Саегалева Я. Я. Энергетический потенциал стран Ближнего Востока

Аннотация. В мировой геополитике энергетический фактор играет важнейшую роль. Ближний Восток не только является источником энергетических ресурсов, но и находится на путях транзита «голубого топлива» в Европу из Азии, Африки и Персидского залива. В статье проводится сравнительный анализ энергетического потенциала стран Восточного Средиземноморья и Персидского залива, на основе которого выделяются ведущие акторы в регионе. Особое внимание уделяется газовому фактору, его наличие и объем запасов в исследуемом регионе.

Ключевые слова: энергетический фактор, Ближний Восток, Восточное Средиземноморье, Персидский залив, транзит энергетических ресурсов, энергетический потенциал, диверсификация.

Тихонравов М. К. Заметки по истории создания первого искусственного спутника Земли (Публикация подготовлена Л. П. Вершининой)

Аннотация. Публикуется исторический документ: написанный М. К. Тихонравовым в 1972 г. на основе воспоминаний и архивных источников черновой вариант статьи о создании, подготовке, пуске и некоторых итогах полёта по орбите Первого ИСЗ. Приводится подробное описание технических предпосылок и устройства объекта ПС, а также его радиопередающей станции.

Ключевые слова: искусственный спутник Земли, ракета-носитель, Специальный комитет, полигон, С. П. Королёв.

Igor F. Kefeli, Michail O. Kolbanev. The science of global security: problems of formation

Abstract. The fourth industrial revolution has led to radical changes, the essence of which is manifested in the convergence of technologies, which blur the barriers between material and material, digital and biological worlds at the nanoscale. Digital technology had gone beyond the information processes, entered the material and material technology and ... interact with «technologies» of the organic world. Digitalization of many sides of human activity leads to the need for reflection on the nature of the new threats and risks that go beyond the perception of the human senses (that is within the purview of science security) and conceal their secrets at the nanoscale. This leads to the need for a paradigm shift, which bases the ontological security to detect in structures, processes and mechanisms of the nanometer scale. In the field of security key problem is getting information and psychological and cognitive security. Science security, multidisciplinary by nature, borrows moral foundations of philosophy and ethics. Introduced into scientific circulation concept of «asfaceatronika» to denote the science of managing global security.

Keywords: the industrial revolution, the science of security, global security, asfaceatronika, nano-, bio-, info-, cognitive technology.

Vladimir Y. Archakov, Oleg S. Makarov. Information technology of hybrid wars

Abstract. War with conventional weapons and regular military forces ceased to be the only way to achieve the superiority of this or that State. Replacing the large-scale armed clashes comes a consistent use of military, political, economic, informational, and other resources in the form of hybrid operations and wars. Changing approaches to geopolitical confrontation due to, firstly, quite a developed system of international law, principally to States, in the case of military aggression against them, to be heard and protected- or opposing centers of power, or at least public opinion. Secondly, the dominance of world elites of the so-called «rational economic thinking», not involving the collapse of high-yielding economics clusters and massive loss of life. Thirdly, the increasing role of informatization in the Cardinal, which enhances the ability to impact on the masses and allows you to transform the political-military conflicts in the socio-political and social plane.

Keywords: hybrid, a hybrid war, operation information, information and communications infrastructure, information and psychological impact.

Ara H. Marjanyan. Scientific information policy and hybrid warfare

Abstract. Two main provisions are analyzed: 1. In a time of Clausewitz, «war was a continuation of the politics by other means». Today politics is a continuation of information and technology wars by other means. 2. We witness two modern contradictory trends: unprecedented access to information. And «sacralisation» of the key knowledge, skills and technology, their alienation from «profane» majority of people, countries and groups of countries. The «Onomastics of the Future» theorem is formulated: the future will be named by those countries (groups of countries), which, by geopolitical consolidation, will be able to transform their geo-economic and civilizational potential into scientific, technological and informational one. Using the notions of centralizer and normalizer of the groups of countries («Worlds of the World») the Research and Development (R&D) potential of 40 leading countries and 6 «Worlds of the World» are analyzed. A trend towards forming a bipolar configuration of the world is revealed based on analysis of the results of WIN/Gallup Int. «End of the year» survey, conducted in Nov.-Dec. 2016, in 68 countries. The main characteristics of hybrid threats occurring along all «tectonic faults» between the “Worlds of the World” are formulated.

Keywords: Research and Development (R&D) expenses, «Worlds of World», hybrid threats, information and psychological warfare.

Dmitry V. Perevalov. Legal provision of counter hybrid wars

Abstract. Currently, coherent and normative notion of hybrid war hardened. Most experts as the most complete definition of this war considering the wording proposed by the London-based International Institute for strategic studies (IISS). Given the current state of the legislation of the Member States of the collective security Treaty Organization, which may be considered as an element of legal security counter hybrid wars in the field of military security, the planned amendment of the changes and additions, it is reasonable to its convergence and harmonization on space. This problem can be solved through the adoption of the relevant recommendations of the CSTO Parliamentary Assembly and model laws.

Keywords: hybrid war, legal maintenance counter hybrid wars, CSTO Parliamentary Assembly, national security, military security.

Igor M. Levkin, Victor V. Borshchenko. Information properties geopolitical space

Abstract. The article suggests a mechanism for obtaining an integral index of information properties of geopolitical space by taking into account the density of the means of formation, processing

and dissemination of information, as well as the possibility of access to the global anthropogenic information field from anywhere in the geographical space. Among the main elements of the integral indicator are: the number of distribution points of printed and electronic media, bookstores, educational institutions, centers for the dislocation of political, public and other organizations, organizations that distribute informatization tools, the availability of modern means of informatization among the population, etc.

Keywords: Global anthropogenic information field, geoinformation space, signal space, the space of object-material carriers of information, technical and technological information properties, information and psychological capabilities.

Zu Chunmin. «Asian idea» in the Eurasianism: from becoming to modern strategy

Abstract. In the Russian intellectual history, «Russia and the West» always occupies a central position. Even such typical national topics as «Russian Idea», still can not get rid of the Western ghost. By contrast, in early 21-st Century the Eurasia Group raised high banner about that, should focus on Asia or return to the East». Whether it is to found new in order to be different, or? Where the Asian consciousness come from, and guide?

Keywords: Eurasianism; Asian consciousness; Mongolia – Tatars

Zeinab Z. Bakhturidze. Regional security potential of the South Caucasus

Abstract. The rationale of the study is determined by the presence of several frozen conflicts in the Transcaucasus region that have changed the configuration of the region and have been enhancing its conflict potential, since they are far from settling and constructive resolution. The conflict potential of this region is increased because of the presence of new state formations: the unrecognized but de facto existing Nagorno-Karabakh Republic and partially recognized Abkhazia and South Ossetia. After Russia had recognized the independence of these two republics, they began to be positioned as territories of Georgia occupied by the Russian Federation in Georgian official documents. This article is aimed at identifying the opportunities for providing regional security in the South Caucasus, taking into account the irreconcilable positions of Russia and Georgia regarding the status of the territories of Abkhazia and South Ossetia, as the actualization of frozen conflicts is only a matter of time and in the context of the deterioration of relations between global players pursuing their own interests in the region, can be used as an argument for aggravating the international situation.

The principal approach to the study of this problem is the combination of comparative historical, institutional and situational methods that allow us to comprehensively consider the forms of international legitimization of small states in contemporary international relations and analyze conflict situations.

The article proves the necessity of forming a security space for the South Caucasus and settling conflicts in the region with the help of Russia, which will undoubtedly have a positive impact on its development (electric power industry, investment projects, transit potential and will contribute significantly not only to peacebuilding in the region, but also to structuring the international security system.

Keywords: ethno-territorial conflicts, the South Caucasus, sovereignty, unrecognized states, security.

Sergey N. Pogodin, Tamara S. Tarakanova. Strategic partnership of Russia and China on the SCO framework

Abstract. The relevance of the research topic is due to a new stage in the development of the relationship between Russia and China (the second decade of the 21st century), named by «strategic partnership», which suppose the definition of development goals on long-term. Today, the relations between Russia and China are of great importance for foreign policy of both countries. In the present conditions, Russia is one of the most important partners and allies for the PRC, both in military-politic and economic.

The article analyzes the objectives of the Russian Federation and the PRC in the SCO, as well as the specifics of their implementation, reflected in the foreign policy strategies of the states. In the course of the research, both theoretical and empirical methods were applied. The comparative analysis made it possible to determine the differences in the strategic interests of China and Russia within the Organization, which is of great practical importance. It was revealed that the important point of the strategic partnership between Russia and China is the commonality of the positions of the two countries in relation to: global and regional security systems, national security issues and the world order. Strategic partnership between Russia and China can receive further incentive for development within the framework of the Organization, and the future prospects of the SCO largely depend on the agreed positions of Russia and China.

The materials of the article can be used to analyze foreign policy strategies of states in bilateral relations, and in international unions.

Keywords: Russian Federation, Shanghai Cooperation Organization, People's Republic of China, strategic partnership, security, world order.

Vladimir V. Bondurovskij, Alexander N. Sukharenko.
Ensuring economic security as a strategic task of the state

Abstract. In the conditions of the continuing crisis and foreign sanctions, ensuring economic security is one of the priority state tasks. Today, the main domestic threats to the national economy include crime, corruption and the shadow economy, which reduce its investment attractiveness and competitiveness in the international arena. To minimize the scale of these threats, in May 2017, the Strategy of Economic Security of Russia for the period up to 2030 was adopted.

Keywords: economic security, threat, crime, corruption, shadow economy.

Dmitry E. Muza. Ideology as the basis of strategic safety of russian civilization

Abstract. The aim of the article is to outline the contours of the new ideological program of the founding of the internal and foreign policy of Russia and the countries that are part of Russian civilization. The methodology of the problem in question is connected with social constructivism and involves the interrelation of ideological and managerial components. The author concludes that Russian and other non-Western civilizations are actively searching for appropriate ideological constructions of strategic importance. The conclusion is that such an ideology for Russian civilization has spatial-material (developmental place, resources, population, «human capital»), temporal aspects (cycles of cultural and political life and tradition

that has crystallized in dramas and tragedies of Russian history), but also subject-volitional, active (imperial-civilizational «common cause», set and directed by the elites) and actually ideocratic dominants (a soteriologically-social «idea-ruler» of truth-justice and its axiological framing).

Keywords: Ideology, Russian civilization, ideology as ideology, ideology as a system of management, elite.

Jana A. Saitgalieva. The energy potential of the countries of the Middle East

Abstract. The energy factor is a crucial role in global geopolitics. The Middle East is not only a source of energy resources, but also it located on the way of transit of «blue fuel» to Europe from Asia, Africa and the Persian Gulf. The article presents a comparative analysis of the energy potential of the Eastern Mediterranean and the Persian Gulf. The analysis determined the leading actors in the region. Special attention is paid to the gas factor, the availability and gaz reserve in a study area.

Keywords: Energy factor, The Middle East, Eastern Mediterranean, Persian Gulf, the transit of energy resources, energy potential, diversification.

Michael K. Tikhonravov. Notes on history of creation of the first artificial Earth satellite. (The publication was prepared by Lyubov P. Vershinina.)

Abstract. A historical document is published: written by M. K. Tikhonravov in 1972 on the basis of memories and archival sources draft version of the article on the creation, preparation, launch and some results of the flight orbit of the First Satellite. A detailed description of the technical background and Sputnik device and its radio transmission station.

Keywords: artificial Earth satellite, launch vehicle, Special Committee, test site, Sergey P. Korolev.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ЗА 2017 ГОД НОМЕРА 1 (37) – 4 (40)

№	Авторы	Название статьи	Номер журнала	Стр.
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ				
1	Ивашов Л. Г.	Что ждать от Д. Трампа и от Америки в веке XXI-м?	1(37)	14
2	Рыбаков С. В.	Геополитические риски миграционной политики Ангелы Меркель	1(37)	24
3	Арчаков В. Ю., Пунченко В. Н., Ременчик В. Е.	Информационный фактор в гибридных войнах	2(38)	16
4	Васильев Ю. С., Большев А. С.	Развитие арктической тематики в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого	2(38)	28
5	Большаков С. Н.	Европа в поисках ответов на глобальные вызовы и кризисы	3(39)	9
6	Ивашов Л. Г.	Операции «мягкой силы» в гибридной войне	3(39)	14
7	Ковалев С. Н., Спирин А. Н.	«Война»: эволюция термина в военных энциклопедических изданиях (XX-XXI вв.)	3(39)	25
8	Кефели И. Ф., Колбанев М. О.	К вопросу о формировании теории глобальной безопасности	4(40)	15
9	Арчаков В.Ю., Макаров О. С.	Информационный фактор в «гибридных войнах»	4(40)	22
10	Марджанян А. А.	Научно-информационная политика и гибридные войны	4(40)	26
11	Перевалов Д. В.	Правовое обеспечение противодействия гибридным войнам	4(40)	35

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

1	Кефели И. Ф.	Геополитические риски и шансы в процессе становления «Большого Евразийского Партнерства»	2(38)	38
2	Иванов Г. В.	Северный морской путь в глобальной геополитике Арктики	3(39)	35
3	Кефели И. Ф.	Арктика в проекте «Большая Евразия»: к вопросу о методологии геополитической экспертизы	3(39)	39
4	Левкин И.М., Борщенко В. В.	Информационные свойства геополитического пространства	4(40)	39
5	Цзу Чуньмин	«Азиатская идея» в евразийстве: от становления к современной стратегии	4(40)	46

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

1	Сычиков В. И., Зимин В. А., Дяченко С. А.	Скоростной транспорт для Арктики и Сибири	1(37)	31
2	Лукин В. Н., Муслиенко Т. В.	Арктическая зона Российской Федерации в геополитической стратегии Евразийского экономического союза	2(38)	47
3	Шумейко И. Н.	Российская Арктика, начало «Полярного дня»	2(38)	52
4	Агарков С. А., Козьменко С. Ю., Ульченко М. В.	Арктические коммуникации в китайских инфраструктурных проектах	3(39)	45
5	Дуброва С. Н.	Мероприятия приарктических государств по усилению военного присутствия в Арктике	3(39)	53

6	Левкин И. М., Иванова В. П.	Развитие международной конкуренции в Арктическом регионе в современных условиях	3(39)	63
7	Бахтуридзе З. З.	Выбор внешнеполитической стратегии Грузии в оценках грузинского общества	4(40)	54
8	Погодин С. Н., Тараканова Т. С.	Стратегическое партнерство России и Китая на площадке ШОС	4(40)	62

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

1	Васильев С. В., Кузнецов А. А.	Роль глобальной противоракетной обороны в геополитике США	1(37)	48
2	Кефели И. Ф.	Некоторые проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности	1(37)	58
3	Татарникова Т. М.	Технологии защиты авторского права на цифровой контент	1(37)	66
4	Нурышев Г. Н., Попов П. В.	Информационно-психологические операции в системе гибридных войн	2(38)	65
5	Судариков А. М.	Проблемы обеспечения военной безопасности Советского Союза на начальном этапе «холодной войны» (Л. П. Берия: политическая судьба руководителя отечественного ВПК)	2(38)	74
6	Чижиков Э. Н.	МЧС России как инструмент обеспечения экономической безопасности государства	2(38)	83
7	Агарков С. А., Богачев В. Ф., Щеголькова А. А.	Международный военно-морской салон в Санкт-Петербурге: военное и экономическое присутствие России в Арктике	3(39)	97
8	Новоселов С. В.	О роли Астраханской области в обеспечении геополитической безопасности России в Каспийском регионе	3(39)	103
9	Синчук Ю. В., Журавель В. П.	Арктика: НАТО contra Россия	3(39)	113
10	Муза Д. Е.	Идеология как основа стратегической безопасности русской цивилизации	4(40)	79

ГЕОЭКОНОМИКА

1	Комлева Н. А.	Сирийский конфликт: геоэкономический аспект	1(37)	37
2	Погодин С. Н., Ван Цзюньтао	Геополитические и геоэкономические интересы Китая в Арктике	2(38)	59
3	Богоявленский В. И., Богоявленский И. В.	Стратегия освоения ресурсов нефти и газа Арктики – обеспечение энергетической, экологической и экономической безопасности России	3(39)	72
4	Жаринов Н. В.	Геоэкономические тенденции развития отечественного кораблестроения	3(39)	87
5	Матвишин Д. А.	Геоэкономические аспекты согласования хозяйственной и оборонной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации	3(39)	91
6	Бондуровский В. В., Сухаренко А. Н.	Обеспечение экономической безопасности как стратегическая задача государства	4(40)	67

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

1		Дмитрий Алексеевич Милютин. Старческие размышления о современном положении военного дела в России	1(37)	73
---	--	---	-------	----

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1		Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.)	1(37)	96
2		Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 5 декабря 2016 г.)	1(37)	114
3		Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (от 9 мая 2016 г.)	2(38)	90

РЕЦЕНЗИИ

1		Космические роботизированные комплексы. Ленинградская – Санкт-Петербургская научно-конструкторская школа	1(37)	122
2	Костюнин А. В.	Кавказ. Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию	1(37)	126
3	Нурьшев Г. Н., Когут В. Г.	Российская Арктика в контексте глобальной безопасности	2(38)	103
4	Охочинский М. Н.	Ракеты и космические аппараты «Арсенала»	2(38)	107
5	Погодин М. Н.	Международная интеграция и интеграционное право	2(38)	112
6	Песцов С. К.	Китай в Арктике: возмутитель спокойствия или системный игрок?	3(39)	126

ПУБЛИКАЦИИ

1	Тихонравов М. К.	Заметки по истории создания первого искусственного спутника Земли (Публикация подготовлена Л. П. Вершининой)	4(40)	91
---	------------------	--	-------	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

1		Посещение Военмеха делегацией Государственной думы РФ во главе с Г. А. Зюгановым 26 апреля 2017 г.	2(38)	114
2		Актуальные проблемы и перспективы евразийской интеграции. Итоги VI Международной научной конференции «Таврическая перспектива» (Санкт-Петербург, 25 апреля 2017 г.)	2(38)	118
3		На факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета обсуждаются проблемы публичной дипломатии на евразийском пространстве	3(39)	121
4		Всероссийская научно-практическая конференция «Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации» (14–16 сентября 2017 г., Северодвинск)	4(40)	101
5		Вопросы эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях (Межпарламентские слушания. 30 сентября 2017 года, Ереван)	4(40)	107
6		Евразийский научный форум в Санкт-Петербурге (8 декабря 2017 года)	4(40)	131

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

1	Саетгалеева Я. Я.	Энергетический потенциал стран Ближнего Востока	4(40)	85
---	-------------------	---	-------	----

1		Навстречу Дню космонавтики Дмитрий Ильич Козлов: военная юность студента Военмеха	1(37)	9
2		Памяти Георгия Михайловича Гречко.	2(38)	9
3		Россия и Китай: перспективы взаимодействия. Интервью Чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Китае Андрея Ивановича Денисова	4(40)	9

**COMBINED TABLE OF ARTICLES PUBLISHED
IN 2017, ISSUE 1 (37) – 4 (40)**

№	The author	The name of the article	Issue of the magazine	Page
GENERAL ISSUES OF GEOPOLITICS AND SECURITY				
1	Leonid G. Ivashov	What to expect from D. Trump and from America in the XXI century?	1(37)	14
2	Sergey V. Rybakov	Geopolitical risks of migration policy Angela Merkel	1(37)	24
3	Vladimir Yu. Archakov, Vitaliy N. Punchenko, Vyacheslav E. Remenchik	Information factor in hybrid war	2(38)	16
4	Yuriy S. Vasiliev, Alexander St. Bolshev.	The Development of the Arctic Research Field in the Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University	2(38)	28
5	Sergey N. Bolshakov	Europe in search of answers to global challenges and crisis	3(39)	9
6	Leonid G. Ivashov	Operation «soft power» in a hybrid war	3(39)	14
7	Sergei N. Kovalev, Alexey N. Spirin	«War»: the evolution of the term in military encyclopedias (XX-XXI centuries)	3(39)	25
8	Igor F. Kefeli, Michael O. Kolbanev	To the question of the formation of the theory of global security	4(40)	15
9	Vladimir Y. Archakov, Oleg S. Makarov	The information factor in «hybrid wars»	4(40)	22
10	Ara H. Marjanyan	Scientific information policy and hybrid war	4(40)	26
11	Dmitry V. Perevalov	Legal provision of counter hybrid wars	4(40)	35
THEORY AND HISTORY OF GEOPOLITICS				
1	Igor F. Kefeli	Geopolitical risks and chances in the process of becoming «Big Eurasian Partnership»	2(38)	38
2	George V. Ivanoff	The Northern Sea Route in the Global Geopolitics of the Arctic	3(39)	35
3	Igor F. Kefeli	Arctic project «Big Eurasia»: towards a methodology for geopolitical expertise	3(39)	39
4	Igor M. Levkin, Victor V. Borshchenko	Information properties geopolitical space	4(40)	39
5	Zu Chunmin	«Asian idea» in the Eurasianism: from becoming to modern strategy	4(40)	46
REGIONAL GEOPOLITICS				
1	Victor I. Sychikov, Vadim A. Zimin, Sergey A. Dyachenko	High-speed transport for the Arctic and Siberia	1(37)	31
2	Vladimir N. Lukin, Tamara V. Musienko	The arctic zone of the Russia in the geopolitical strategy of the Eurasian economic union	2(38)	47
3	Igor N. Shumeyko	Russian Arctic, beginning «polar day»	2(38)	52
4	Sergey A. Agarkov, Sergei Y. Kozmenko, Mikhail V. Ulchenko	Arctic communications in Chinese infrastructure projects	3(39)	45

№	The author	The name of the article	Issue of the magazine	Page
5	Sergey N. Dubrova	Bordering States, activities to strengthen its military presence in the Arctic	3(39)	53
6	Igor M. Levkin, Viktoria P. Ivanova	The development of international competition in the Arctic region in modern conditions	3(39)	63
7	Zeinab Z. Bakhturidze	Regional security potential of the South Caucasus	4(40)	54
8	Sergey N. Pogodin, Tamara S. Tarakanova	Strategic partnership of Russia and China on the SCO framework	4(40)	62

GLOBAL SECURITY

1	Sergey V. Vasilyev, Alexey A. Kuznetsov	The role of global missile defense system in the United States geopolitics	1(37)	48
2	Igor F. Kefeli	Some problems of ensuring of informational-psychological and cognitive security	1(37)	58
3	Tatiana M. Tatarnikova	Copyright protection technology for digital content	1(37)	66
4	Gennadiy N. Nuryshev, Pavel V. Popov.	Information and psychological operations in the system of hybrid wars	2(38)	65
5	Andrew M. Sudarikov	The problem of ensuring military security of the Soviet Union at the initial stage of «the cold war» (Lawrence P. Beria: the political fate of the head of the national defense industry)	2(38)	74
6	Eduard N. Chizhikov	Emercom of Russia as a tool for ensuring economic safety of the state	2(38)	83
7	Sergey A. Agarkov, Victor F. Bogachev, Asya A. Shhegolkova	International Maritime Defense Show in St. Petersburg: Russia's Military and Economic Presence in the Arctic	3(39)	97
8	Sergey V. Novoselov	About a role of the Astrakhan region in ensuring geopolitical safety of Russia in the Caspian region	3(39)	103
9	Yuriy V. Sinchuk, Valery P. Zhuravel	The Arctic: NATO contra Russia	3(39)	113
	Dmitri Y. Musa	Ideology as a basis for the strategic security of the Russian civilization	4(40)	79

GEO-ECONOMY

1	Natalya A. Komleva	The Syrian conflict: geoeconomical aspect	1(37)	37
2	Sergey N. Pogodin, Wang Juntao	Geopolitical and geoeconomic interests of China in the Arctic	2(38)	59
3	Vasily I. Bogoyavlensky, Igor V. Bogoyavlensky	Arctic oil and gas resources production strategy – maintenance of Russian economic, environmental and energetic security	3(39)	72
4	Nikolay V. Zharinov	Geo-economic trends in the development of Russian shipbuilding	3(39)	87
5	Dmitry A. Matviishin	Geo-economic aspects of harmonizing economic and defence activities in the Arctic zone of the Russian Federation	3(39)	91
6	Vladimir V. Bondurovskij, Alexander N. Sukharenko	Ensuring economic security as a strategic task of the state	4(40)	67

PAGES FROM THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

1		Dmitry A. Milyutin. Senile reflections on the current situation of military affairs in Russia	1(37)	73
---	--	---	-------	----

№	The author	The name of the article	Issue of the magazine	Page
---	------------	-------------------------	-----------------------	------

SCIENTIFIC LIFE

1		The delegation of the Russian State Duma led by Gennady Zyuganov made a visit to the Voennemeh, April 26, 2017	2(38)	114
2		Actual problems and perspectives of Eurasian integration. Results of the VI International Scientific Conference «the Taurian Vista» (Saint Petersburg, April 25, 2017)	2(38)	118
3		At the faculty of international relations, St. Petersburg state university discusses public diplomacy in Eurasia	3(39)	126
4		All-Russian scientific and practical Conference «management of innovation development of the Arctic zone of the Russian Federation (14-16 September 2017, Severodvinsk)	4(40)	101
5		The effective countering of the collective security system of hybrid wars under modern conditions (Interparliamentary hearing. 30 September 2017, Yerevan)	4(40)	107
6		EuroAsian scientific forum in St.-Petersburg (December 8, 2017)	4(40)	131

REVIEWS

1		Space robotic systems. Leningrad – St. Petersburg scientific and engineering school	1(37)	122
2		Alexander W. Kostyunin. Caucasus. Hozhenija in Dagestan, Abkhazia, Ingushetia	1(37)	126
3	Gennadiy N. Nuryshev, Victor G. Kogut	The Russian Arctic in the context of global security	2(38)	103
4	Michael N. Okhochinsky	Rockets and spacecraft «Arsenal»	2(38)	107
5	Michael N. Pogodin	International integration and integration right	2(38)	112
6	Sergey K. Peszov	China in the Arctic: troublemaker or system player?	3(39)	126

OFFICIAL DOCUMENTS

1		Foreign policy concept of the Russian Federation	1(37)	96
2		The doctrine of informational security of the Russian Federation	1(37)	114
3		Strategy for information society development in the Russian Federation for 2017-2030 years (from May 9, 2016)	2(38)	90

OUR PUBLICATIONS

1	Michael K. Tikhonravov	Notes on history of creation of the first artificial Earth satellite. (The publication was prepared by Lyubov P. Vershinina)	4(40)	91
---	------------------------	--	-------	----

WORD OF THE YOUNG RESEARCHERS

1	Jana A. Saitgalieva	The energy potential of the countries of the Middle East	4(40)	85
---	---------------------	--	-------	----

1		Towards the day of cosmonautics Dmitry I. Kozlov: military youth of Voennemeh's studenty	1(37)	9
2		Memory Georgy Mikhailovich Grechko	2(38)	9
3		Russia and China: prospects of cooperation. Interview of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in China Andrei I. Denisov	4(40)	9

Информация для авторов журнала!

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству научных и научно-педагогических работников, политических деятелей, сотрудников государственных учреждений и независимых аналитических центров, занимающихся геополитической проблематикой и вопросами обеспечения безопасности личности, общества, государства. В журнале публикуются статьи и аналитические материалы по следующим направлениям:

- философские науки;
- исторические науки;
- политические науки;
- экономические науки;
- географические науки;
- технические науки.

Материалы принимаются в виде файлов, выполненных в текстовом редакторе объемом до 50 000 печ. знаков, включая пробелы. Графика должна предоставляться в виде отдельных файлов (разрешение не менее 240–300 точек на дюйм) в форматах JPEG, (TIFF, PSD), векторная (EPS), или материалы должны быть предоставлены редакции для сканирования. Файлы материалов принимаются по электронной почте, на CD, DVD (дискетах — текст) или на флеш-носителях.

Редакция принимает к рассмотрению и публикации статьи при наличии следующих сопровождающих документов:

- 1) *аннотация статьи* на русском и английском языках (объемом до 200 слов);
- 2) *ключевые слова* на русском и английском языках;
- 3) *Ф. И. О. автора (авторов) и название статьи* на английском языке;
- 4) фото автора (авторов);
- 5) авторская справка на русском и английском языках (**Фамилия Имя Отчество — полностью, место работы или учебы, ученые степени и звание, приоритетные темы исследований, контактный телефон, факс, почтовый адрес, e-mail**).

Рецензирование статей осуществляется редакцией.

При отсутствии данных сопроводительных документов редакция вправе не публиковать статьи и материалы авторов.

Редакция журнала «Геополитика и безопасность» считает возможным публиковать статьи, теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакционной коллегии.

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ № 4(40) 2017 г.

аналитический и научно-практический журнал

Учредители	ФГАОУ ВО "СПб политехнический университет Петра Великого"; ФГБОУ ВО "Балтийский государственный технический университет "ВОЕНМЕХ" им. Д.Ф. Устинова" Журнал выходит под научно-методическим руководством членов РАН
Регистрационный номер	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 67409 от 13.10.2016
ISSN 2071-2332	ISSN International Centre
Адрес редакции:	190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., д. 1 Тел./ факс: (812) 251-17-20; e-mail: geokefeli@mail.ru
Главный редактор	Кефели Игорь Федорович
Верстка	Матвеева Татьяна Викторовна
На обложке	изображение Google Планета Земля
Типография	Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего» 191002, Санкт-Петербург, ул. Социалистическая, д.4, литер А, помещение 2Н Тел. 8911-791-08-80
	Тираж 1 000 экз. www.geobez.ru

Перепечатка материалов возможна только с письменного разрешения редакции.
При цитировании ссылка на журнал «Геополитика и безопасность» обязательна.